

Дана Обави

Мышь

в Муравейнике

Дана Обава

Мышь в Муравейнике

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70383088

SelfPub; 2024

Аннотация

Муравейник – густонаселенный мегаполис, гигантское живое здание, возведенное давно исчезнувшей цивилизацией. Поговаривают, что его кишачие чудовищами подземные уровни простираются так глубоко, что достигают самого ада, но в них есть и выходы в другие обитаемые миры. Вету нашли где-то там, и она, робкая и несмелая, выросла на нулевом уровне Муравейника, чувствуя себя мышкой в чужом доме. Но однажды по своей прихоти офицер стражи Муравейника забирает ее с собой на верхние уровни, устроив на работу в учебной части стражей. Теперь у нее есть доступ почти повсюду. Как раз в это время у ее знакомой без вести пропадает брат. Сможет ли Вета вопреки своим страхам и характеру помочь в его поисках? А как сложатся ее отношения с жесткими стражами?

Содержание

1	4
2	43
3	98
4	114
5	145
6	153
7	183
8	204
9	246
10	270
11	289
12	329
13	360
14	377
15	388
16	400
17	415

Дана Обава

Мышь в Муравейнике

1

С тихим вздохом закрываю папку со своим тестом и поднимаю взгляд от парты. Проверять не вижу смысла – не имеет значения, сколько баллов я наберу за него, это никак не повлияет на мое будущее. А вот все мои одноклассники сидят в напряженных позах, не отрываясь от исписанных листов. Нервно дрожат, обливаются потом, беззвучно шевелят губами, снова и снова перечитывая вопросы. Одна из девушек впереди меня, кажется, вот-вот свалится в обморок. Еще бы! Если я правильно помню, она собралась поступать в медицинскую гильдию, а это означает огромную конкуренцию.

Ужасно тянет посмотреть, как там Лекс, но он сидит позади меня, а оборачиваться строго запрещено, тут же выгонят и аннулируют работу. Не так уж важно, то есть неважно для меня, но я не хочу попасть в неприятную ситуацию. Поэтому я поднимаюсь и иду по проходу между партами к столу наблюдателя, который, оперев голову на руку, со скучающим видом смотрит на класс. Кладу перед ним свою работу и подхожу к двери. Теперь могу обернуться и посмот-

реть. Лекс вместо ответов на вопросы, что-то увлеченно рисует прямо на экзаменационном листе. Похоже, он собирается стать первым учеником в истории, получившим за тест на интеллект отрицательный результат. Впрочем, ему, как и мне, оценка не важна, хотя и по иной причине.

Перевожу взгляд на Кейт. Она полностью сосредоточена и со стороны кажется абсолютно спокойной, методично и внимательно заполняя листы для ответов. В отличие от нас с Лексом ей очень важно показать себя. Она полна решимости пробиться наверх, чего бы ей это не стоило. А стоить будет много. Особенно для таких как мы. Для нас это почти невозможно.

Мы в этом мире чужие.

Прямо сейчас мы находимся на двадцатом уровне Муравейника – грандиозной многоуровневой махины, представляющей собой одно из древнейших строений этого мира, построенного неизвестно кем и неизвестно как, но на века. Оно уходит на сотню уровней в небо и на бесчисленное множество уровней в глубины земли, и где-то там внизу есть выходы в другие миры.

Своих миров никто из нас троих не помнит. Такие как мы время от времени появляются на подземных запретных уровнях, бродят там в абсолютной тьме, потерявшие память, а иногда и разум, и если им удастся подняться выше, то их подбирают местные жители. Точнее говоря, специальная команда, имеющая допуск в подземелья Муравейника. Они со-

бирают не только людей, но и разные “подарки” других миров: одежду, технику, игрушки, книги на самых разных языках – кучу всего, что потом перешивается, переделывается и используется в обиходе местных. Больше семи лет назад нас (тогда нас еще было четверо) запихнули в ящики, как и другие вещи, подняли на нулевой уровень, то есть на уровень поверхности земли, и выгрузили в сортировочном центре, откуда нас забрала госпожа Илона – директриса сиротского приюта. Потрясающе добрая женщина! Она приняла нас, выучила местному наречию и необходимым навыкам, а потом устроила в школу. Всех кроме Мэй. Она не смогла оправиться после перехода между мирами и теперь находится в больнице в отделении для душевнобольных. Мы же втроем кое-как нагнали учебную программу для местной молодежи и теперь наравне со всеми сдаем выпускные испытания.

С тех пор, как нас нашли, мы так и живем в общежитии сиротского приюта на нулевом уровне. У остальных же моих одноклассников есть семьи, хотя это слово здесь редко используется. Их родители принадлежат к разным гильдиям и в зависимости от своих успехов в них проживают на разных уровнях Муравейника. Чем выше статус, тем выше расположены их апартаменты.

Я последний раз смотрю на ребят, с которыми проучилась все это время. Завтра по результатам тестов они и сами вступят в гильдии и заживут отдельно от своих родителей. Вряд ли я их после этого когда-нибудь увижу – хоть я и имею пра-

во подниматься на верхние уровни, вплоть до этого, двадцатого, но мне там просто нечего делать.

Покинув класс, по пустым и тихим коридорам выхожу на платформу. Здесь на одной из колонн есть часы, они показывают без четверти двенадцать, а это значит, что я могу побыть в одиночестве еще пятнадцать минут. Я очень ценю это время: ни в приюте, ни тем более на ткацкой фабрике, где я работаю, почти нет возможности побыть одной. Фабрика эта, кстати, учреждена самим приютом, и в основном мы шьем униформу для гильдий, социальный заказ. Теперь, окончив школу, я буду там работать полную смену.

Подхожу к парапету и сажусь, свесив ноги с края платформы. Я смотрю вниз, в темную бездну. Так мы зовем широкий пролет, сетью раскинувшийся на весь Муравейник и проходящий через все уровни, в том числе те, которые находятся под землей. Сколько всего этих уровней, не знает никто, спускаться туда запрещено. Допуск есть только у стражей и искателей, и то они не могут делать этого без приказа. Говорят, бездна доходит до самого ада. По легенде, когда-то давно, когда эту землю населял совсем другой народ, они начали строить гигантские здания в жерлах потухших вулканов. Они строили вниз и добрались до преисподней, они строили вверх и достигли небес. Неизвестно, что в итоге забрало их – ад или рай, но этот народ бесследно исчез. Хочется верить, что они ушли туда, на самый верх, но мне все же интересно и то, что может быть в самом низу. Семь лет назад, будучи

еще совсем ребенком, я и сама побывала там, в глубине, но память ничего из этого не сохранила.

Я сижу, глядя в черную бездну, а думаю о том, как мне жаль заканчивать школу. Здесь мы каждый день узнавали что-то новое, но уже с завтрашнего дня моя жизнь будет ограничена маленькой комнаткой и бесконечным шитьем однотипной одежды. Мне совсем не по нутру такое будущее, но я слишком робкая и несмелая, чтобы хоть что-то предпринять, как это делает Кейт. Она хочет присоединиться к гильдии стражей, у них есть допуск практически повсюду. Вот только по негласному правилу никого с нулевого уровня в эту гильдию не берут. Впрочем, у Кейт есть некоторый план, в котором и я немного участвую. Для этого мне пришлось переступить через свою трусливую натуру, но она моя единственная подруга, так что я не жалею, хоть и дёргаюсь постоянно. Взамен – конечно, когда она уже устроится в гильдию и получит собственную комнату на верхних уровнях – Кейт собирается забрать меня к себе. Так можно делать. Это называется когард – несколько человек, живущих вместе в помещении того, кто берет на себя ответственность за всех. В этом случае я получу идентификационную карту, открывающую доступ к тем же уровням, что и у Кейт, только это будет не белая карта свободного гражданина – шинарда, а оранжевая карта зависимого акбрата. Что мне не очень-то по нутру, честно говоря, хоть мы и друзья. То есть в любом случае я планирую остаться на своем месте с белой картой и

самым ограниченным доступом жителя нулевого уровня.

Звенит звонок, и коридоры наполняются гулом сотен голосов. Ребята возбуждено переговариваются между собой и спешно расходятся кто куда. Многие наверняка разбредутся по кафе или пойдут в парк – широкое чашевидное углубление в центре Муравейника, открытое для Солнца, но простирающееся только до пятьдесят четвертого уровня. Там они наверняка будут в компании отдыхать и обсуждать прошедшие экзамены, планы на будущее и распределение, которое пройдет завтра утром. Но некоторые пойдут в спортзал, где через полчаса начнется тест на физическое состояние. Его нужно сдавать только тем, кто хочет попасть в гильдию стражей, как Кейт.

Она и Лекс подходят и садятся на край платформы по сторонам от меня. Мы собираемся подождать, когда толпа рассеется, но сначала придется пережить очередной налет Мина. Это еще один наш одноклассник, высокий крепкий парень с колючим взглядом и вечно взъерошенными черными волосами. Он постоянно цепляется к нам просто за то, что мы с нулевого. Его родители оба из стражей и он собирается пойти по их стопам.

– И что вы здесь расселись? Неохота ползти обратно в свои норки? – грубо интересуется он, возвышаясь над нами. Мы молчим, старательно игнорируем его. Драться он все равно сейчас не полезет – будет беречь силы перед испытаниями. – Ну ладно, завтра наконец-то я стану стражем, –

спокойный в своей самоуверенности проговаривает Мин, – а всего через год уже буду наводить порядок в вашей помойке. Начну с вас, крысеньшей, – выплевывает он презрительно и пихает Лекса ногой в спину.

– Слушай, раз ты так уверен, что будешь худшим в потоке, может тебе вообще не затеваться с этим? – вместо того, чтобы ухватить Мина за ногу, повалить и начать очередную потасовку, как обычно делает Лекс в таких случаях, он просто ухмыляется.

– Для стража неважно, на каком уровне работать. Важно заниматься полезным делом, – говорит Мин назидательным тоном и уходит.

– Да уж, полезным, – кривится Лекс, – ходить парами и тащить в карцер всех, кто криво стоит.

– Пошли, – шепчет Кейт, и мы вместе идем в женский туалет. Здесь в кабинке я спрятала для нее пакет с одеждой. Идти на последний тест в своей обычной грязно-серой длинной мешковатой юбке и коричневой просторной кофте на пуговицах под горло подруга не хочет. Во-первых, бегать и прыгать в них неудобно, а во-вторых, по этой одежде всем сразу станет очевидно, откуда она. Все девушки и женщины с нулевого обязаны носить такую одежду, наглухо скрывающую фигуру. Заслушание могут арестовать на трое суток или побить. Госпожа Илона объяснила нам почему. Мы все работаем за еду, денег не видим, подработать на стороне возможностей почти нет. А ведь хочется иногда и безделушку

какую-нибудь купить и в кино сходить как все. Поэтому одно время девочки с нулевого начали продавать единственное, что им действительно принадлежало – свое тело. Прямо на платформах, просачивались даже на относительно респектабельные уровни. Из-за этого начали массово поступать жалобы. Так что, теперь так. Даже на верхних уровнях стражи могут проверить твою идентификационную карту, которую мы все получаем в девять лет, и если ты с нулевого и неправильно одета, добро пожаловать в камеру, а могут и хлыстом прямо на месте отстегать. С другой стороны, девушки с верхних уровней одеваются очень и очень вольно. А вот косятся при этом на нас.

В общем, я раздобыла на фабрике обрезки ткани, а Кейт несколько помятых журналов. Мы долго выбирали подходящие модели, чтобы она на экзамене ничем не выделялась из толпы. И чтобы швы и вставки смотрелись как декоративные элементы, а не так как будто у нас ткань закончилась. В итоге мне удалось сшить вполне удобные брючки и кофточку и незаметно вынести их с фабрики. Для других ерунда, наверное, все тащат оттуда, что могут, но меня до сих пор в жар бросает, как вспомню.

Облачившись в новое, Кейт сдергивает с головы косынку и встряхивает волосами. Мы сделали ей модную стрижку из журнала, достаточно короткую, чтобы волосы не мешали, но все же они красиво обрамляют лицо, полностью меняя о нем впечатление. Теперь Мин вряд ли узнает ее в спортзале, тем

более что никак не ожидает ее там увидеть, да и наверняка будет полностью сосредоточен на самом себе.

Мы обнимаемся напоследок, по очереди выходим из туалета. Лекс встречает нас неподалеку, но нам с ним теперь не стоит идти рядом с Кейт, чтобы не скомпрометировать ее. Так что в спортзал мы идем в отдалении от подруги.

В зале уже полно народу. Я захожу первая, и некоторые оборачиваются на меня и хихикают. Стараюсь не обращать внимания, хотя от смущения у меня темнеет в глазах. Кое-как поднимаюсь на галерею верхнего яруса, откуда можно будет спокойно наблюдать за испытаниями. Пока здесь никого нет – все собрались внизу, среди матов и прочего спортивного инвентаря. Сбоку стоят несколько автоматов для регистрации. Мое сердце екает, как только я вижу Кейт, пробирающуюся к ним сквозь толпу. На нее никто не обращает внимания, как мы и хотели. И все же она действительно очень смелая и достойна того, чтобы выбраться из нашего болота. Собираюсь держать за нее кулачки!

Кейт проводит картой по считывающему устройству, и автомат выдает ей бумажку с номером шестьдесят пять. Она наклеивает ее на рукав и бросает короткий взгляд на галерею. Мне становится страшно за нее, хотя наверняка бояться нечего. В списках инструкторов Кейт будет просто под номером. Ее данные они узнают потом, и, теоретически, тогда уже будет поздно ее выгонять. Ведь речь идет о негласном правиле, а не о законе!

Двери в зал открываются в очередной раз, пропуская несколько мужчин в форме, которая известна мне до мельчайших деталей. Инструкторы неспешной походкой идут к возвышению в другом конце зала, и вмиг притихшая толпа расступается перед ними.

– Внизу остаются только испытуемые! – зычным голосом на ходу выкрикивает один из инструкторов. Он очень большой, настоящий великан. Форменная ткань натягивается на его мощных плечах, когда он, сложив руки на груди, поворачивается к залу.

Толпа приходит в движение. Те, кто пришел просто поглазеть или поддержать друзей, кидаются на галерею и это похоже на бегство. Несколько десятков человек с номерами на рукавах остаются внизу, но все они инстинктивно жмутся поближе к дверям.

– Первая десятка! – командует другой инструктор, выходя вперед. Он вроде и не кричит, а говорит даже с небольшой ленцой в голосе, но эти слова словно разрезают воздух, и первая десятка подскакивает на месте и поспешно отделяется от толпы. Инструктор ледяным взглядом обводит зал и становится очень тихо. У его лица бедная мимика, зато серые глаза ну очень выразительны!

Шесть десятков и последняя семерка по очереди вызываются вперед и выполняют подтягивания, отжимания и другие подобные упражнения. Я слежу за Кейт и в очередной раз удивляюсь ее упорству. Хотя я и немного тренировалась

с ней за компанию, но, глядя, в каком темпе их заставляют все это выполнять, понимаю, что лично я бы умерла уже на середине. Хотя, зачем тянуть, умерла бы в самом начале.

Дальше идет стрельба из пистолетов по большим, в человеческий рост мишеням. Теперь испытуемых вызывают по пять человек. Мин, кстати, в седьмой пятерке.

Вот они выходят к черте, инструктор дает команду, слышатся звуки выстрелов. Но Мин вместо этого дергается и трет лоб. Снова прицеливается, дергается, трет переносицу и почему-то злобно смотрит на галерею. Остальные уже отстрелялись, и стало тихо.

– Вам что, надо подумать? – Участливо спрашивает наблюдавший за Мином самый крупный инструктор. – Хотите просчитать траекторию? Дать калькулятор?

– В меня кто-то стреляет с галереи! – внезапно выдает Мин.

– Ну да, в стражей иногда стреляют, привыкайте! – жизнерадостно басит великан. – Меня уже трижды штопали.

– Хотите пройти в лазарет или продолжим? – раздраженно спрашивает сероглазый инструктор.

Мин отчетливо пугается и все-таки заканчивает стрельбу по мишени. Когда подходит очередь Кейт, она пару раз мажет. Да и попадания не слишком близко к центру. Но, по-моему, учитывая, что в тире она была лишь единожды, результат неплохой. Остальные, конечно же, тренировались, так что отстрелялись в большинстве своем гораздо лучше. Про-

межуточных баллов не показывают, но и так понятно, что пока подруга находится где-то в конце списка. Однако остается еще последнее испытание – бег с препятствиями, и за него могут дать много баллов, поскольку бегать будущим стражам придется много. В Муравейнике множество коридоров, лестниц, безостановочных подъемников, в которые надо запрыгивать на ходу. Машины летают только в пространстве пролетов над бездной и по специальным туннелям, то есть в основном придется перемещаться на своих двоих.

Испытание будет проводиться на платформах, так что народ постепенно покидает зал. Я выжидаю, чтобы не оказаться в самой толпе, так что выхожу последней.

После ярких ламп спортзала в коридоре совсем непроглядно. Разве что далеко впереди вижу силуэты идущих на фоне светлого прямоугольника выхода на платформу. Только выхожу из дверей, как кто-то с силой толкает меня к стене. Оступившись, чуть не падаю. Мин хватает меня за плечи и разворачивает к себе.

– Где этот твой шальной дружок?! – шипит он мне в лицо.

– Не знаю, отпусти! – пишу я в ответ. Он больно вцепился в мои предплечья, еще и сильно встряхнул для острастки.

– Передай ему, что если я из-за него вылечу, я найду его и скину к чертовой матери в бездну! Хотя нет, я скину тебя!

Отцепившись, наконец, от меня, он бегом догоняет остальных. Я же потираю больные места, продолжая стоять в полутьме коридора. Меня переполняет тревога. Что если

Лекс действительно сможет помешать Мину вступить в гильдию? Как бы мы его не ненавидели, ведь он третировал нас все время, что мы его знаем, но все же поступить с ним так было бы слишком жестоко. Это уже будут не детские шалости, это сломает ему жизнь. И на что он станет способен после этого, когда ему уже нечего будет терять? Как он отомстит? Я не очень-то боюсь угроз Мина в свой собственный адрес, но что если он навредит Мэй?

Я беспомощно оглядываюсь. Испытуемые уже вышли на платформу и двери за ними закрылись. Для зрителей где-то установлены экраны, куда будет транслироваться картинка с летающих камер. Только вот я не знаю, где это, в какой коридор все свернули?

Иду вперед просто по памяти, потому что перед глазами черным черно. Слышу голоса где-то слева и поворачиваю. Медленно шагаю вперед, боясь натолкнуться на кого-нибудь в темноте. Мне везет – в следующем ответвлении коридора на секунду мелькает свет. Как раз в этот момент дверь закрывается за последним вошедшим, и я снова ничего не вижу, но, к счастью, теперь знаю, куда идти.

Уже нащупав дверную ручку, я снова пугаюсь. Вдруг это не последний из зрителей вошел, а кто-нибудь из преподавателей школы вошел в класс? Будет неловко, а таких ситуаций я боюсь как огня. Из-за двери не раздается ни звука, входы в большинство помещений здесь закрываются наглухо. Приходится пару минут набираться мужества, вздыхаю и открываю.

ваю небольшую щель. Моих ушей сразу достигает множество звуков. В не очень большом помещении яблоку негде упасть, и все стоит ко мне спиной, так что я спешно проскальзываю внутрь и встаю позади толпы в шаге от двери.

Передо мною какие-то уж больно высокие парни, за ними я вижу какой-то совсем уж жалкий кусочек экрана. Встаю на цыпочки и тянусь, как могу, чтобы увидеть хоть что-то. Бесплезные усилия, но, к счастью, есть другая возможность подглядеть за испытаниями.

Собираясь выйти обратно в темный коридор, приоткрываю тяжелую дверь и вижу, как с той стороны кто-то проходит мимо. Поэтому не решаюсь выйти сразу. Досадно. Толпа за моей спиной раздражается радостными криками, реагируя таким образом на происходящее на экране. То есть все уже началось и мне нужно скорее двигаться. Конечно, Кейт совсем не важно, увижу я ее или нет, но мне самой ужасно любопытно посмотреть хотя бы, как она борется за свою мечту.

Дергаю за дверную ручку и потихоньку выглядываю из комнаты. Слева по коридору вижу спины трех человек. Они явно идут к еще одному выходу на платформу, где и должно проходить последнее испытание. Идут медленно, а мне, к сожалению, нужно двигаться в том же направлении, только юркнуть в сторону чуть пораньше, в маленькую дверцу для робота-уборщика. Когда троица неспешным шагом добирается до одного из тусклых светильников, вижу синюю офицерскую форму. Скорее всего, это инструкторы и без них ис-

пытание не начнется, так что можно просто постоять здесь и подождать, пока они пройдут. Идти за ними, а тем более обгонять я, само собой, не решаюсь.

Вжавшись в стену, нетерпеливо жду, когда же освободится проход. В комнату с экранами проникает еще несколько человек и, пока дверь остается открытой, слышу одобрительные возгласы, но атмосфера спокойная. Наверное, ребята просто увидели своих бывших одноклассников или приятелей, вышедших к стартовой черте.

Маячащие вдалеке фигуры, наконец, исчезают, коридор пуст, я подбираю подол длинной юбки и бегу вперед так быстро, как только могу. Достигнув маленькой дверцы, нагибаюсь и просачиваюсь мимо робота в узкий проход. В закутке совсем темно, но я и без того знаю что делать, не впервой. Нужно встать на самого робота и нащупать наверху в стене край отверстия вентиляции, оттуда можно вылезти наружу. Приходится немного испачкаться – здесь единственное место, где робот не убирается. Еще чуть-чуть и вылезаю не небольшой балкончик прямо над краем платформы. Он под завязку уставлен всяким хламом, так что есть где незаметно устроиться и все посмотреть. На ощупь пробираюсь через пахнущие химией коробки к свету.

– Привет, – улыбается мне Лекс, уже успевший удобно устроиться у самой решетки.

– Хорошо видно? – спрашиваю я, подходя к нему. Этот балкончик нашел и показал мне Лекс, он же объяснил, как

легко открывать эти маленькие предназначенные только для техники дверцы. Вдвоем мы расчистили тут немного места между дырой, через которую сюда пробираемся и решеткой балкона. С двух сторон от получившегося прохода высятся горы старой мебели. Они сложены довольно плотно, но кое-что можно разглядеть и сквозь них. Однако на нашем краю платформы, кажется, пусто. Никого нет и с противоположной стороны бездны.

– Старт и финиш далеко справа от нас, зато здесь наши бегуны будут поворачивать.

– Где? Здесь же нет перехода? – я сажусь рядом с Лексом и смотрю вниз сквозь решетку.

– Видишь эту хреновину, подвешенную над бездной? С прицепленными к ней канатами? Вот с помощью этой штуки они будут перебираться на ту сторону. Ответственный момент. – Объясняет Лекс, в руках он держит трубочку, из которой он, должно быть, и плевался в Мина на стрельбище.

– Надеюсь, ты не собираешься плевать в Мина, когда он повиснет над пропастью на таком канате? – интересуюсь я на всяких случай.

– Конечно, нет, он же так, бедненький, упадет, – ухмыляется Лекс.

– Да, вполне может упасть! – возмущаюсь я. – Не вздумай!

– А можно хотя бы на подходе в него плюнуть?

– Нет!

Не то чтобы, конечно, ему нужно было мое разрешение,

он так шутит просто, но все равно.

– А можно я хотя бы крикну “придурок”, и посмотрим, вдруг он оглянется?

Я и в такой малости хочу ему отказать, но не успеваю.

– Я же все слышу,...! – раздается сердитый возглас под нами. Похоже, один из инструкторов стоит прямо под балконом и мы его просто не видим. А балкончик то низко висит. – А ну спустились оттуда быстро!

Увидев синюю форму, вышедшего из-под балкона стража, мы дружно заваливаемся назад. Я уж порываюсь совсем оттуда сбежать, но Лекс удерживает меня, ухватившись за край юбки. Он прикладывает палец к губам, намекая, просто сидеть тихо. Действительно, ведущая с платформы на балкон лестница находится с другой стороны мебельного завала, и чтобы его преодолеть нужно уж не знаю как разозлиться. Мы наверняка этого стража до такой кондиции еще не довели.

Ну, оказывается, можно было не спешить, и мы успеваем заскучать и едва не пропускаем момент, когда самый первый бегун достигает канатного перехода. Страж, который нас шуганул, уже отошел обратно под балкон, так что мы снова подбираемся к решетке и жадно смотрим.

Первый бегун с разбегу прыгает на ближайший канат, а он на минуточку висит над бездной где-то в метре от края платформы! При этом вся эта подвешенная между двумя платформами конструкция приходит в движение, и он, повиснув на руках, медленно движется на другую сторону пропасти.

Жуть какая! Случись что, он просто свалится вниз, и никто его больше никогда не увидит!

Однако, не смотря на мои опасения, бегун счастливо достигает другой стороны пропасти, спрыгивает на платформу и бежит себе дальше. Ладно, ждем Кейт и держим за нее кулачки!

Следующие участники испытаний достигают канатной дороги с большим разрывом. Раньше Кейт мы успеваем насчитать одиннадцать человек. Когда появляется она, у меня чуть сердце не останавливается. Она бежит в нескольких десятках метров за Мином, он пару раз даже оборачивается на нее. Мин прыгает на канат и благополучно достигает противоположной платформы. Лекс закусив губу, напряженно наблюдает за ним, крутя свою трубочку в руках, но все же ничего не делает. Но Мин спрыгивает на платформу и почему-то остается там. Эта сволочь стоит и смотрит на Кейт! Она медлит, но всего несколько секунд. Прыжок и она хватается на канат. Раскачиваясь над пропастью, он ползет на другую сторону. И тут эта паскуда, Мин, хватается за другой канат и держит, и вся конструкция останавливается! Кейт беспомощно зависает над бездной!

– Плюнь этому гаду в глаз! – кажется, пишу я. Хотя, наверное, Мин сейчас для простой трубочки слишком далеко. Лекс в возбуждении подскакивает с места.

Инструктор, про которого все забыли, выскакивает из-под балкона и разражается такой бранью, что Мин буквально

растворяется в воздухе. Страж что-то подкручивает, и канат снова приходит в движение. Кейт все-таки добирается до платформы, неуклюже спрыгивает, падает и пару секунд лежит на полу.

– Кейт, вперед! – орет Лекс, не обращая внимания на инструктора внизу, который обещает подняться и свернуть ему шею.

Кейт все же поднимается и бежит дальше. Молодчина она у нас.

Но мы не успеваем порадоваться. Сердитый инструктор подпрыгивает, хватается за решетку балкона и подтягивается к нам. Мы спешно отступаем через дыру в стене, падаем куда-то на робота и как-то в кромешной тьме на чистом адреналине умудряемся сразу найти дверцу на выход и выскочить в коридор. Вообще-то мне кажется, что уйти нам удастся чисто потому, что страж не особенно стремится нас поймать и, просто повисев на решетке, возвращается на свой пост. Однако драпаем мы на всякий случай очень быстро.

На следующий день сразу после завтрака мы поднимаемся на двадцатый уровень, и идем к событийному залу школы. Вся платформа запружена людьми, потому что каждого вчерашнего школьника сопровождают его родственники. В некоторых случаях не только родители, как у тех близнецов, вокруг которых собралось человек десять. В зал на само распределение никого из них не пустят хотя бы по той причине,

что тогда там все не поместятся. Оставив Кейт в очереди в туалет, где она снова собирается переодеться, мы с Лексом сразу пробираемся в зал, не без интереса разглядывая умиленных мам, взволнованных пап и их смущенных отпрысков. Через несколько часов эти пока еще дети с самых разных уровней, вступят в свои гильдии и заселятся в общежития нижних уровней, чтобы начать свою относительно самостоятельную, но номинально взрослую жизнь и собственное восхождение наверх. Нас это все и касается, и не касается. Очень скоро мы, как и все остальные, узнаем свои баллы за тесты, а дальше перейдем жить во взрослое общежитие нулевого уровня уже без опеки госпожи Илоны из приюта. Никакого восхождения нам не грозит.

Добравшись, наконец, до двери, мы заходим в полупустой зал. У автоматов стоят небольшие очереди желающих узнать свои оценки и записать их на свои карты. Это минутное дело, поэтому очереди движутся быстро. Те, кто уже с этим закончил, снова покидают зал, чтобы сообщить родным о результатах. Когда подходит очередь Лекса, я не могу удержаться и подглядываю ему через плечо. На удивление баллы очень приличные, то есть тесты он все же заполнил и только потом разрисовал. Наверняка за последнее сколько-то баллов с него сняли, так что в целом он просто молодец, и это еще учитывая его проблемы с чтением!

Записав на карту свои баллы, отхожу с Лексом к одной из колонн. Рассчитываю спрятаться за ней от Мина, ко-

гда он появится. А времени до начала распределения осталось совсем немного. Впереди на возвышении уже собрались представители гильдий и светловолосая распорядительница в элегантном брючном костюме цвета пудры. Украдкой смотрю, кто пришел от гильдии стражей. К сожалению, добродушного великана нет. Тот инструктор, который поразил меня вчера своим ледяным взглядом, разговаривает с распорядительницей. Он усмехается, она кажется взволнованной и смущенной. Я ее понимаю, есть в нем что-то такое... смущающее.

Время подходит, и зал быстро заполняется. Женщина в костюме берет микрофон и начинает свою вступительную речь. Я не особенно слушаю, глазами выискивая в толпе Мина, но все сводится к тому, что мы, конечно, все молодцы, раз как-то сподобились окончить школу, тем не менее, основные трудности впереди и от сегодняшнего выбора многое зависит.

Закончив со вступлением, распорядительница поднимает планшет, чтобы зачесть нам имена особенно отличившихся на экзаменах.

– За первый экзамен на знания больше девяноста баллов набрали, – она делает паузу и зачитывает несколько имен. – И в этом году у нас есть один человек, набравший сто баллов, это Вета..., – дальше следует долгая пауза, наверное, потому что в отличие от подавляющего большинства у меня только одно имя, а не три. Первое имя дается при рождении родите-

лями, второе и третье дети выбирают сами, когда им исполняется девять. Одно – из имен матери, другое – из имен отца. – С нулевого уровня, – вынуждена дочитать распорядительница, после чего она сразу переходит к результатам экзамена на интеллект. С ним у нее затруднений не возникает.

Ну надо же, ни одной ошибки в первом экзамене! Я даже, наверное, немножко горжусь про себя. Впрочем, не так уж это удивительно. Все свое свободное время я проводила в школьной библиотеке, ища новые знания о новом мире во всех доступных источниках. Фонды этой библиотеки довольно скромны и я успела прочитать или хотя бы просмотреть почти все имеющиеся в ней материалы. К тому же обычно кроме меня самой там никого не было, и я могла побыть одна, что немаловажно.

Теперь, наконец, начинается собственно распределение. Первой проводит набор гильдия медиков. Всех желающих просят зарегистрироваться в автоматах. Эти самые желающие уже и так стоят рядом с ними со своими карточками наизготовку, так что процесс завершается достаточно быстро. Программа вычисляет среди них лучших по баллам за два экзамена. Результат выводится на планшет представительницы гильдии, она проверяет список и, может быть, кого-то вручную вычеркивает, но об этом никто не узнает. Она зачитывает список. Счастливики выходят на возвышение и строятся позади нее. Через несколько минут медики уводят своих новобранцев, и наступает черед научной гиль-

дии. В эту гильдию входят не только ученые-исследователи, но также и преподаватели, и техники, обслуживающие все сложнейшие системы нашего города. Среди них также выбираются лучшие по знаниям и интеллекту.

Следующая – гильдия стражей. Все, кто сдавал экзамен на физическое состояние, с надеждой устремляются к автоматам. Я вижу Кейт, Мин встает в очередь прямо за ней, что страшно. Вдруг он увидит ее лицо? Вдруг узнает? Вдруг доложит стражам? Говорят, они не проверяют списки, прежде чем их зачитать, полагая, что на экзамене лично видели всех и выбрали подходящих. Только с ними у Кейт есть шанс, и, получается, он висит на волоске!

Лекс, которого я все это время старательно пихала за колонну, устремляется к ним. Он заговаривает с Мином, как раз тогда когда Кейт отворачивается от автомата. Я вижу, как она пугается, увидев его так близко, но Мин настолько взбешен, что не обращает на нее внимания. Боюсь, он в этот момент вообще не помнит, где находится и зачем стоит у автомата. В стремлении придушить Лекса, он роняет свою карту на пол.

Кейт растворяется в толпе, а вся очередь орет на Мина, чтобы он сунул, наконец, свою карту в автомат, у всех и так нервы на пределе, а он еще и задерживает! Пышущий яростью Мин наклоняется за картой, и Лекс, довольный, возвращается ко мне.

– Все путем, – шепчет он, но я качаю головой и указываю

на Мина, движущегося в нашем направлении.

Тем временем программа проверяет, кто из зарегистрировавшихся набрал проходной балл по первым двум экзаменам, и выбирает сорок лучших по результатам третьего. Сероглазый инструктор выходит вперед и смотрит на экран планшета, на который выводится список по убыванию набранных баллов. Мин добирается до нас, и они с Лексом вполголоса обмениваются оскорблениями.

Инструктор начинает зачитывать список. В первой десятке Мина не оказывается, и он сердится еще больше. Он пихает Лекса, и в следующую секунду они уже катаются по полу, дубася друг друга кулаками. За прикрытием колонны и возбужденной толпы их, должно быть, с другого конца зала не замечают, так как чтение списка продолжается.

– Тридцать восьмой – Мин Тьен Леон, шестьдесят первый уровень!

Мин так увлечен потасовкой, что не реагирует на собственное имя. Никто не выходит на возвышение и в зале повисает удивленная тишина.

– Мин Тьен Леон! – орет инструктор.

Я подскакиваю к Мину, как раз ухватившему Лекса за горло:

– Ну же, тебя назвали!

Он выпучивает глаза и сдавлено вскрикнув, бежит через зал, на ходу вытирая кровь, сочащуюся из разбитого носа.

– Ах, этот... – пренебрежительно констатирует инструктор.

тор и читает предпоследнюю строчку:

– Тридцать девятый – Кейт, нулевой... уровень.

Бросив список, инструкторы собираются в круг и начинают совещаться. Сероглазый куда-то звонит, не обращая внимания на то, что их ждут сотни человек. Правда никто нетерпения не проявляет – всем интересно, что же будет с девушкой с нулевого.

Я прочесываю глазами толпу, но нигде не нахожу Кейт. На возвышение она тоже не вышла. Наконец, вижу, что она стоит у самых ступеней.

Через несколько минут сероглазый снова поворачивается к залу, без малейшей эмоции машет Кейт, чтобы она поднялась, и поднимает планшет, чтобы зачитать последнее имя.

Закончив со списком, стражи строят своих новобранцев попарно и конвоируют их к выходу. Мы смотрим, как со всеми уходит Кейт. Проходя мимо, она улыбается нам. Еле сдерживаю восторг – все получилось!

Я задерживаюсь в зале до самого конца распределения. После него всегда зачитывают список вакансий, которые не требуют принадлежности к какой-то конкретной из восьми гильдий. Думаю, что если бы в общей библиотеке были вакансии в этом году, я бы нашла в себе смелость... но нет. Ищут человека на мойку машин и все. Ну да ладно, иду домой.

Моя новая комната в общежитии производит на меня

удручающее впечатление, малюсенькая и очень темная, хотя, что немаловажно, я в ней одна. Хлипкая дверь, вызывает некоторые опасения, особенно вспоминая того страшноватого на вид мужчину, которого я встретила в коридоре. Он повернулся и пошел за мной, проводив почти до самой комнаты. Правда, когда через полчаса я выхожу на работу, его уже не видно. Буду надеяться, он просто любопытный.

Сажусь на свое место и принимаюсь за дело. Мимо проходит Лекс, на спине он тащит огромный тюк с тканями. Он подмигивает мне и улыбается. Не понимаю чему. Хотя наш план великолепно удался, настроение у меня не ахти. Конечно, я рада за Кейт, но мне все равно грустно. И шум от швейных машин сегодня особенно раздражает меня.

Кстати, обнаруживаю, что углубившись в свои мысли, забыла о кое-чем очень важном. Ткань взять. А без нее никак, да.

На складе беру темно-синюю ткань для офицерской формы, отмеряю нужный кусок. Еще прихватываю дополнительный моток красных ниток для нашивок и иду в свой зал, собираясь раскроить ткань на заданный размер. Но в зале подозрительно тихо, так что вхожу с опаской.

Все девочки сидят тихо как мышки, сжавшись и потупив взор. Между ними ходит человек в синей форме. Красная нашивка одна, значит младший офицер. Светлые волосы подстрижены почти под ноль, на шее и затылке вытатуированы чудовища со змеиными языками. Сам он высокий жилистый,

немного сутулый, с длинными руками, которыми он грубо подтаскивает девчонок к себе, крутит их, осматривая со всех сторон.

– И что ж все страшные то такие, – грубо комментирует страж низким хриплым голосом. – Ни жопы, ни сисек. А вот это нормальный размерчик, – вроде как хвалит он одну из швей, глядя на ее крупный бюст, но потом поднимает взгляд на ее покрасневшееся лицо и обрубает: – Только морда как у поросся.

Я вопросительно смотрю на госпожу Илону, которая молча наблюдает за происходящим. Она кивает в сторону, чтобы я вроде как ушла пока не поздно, а сама говорит, пытаясь отвлечь на себя внимание:

– Не понимаю, вам вроде швея была нужна, а не стриптизерша. Какая разница, как она будет выглядеть?

– Ну да, швея, – задумчиво соглашается офицер, – а там как пойдет, – добавляет он, упрямо отказываясь отвлекаться на госпожу. Я потихонечку отхожу назад к выходу из зала, но он меня уже заметил. – Стоять!!! – внезапно гаркает он, так что я от неожиданности чуть не роняю нежно прижимаемый к груди отрезок ткани. – А она кто?

– Никто, просто ткань принесла, – отвечает мадам поспешно, к сожалению, неискренность в ее голосе вполне очевидна.

– Да? Значит, вы не будете против, если я ее заберу, – наиграно радуется офицер и неспешно подходит ко мне. Под

его едким взглядом очень хочется прикрыть тканью сразу все выступающие части тела и желательно еще и лицо. Хоть и знаю прекрасно все свои недостатки, но совсем не хочется услышать к ним комментарии.

– И на какое время вам понадобится моя работница? – нервно интересуется госпожа Илона.

– До тех пор пока наша старуха обратно не помолодеет и не разогнется, – усмехается офицер, выдирая у меня из рук отрезок ткани, и крутит меня вокруг оси. – Так себе, ну ладно, сойдет.

Не знаю, что ему там сойдет, потому как мне вообще-то в плане фигуры гордиться нечем. Ни маленькой грудью, ни наоборот объемной... ну той, за которую он так внезапно хватается, что я вдруг... Нет, сама бы я ни в жизнь не осмелилась, это просто рефлекс срабатывает случайно. Ну, в общем, чисто по-женски пощечину даю. Не знаю как ему, а мне больно. Но это не самая большая беда, поскольку офицер явно моим поступком не доволен, а даже злится и размахивается, чтобы отвесить мне такую затрещину, от которой из меня наверняка весь дух выйдет.

– Эй! – сердито орет появившийся с другого конца зала Лекс. Никакого пиетета к власти он никогда не испытывал и чувства самосохранения никогда не имел, так что появился мой друг очень не вовремя. Теперь проблемы будут не только у меня.

– А! Я тебя помню! – отвлекается на него офицер, вхоло-

стую опуская свою широкую тяжелую ладонь. – Это ты плелся горохом в наших новичков.

– В одного только, – уточняет Лекс.

– Его я тоже беру, – оборачивается страж к госпоже. – У нас как раз посыльный куда-то делся. Чтоб через двадцать минут оба были на платформе с вещами! – командует он, снова с презрительным выражением лица оглядывает зал с девочками, вздыхает и уходит.

Чтобы собрать мои вещи обратно в сумку мне нужно не больше минуты, я и не распаковывалась толком. Оглядываю комнату прощальным взглядом. Конечно, я не успела к ней привязаться, зато успела убедить себя, что останусь здесь навсегда и почти-почти смирилась с этим. Но жалеть, пожалуй, не буду, что бы ни ждало меня наверху.

Лекс получил комнату довольно далеко от моей, так что мы договорились встретиться на выходе из общежития. Запираю дверь и иду по коридору, хотя вижу, что в конце стоит тот самый мужчина, что повстречался мне здесь же, когда я только заселялась. Чувствую его тяжелый взгляд и подспудно понимаю, что так просто мимо него пройти не удастся, но выбора у меня все равно нет. Потупив взгляд, стараюсь ничем его не спровоцировать, но ему повод не нужен.

– Куда же ты, так и не дашь нам шанс познакомиться? – ухмыляется он, хватаясь за мою сумку.

– Пожалуйста, отпустите! – стараюсь, чтобы прозвучало

твердо, но выходит как всегда жалко.

– Меня сегодня уволили, – зачем-то информирует он, дыша перегаром. Теперь одной рукой хватается за мое предплечье, вторая сжимается на моей талии.

– Мне очень жаль... – пишу в ответ, пытаюсь высвободиться. Он, должно быть, в ужасном положении. Если ему не удастся найти другую работу в ближайшие несколько дней, а это вряд ли, его выкинут из общежития. Даже не представляю, что с ним потом будет.

– Ну так пошли, приласкаешь меня!

– Нет, меня ждут! – выкрикиваю я, стараясь вырваться, пока он теснит меня обратно в коридор.

– Подождут! – рывкает мужчина. Он, похоже, пьян, движения неловкие и замедленные, так что мне удастся прорваться мимо него, но он толкает меня в спину, и я хлопаюсь на пол.

Идет разгар рабочего дня, и, думаю, во всей секции общежития сейчас ни души. Жаль, что я не догадалась выйти попозже – и куда только спешила? В ближайшие минуты никто не пойдет меня искать.

Но сожалениями себе не поможешь. Придавив меня сверху, он грубо шарит руками под кофтой, противно и мокро целует в шею. Когда он оборачивается и тянет руку назад, хватаясь за подол юбки, я изворачиваюсь и бью его локтем в лицо. Почувствовав, что могу повернуться, пинаю его ногой туда, куда мне советовала Кейт. Он жутко орет, хватаясь за ушибленное место. Вскрываю и бегу, с испугу, не ина-

че, прихватив свою сумку. Оборачиваюсь, только открыв уже тяжелую секционную дверь. Мужчина все еще валяется на полу и, кажется, плачет.

Теперь, когда мне уже ничего не угрожает, я испытываю к нему искреннюю жалость. Но вот Лекс никого жалеть не будет, так что аккуратно поправляю одежду, перевязываю козынку, из-под которой вылезли волосы, и несколько минут жду, чтобы прошел румянец на щеках.

Пройдя мимо развалившегося за стойкой дежурного, выхожу из общежития, где буквально сталкиваюсь с госпожой Илоной. У нее растерянный вид, глаза на мокром месте – никогда в жизни не видела ее такой.

– Прости меня, не думала, что так будет, – говорит она и вдруг порывисто обнимает. – Я еще раз пыталась его убедить, но он ужасно упрямый. Боюсь, я его только раззадорила.

– Вы об этом офицере? – не сразу включаюсь я.

– Его зовут Кейн, – кивает мадам, – и он больной на голову ублюдок! – Горячо добавляет она. – Постарайся его не провоцировать, вообще как-нибудь держись от него подальше. И сиди тихо, как мышка!

Как мышка я умею. Только не понимаю, почему госпожа так беспокоится. Разве на верхних уровнях может быть опасней, чем на нашем нулевом?

– Да что вы волнуетесь, я же рядом буду, – встречается незаметно подошедший Лекс.

– Да от тебя одни неприятности! – госпожа машет на него рукой. – Не подставляй ее, слышишь? И не втягивай ее в свои глупые авантюры! Она хорошая девочка, а таким достается больше всех.

– Ладно, – чтобы только отвязаться соглашается Лекс, – навещайте за нас Мэй, если что, а мы пошли, – он подхватывает мою сумку и тащит меня на платформу. Я несколько раз оглядываюсь на госпожу, которая стоит у входа в общежитие и смотрит нам вслед. Теперь мы увидим ее только в выходной, наверное, то есть через девять дней. За это время наверняка многое изменится.

Гадать, где именно будет ждать нас офицер, не приходится. Темно-синяя машина стражей, украшенная кроваво-красными полосами по бокам, стоит прямо напротив выхода на платформу. Кейн сидит на капоте, щелкая кнопочками электронной игры, и кажется полностью увлеченным ею, однако это не мешает ему отследить наше появление в нескольких десятках метров от себя.

– Давайте быстрее двигайтесь! – рычит он, открывая заднюю дверь.

– Уже бежим! – уверяет его Лекс и тут же переходит на неспешный прогулочный шаг. Мне совсем не хочется злить офицера, но что я могу сделать? Остается только так же медленно семенить за Лексом до машины. Тем временем Кейн забирается на переднее сидение и заводит двигатель. Под днищем автомобиля загораются золотые огоньки. На мгно-

вание мне кажется, что он так и улетит без нас, но офицер неожиданно терпеливо ждет.

Добравшись, наконец, до машины и не нарвавшись ни на чье недовольство, Лекс разочарованно закидывает наши сумки под заднее сиденье и помогает мне забраться внутрь. Я проскальзываю на другую сторону сиденья, подобрав цепляющуюся за все длинную юбку, и старательно сдерживаю восторженную улыбку. Мне еще ни разу не приходилось кататься на этих потрясающих летающих машинах. Их в городе не так уж много, особенно в личном пользовании. Есть большие летающие автобусы, движущиеся по определенным маршрутам, но и их мне пока доводилось лишь провожать любопытным взглядом.

Лекс также неспешно забирается в машину вслед за мной, за что получает по спине хлопнувшей дверью. В тот же момент машина вертикально взлетает, резко стартует вперед и на большой скорости несется по узким воздушным проглам, рассекающим Муравейник от верхушки до самых глубин. Вернее, это сейчас они кажутся узкими, когда стены, платформы и переходы только и мелькают перед глазами. Раньше-то они виделись мне внушающими трепет широкими бездонными расщелинами. Но это как посмотреть. Теперь же нас швыряет по всему заднему сиденью, и я уже не уверена, где верх, где низ, когда машина наклоняется при поворотах и ныряет в тоннели. Ремни безопасности мы обнаруживаем, только когда машина окончательно выравнива-

ется и залетает в автоматически открывающийся перед ней одноместный бокс.

Довольный офицер, весело насвистывая, вылезает из машины.

– Извини, – тихонько шепчет Лекс, понимая, за что это нам такое удовольствие досталось. Я дрожащими руками поправляю выбившиеся из-под косынки волосы. Честно говоря, мне понравилось. Хочу еще. Уже пристегнувшись, правда. Но очевидно мы уже приехали, и удастся ли когда-нибудь снова так покататься неизвестно. Очень может быть, что я таким образом из одной душной комнаты перебралась в другую, только на сколько-то там уровней выше, и на этом все.

Что поделать. Выбираемся из машины, Лекс вытаскивает наши сумки. Офицера рядом уже нет. Бокс с наружной стороны уже закрылся, но впереди есть небольшая овальная дверь. Лекс первым переступает высокий порог и получает такого пинка, что летит через весь коридор, и впечатывается в следующую дверь. Я достаиваюсь только болезненного тычка в спину.

– Сказал же, быстрее двигайтесь! – скалится Кейн.

Всю дорогу подпихиваемые офицером, по хорошо освещенным коридорам мы добираемся до просторного зала с перегородкой посередине, верхняя часть которой прозрачная и видно, что с той стороны все уставлено столами, картотеками и всякой офисной техникой. Множество человек в форме сидят за компьютерами, говорят по телефонам или

носятся с какими-то бумагами туда-сюда.

С нашей стороны зала все менее напряженно, людей меньше и не все они одеты в форму. Кто-то стоит компанией и разговаривает, кто-то просто сидит на расставленных вдоль стены стульях.

В перегородке есть несколько окошек, возле некоторых кто-то стоит и совещается с людьми внутри “аквариума”. Кейн оглядывает зал и подходит к одному из таких окон. Там за стеной сидит еще один страж, он кому-то что-то жарко доказывает по телефону. Перед ним на столе стоит некое устройство, которое Кейн, не дожидаясь окончания разговора, тащит к себе через окно. За ним тянется и шнур.

– Давайте свои карты, – говорит офицер и пихает свою карту, а потом и наши в разные слоты этого устройства.

Провожая взглядом свою несчастную белую карту, не замечая, как к нам подходит еще один офицер.

– И зачем ты эту мышь серую притащил? – пренебрежительно спрашивает он Кейна, который с сердитым видом тыкает в разные кнопки устройства, но видимо безрезультатно.

Узнаю голос, но не нахожу мужества посмотреть на него и убедиться. И так ясно – это тот сероглазый инструктор, который сегодня зачитывал список принятых в гильдию стражей.

– Да остальные не лучше, ты б видел! – кипит Кейн, продолжая грубо мучить нерадивое устройство. Лексу удастся на сей раз промолчать, хотя ему и приходится для этого зажать себе рот ладонью.

– Сейчас, – сероглазый поправляет одну из карточек, машинка радостно пикает и выдает на гора две оранжевые карты. Кейн пихает их нам, а наши белые разрезает на несколько кусков и ищет, куда бы сунуть обрезки. Страж за стеклом тут же протягивает ему мусорное ведро, так и не оторвавшись от телефона.

Дальше Кейн снова тащит нас по бесконечным коридорам, которые в конце концов выводят нас в большой зал с высокими потолками и двумя галереями по бокам. Он похож на наш школьный спортзал и также уставлен всяким спортивным инвентарем, тренажерами и подобным. Его мы проскакиваем почти полностью, остановившись у одной из дверей.

– Шелохнешься, я тебе башку оторву и в бездну выкину! – обещает Кейн, поставив Лекса к стене. Меня он толкает в дверь и я, обернувшись, вижу, как мой друг за спиной офицера делает шаг в сторону и с улыбкой машет мне.

Быстро отворачиваюсь от него и оглядываюсь вокруг. Помещение, в которое мы вошли, похоже, довольно просторное, но не кажется таким из-за массивных стеллажей, занимающих большую часть его площади. Кроме того, здесь творится жуткий бардак. Форменные рубашки, куртки, штаны и ботинки валяются вперемешку прямо на полу, а также на стоящих вразнобой стульях и столах. Единственное, что в этом хаосе кажется нетронутым – это чистый островок с креслом и сухонькой старушкой на нем.

– Это Рейн, – представляет ее Кейн. – Короче, делай, что

она скажет, – коротко инструктирует он меня и уходит, судя по крикам, доносящимся из-за двери, прихватив Лекса с собой.

– Как тебя зовут, милая? – спрашивает старушка, тщетно попытавшись встать из глубокого кресла.

– Вета.

– Очень красивое имя, – Реин морщится от боли и протягивает мне сплошь исписанный пожелтевший листок. – Это список того, чем тебе придется здесь заниматься. К сожалению, я мало чем смогу тебе помочь. Спину совсем прихватило. Да и, правду сказать, от меня теперь вообще мало толку, только место занимаю. Странно, что они еще не скинули в бездну мои старые кости.

– Думаю, вас все очень ценят и ничего подобного не сделают, – все, что нахожу сказать я.

– Я уж давно здесь работаю. Без малого шестьдесят пять лет, – не без гордости говорит старушка. – Но в последнее время я уж совсем разваливаться начала, так что мои обязанности выполняли другие работники, кто что успевал. Вот даже новобранцам самим пришлось искать себе экипировку, оттого и бардак такой, – с печальным вздохом она смотрит на образовавшиеся завалы. – Ну, ты походи, освойся. Там позади еще комнаты есть, где стиральные машины стоят и прочее. Есть еще закуток, где сможешь оставить свои вещи. А спать придется в общей комнате, тебе потом кто-нибудь покажет.

Ничего себе, шестьдесят пять лет на одном месте! Не так я представляла успешную карьеру.

Забираю от двери свою сумку и иду осваиваться. Позади действительно еще несколько комнат, и там беспорядок не меньше. Список моих обязанностей тоже поражает меня не в хорошем смысле. Почему на эту работу понадобилась швея, не ясно. В основном мне придется стирать и гладить, менять постельное белье и полотенца, штопать форму, ну и следить за складом этого всего.

Что ж, зато работать я, похоже, буду почти в полном одиночестве, а это лично для меня большой плюс. Оглядываю последнюю самую маленькую комнату. Здесь относительно чисто, стоит несколько стульев и есть выступ в стене, на который положен матрас. На вешалках и полках висит и лежит старая одежда, наверняка принадлежащая старушке, но явно освобождено место и для моих немногочисленных вещей.

В принципе, если в этих помещениях как следует разобраться, разложить все по полкам и стеллажам здесь будет вполне приятно находиться. Есть даже отдельные умывальник и туалет. Единственное чего здесь не хватает, так это теплых спальных мест, так что придется на ночь уходить в некую общую комнату. Просто на матрасе спать не получится, Муравейник по ночам сильно остывает. Разве что где-нибудь среди кое-как сваленных кучами мешков и тюков найдутся одеяла.

Оглядев свое новое обиталище, вспоминаю, что я так и

не успела изучить свою новую оранжевую карту зависимого человека. Забавно, как получилось. Еще несколько часов назад я переживала, что никогда не покину нулевой уровень и швейную мастерскую и при этом была твердо уверена, что на оранжевую карту никогда не соглашусь. А вот поди ж ты! Боялась, что-то поменять в своей жизни и, пожалуйста, всё поменяли за меня и моего мнения не спросили.

Итак, карта. Как и было раньше, на ней мое одинокое единственное имя. Плюс имя моего нового шинарда – Кейн Тау Вайс, его адрес, уровень и доступ: от минус двадцатого до плюс девяностого уровня. То есть не абсолютно повсюду, как я думала, но почти. Правда я уже успела размечтаться, что удастся как-нибудь побывать на крыше Муравейника, а то то, что она собой представляет, осталось для меня загадкой. Только в одной из книг в школьной библиотеке нашелся намек, что она является обиталищем совершенно немислимых летающих чудовищ. Вот бы туда попасть!

2

Из-за моего ужасного характера мне не хочется покидать заваленных тюками помещений как можно дольше. Старушка вскоре уже дремлет в своем кресле, и я оказываюсь здесь практически одна, сразу начинаю разбираться со своими новыми обязанностями. Одновременно с этим где-то на периферии сознания постепенно оформляются ужасные животрепещущие вопросы, на которые мне также предстоит каким-то образом найти ответы: где мне спать, что есть, как здесь можно помыться? По своему обыкновению, надеюсь, что все как-нибудь решится без моей инициативы, а пока занимаюсь делом.

В задних комнатах находятся большие стиральные и гладильные машины, к которым и подходить даже боязно. Я не имею ни малейшего понятия, как они работают и как к ним подступиться. Но тем более мне не хочется из-за своей недогадливости будить бедную женщину. Робко побродив вокруг них, я приподнимаю и опускаю крышку стиральной машины, оглядываю ящичек, по-видимому, для порошка, приглядываюсь к почти полностью стертым надписям возле кнопок. И к великому облегчению выуживаю из-под днища старую, мятую, выцветшую инструкцию. Не все можно разобрать, но вполне достаточно, чтобы пытаться действовать методом проб и ошибок не сломать эти огромные угрожающие

устройства, каждое из которых может поглотить меня целиком. К гладильным машинам я никаких подсказок не нахожу, но они оказываются попроще. К концу дня я успеваю на пробу постирать и погладить несколько не самых новых простыней.

Пока работают машины, разбираю большую часть склада форменной одежды. При этом на верхних полках обнаруживается целый ворох шерстяных одеял. Вообще-то, в Муравейнике их никто никогда не использует – в спальнях модулях достаточно тепло. Но, видимо, стражи предпочитают быть готовыми ко всему. Теоретически, без электричества модули отключатся, и в таком случае все население рискует замерзнуть насмерть, особенно если это произойдет зимней ночью. Но на моей памяти такого никогда не случилось.

Подушки здесь, кстати, тоже никто не использует, а я вот так спать просто не могу. Всегда подкладываю что-нибудь под голову. Особенно, когда бесчинствует бессонница, так и тянет положить голову повыше.

Пока верчу в руках рулон из одеяла, в голове мелькает трусливая мыслишка. Почему бы не решить свои проблемы с ночлегом самостоятельно? Устроиться на ночь на том матрасе, закутавшись в парочку таких одеялок? По крайней мере, пока сейчас лето. А зимой можно приткнуться между наработавшихся за день, излучающих тепло машин. Хотя они, должно быть, остынут слишком быстро. К тому же это, возможно, нарушение правил.

В конце дня за старушкой приходят. Какая-то хмурая девушка тормозит ее, положив руку на хрупкое плечо, поднимает из кресла и ведет за собой. Возможно, таким образом, она уводила ее и раньше, на обед, например, или приносила еду сюда, пока я была в задних комнатах. Уже в дверях, Реин вспоминает обо мне и поспешно с заискивающей интонацией просит девушку, рассказать мне, где здесь что, и где мое спальное место. Та, почему-то резко, сквозь зубы, называет мне номер комнаты и тащит старушку прочь.

Не совсем уверенная, что мне делать, я иду за ними на некотором отдалении. В большом зале в этот момент никого нет, как и в коридоре, в который заворачивает девушка. Из него она выходит в другой большой зал с распахнутыми настежь дверями. Оттуда доносится шум многих голосов. Я заглядываю туда вслед за ней и просто столбенею. Это, собственно, столовая с широкими и длинными столами, запруженная множеством людей. Они громко переговариваются, смеются, стучат подносами. Я пытаюсь оглядеться, но от нахлынувшего ужаса все плывет перед глазами. Выскакиваю наружу как ошпаренная.

К черту еду! О ней даже думать тошно, хотя я и пропустила обед. Пока в коридорах наступило затишье, спешу к той комнате, которую мне назвала та девушка. Найти ее не трудно, планировка уровней во многом совпадает.

Дверь в нужную мне комнату закрыта, но я и так пред-

ставляю ее габариты – на двадцатом уровне здесь находится один из школьных классов. Очень надеюсь на то, что во время ужина внутри никого нет, неуверенно захожу. К счастью, так и есть и можно спокойно осмотреться.

Как я и ожидала, это общая спальня, рассчитанная на восемь человек. Спальные модули расположены по обе стороны от загромождённого прохода. Четыре средних смотрят друг на друга, оставшиеся на заклеенные картинками стены. Возле каждого тумбочка или вешалка с одной стороны и узкий шкаф с другой. Кроме того сверху модулей остается еще место и оно повсюду завалено всякими пакетами и коробками чуть ли не до потолка. Одежда свисает буквально отовсюду, делая комнату похожей на такие странные, приторно пахнущие джунгли. На стене напротив входа два зеркала, уляпанные по краям блестками и наклейками. Рядом с ними хлипкие заваленные косметикой столики. Ну а на полу, конечно же, нестройные ряды разномастных туфель, босоножек, со стразами, кисточками, ремешками, на шпильке, на платформе – просто выставка. Раз все равно никто не видит, я приподнимаю подол юбки и прикидываю, как смотрятся рядом с ними, мои удобные ботинки. Жутковато, честно говоря. И откуда только эти царапины на носке? А пятна? Как будто у них лишай.

А собственно, куда же приткнуться мне? Возвращаюсь обратно по проходу, силясь понять, какой из этих модулей не занят. Чужие вещи вообще-то повсюду, но у одного из бли-

жайших к выходу их меньше всего. Просто несколько коробок и больших пакетов, как будто это место превратили в склад того, что не поместилось или мешало. Во второй мой проход туда-сюда, замечаю наконец на боковинах узкие таблички с именами. За свисающими платьями и шарфами их почти не видно. Так и есть, у того модуля, что я приметил табличка отсутствует, только следы от клея остались. Немножко подвигаю коробки, чтобы было куда сесть. Сажусь.

Первой появляется яркая девица крайней степени стройности. Она одета в короткий топик, открывающий безупречный живот и голубые обтягивающие шорты, поверх которых колышется пышная и длинная, зато абсолютно прозрачная розовая юбка. На голове из окрашенных во все цвета радуги волос сооружено нечто немислимое. Завидев меня, она порхает ко мне как экзотическая бабочка в блестящих сланцах.

– Привет, я Ристика. Ты пришла на место Рейн? – вопрошает она, часто хлопая густо намазанными ресницами в комочках туши. Я киваю в полнейшем офигении. – Ты сестра Криса? – уточняет она, и я снова дергаю головой, но уже отрицательно.

– Ой, – Ристика манерно прикрывает рот обеими ладонями. – Вот он не обрадуется.

За спиной девушки как раз появляются остальные соседки.

– Сэру не взяли, – говорит она им раздосадовано, и я по-

нимаю, что вместо меня они ожидали какую-то свою знаковую.

– А говорили, что все схвачено у нее, – отвечает одна из девушек сердито.

– Да она же с нулевого! – восклицает другая, обратив внимание на мою одежду.

– Ты что даже не из гильдии?! – удивляется Ристика.

Недовольно галдя, все девушки уходят вглубь комнаты. Там они очевидно продолжают обсуждать сложившуюся неприятную ситуацию. А действительно, почему же офицер спустился за заменой Реин к нам в мастерскую, хотя для этой работы бы лучше подошел кто-нибудь из обслуживающей гильдии? Причем, взяв нас с Лексом, ему пришлось стать нашим шинардом, иначе у нас попросту не было бы доступа на этот уровень. Кстати, я до сих пор не знаю, на каком уровне нахожусь.

Ну, если мне просто странно, то мои соседки этим взбешены. Из обрывков разговора, доносящихся до меня, понимаю, что для девушек и ребят из гильдии попасть сюда в качестве обслуги это уже заслуженный шаг вверх. И вот какая-то их подруга заслужила, а из-за меня обломалась, осталась внизу. Хотя они ее видимо никогда раньше не видели, так что все-таки не подруга. Но они знают ее брата Криса, который здесь очевидно работает. У меня зреют неприятности!

В ожидании отбоя сижу как на иголках. Соседки понизили

голос, продолжая обсуждение, зато иногда я слышу неприятное подхихикивание. Мне вспоминаются такие же тихие разговоры в сплоченных кружках наших девчонок в приюте. Они означали, что кому-то ночью придется туго.

Перед отбоем в одиннадцать часов я снимаю только ботинки. Девушки постепенно укладываются, не сказав мне больше ни слова, но соседка сбоку, перед тем как лечь в постель, одаривает меня презрительным взглядом морального превосходства.

Я тоже ложусь, чуть свесив левую руку над выступающими из-под модуля ботинками. Перед выключением света в комнате все закончили шуршать пакетами и замерли.

Свет гаснет, оставляя нас в крошечной темноте. Я тот час поднимаюсь, одной рукой хватаю свою обувь, второй придерживаю юбку, чтобы она не шуршала, и на цыпочках выскользываю в коридор. За своей спиной, я уже слышу, как поднимаются остальные. Надо же, даже не дают мне времени на “заснуть”. Они тоже пытаются не шуметь, но у них это не слишком получается. Я же серой мышью улетаю от них прочь.

По коридору двигаюсь быстро, одной рукой чуть касаясь стены. Я уже давно привыкла уверенно двигаться в темноте. План помещений так и стоит перед мысленным взором, помню все расстояния наизусть. Оказавшись в помещении склада, снимаю с шеи свою карту на цепочке и, оставив ее в считывателе, блокирую изнутри дверь. Всего делов! Теперь

можно спокойно искать в темноте одеяла и матрас. Пока что я в безопасности.

В приюте нас приучили не задавать вопросов. По крайней мере, тем, кто выше нас по положению, то есть всем. Боюсь, я с этой привычкой не скоро расстанусь, а вот Лекс находит меня утром вполне довольный. Он уже разузнал все, что только можно.

Итак, мы находимся на тридцать пятом уровне – самом верхнем уровне общежитий. Те, кто живут выше, уже имеют отдельную квартиру. Здесь же проходят обучение новички стражей, только что вступившие в гильдию. Офицеры на этом уровне не живут, но по очереди остаются на ночное дежурство. Они обучают молодняк, потом набирают из них себе небольшие группы, которые курируют и дальше при их продвижении наверх. Есть еще и старшие офицеры, которые следят за обучением новичков, а также продолжают обучение младших офицеров. Как-то так.

Что интересно, между офицерами в итоге распределяют не всех новичков. Худшие из них рискуют остаться в общежитиях надолго.

Еще Лекс узнал, что такое же обучающее отделение находится напротив, с другой стороны пролета бездны. В каждом из них находятся общежития для новичков, набранных из одного сектора Муравейника, то есть для сорока человек с каждой стороны, и классы. Прочие помещения, типа тира,

столовой, моей прачечной и так далее, не дублируются, что-то находится там, что-то здесь, так что отделения не самодостаточны, хотя между ними и поддерживается конкуренция.

Библиотеки как таковой здесь нет, но книги расставлены на многочисленных полках в каждом классе.

Расписания занятий составляются на несколько дней вперед до ближайшего выходного, причем длина промежутка между выходными меняется. Лекс обещает снабжать меня этим расписанием, которое собирается брать неизвестно откуда. Впрочем, ему выдали планшет, как у стражей, так что может информация приходит сразу на него. Задания для него, как для посыльного туда приходят. Точнее сыпятся. Быстро рассказав мне все это, Лекс сразу убегает.

На завтрак я все-таки не иду, хотя кушать уже даже хочется, но квест со столовой я все еще осилить морально не готова. Вскоре после него приходит Реин, она садится в свое кресло и предлагает посмотреть, что мне сегодня предстоит сделать на том листочке, что она мне дала вчера. Пока хожу за ним, на складе происходит какая-то жесь.

К моему возвращению на полу уже висится огромная гора грязного вонючего нижнего белья. Реин снисходительно смотрит на охвативший меня рабочий “энтузиазм” и говорит, указывая на две пластиковые корзины, стоящие у входа:

– Офицерское стирай отдельно.

– Хорошо, – лепечу я. Все еще стою и таращусь на гору,

пропитанную потом восьмидесяти человек, кое-где на белых майках виднеются даже следы крови.

– Не обязательно стирать это сейчас, у них еще есть по два комплекта, но учти, что позже будет еще форма и простыни, – говорит Реин. – График смены на листочках. Свою цивильную одежду они тоже будут тебе приносить. – Она продолжает объяснять мне все премудрости, а я начинаю перекладывать чужое белье с пола в свободную корзину. Замечаю, что на всем стоит цифровой код, и полагаю, раскладывать все на восемьдесят кучек придется тоже мне.

– Дайте мне посмотреть на эту шлюшку! – с этими словами на склад заявляется высокий жилистый парень и, обведя комнату недовольным взглядом, останавливается им на мне. На нем зеленая форма с теми же нашивками, что и у новичков, но на вчерашнего школьника он явно не тянет. Рискну предположить, что это тот самый Крис, чью сестру я своим появлением здесь ненароком обездолила. – И вот это позорище они взяли?! – восклицает он, оглядев меня презрительно с ног до головы. – Черт, я думал, что ты, по крайней мере, ублажила половину здешних офицеров, чтобы попасть сюда, но вот с этим, – он ткнул пальцем в мою сторону, – даже никто возиться бы не стал! Да ну на хрен!

– Придержи язык! – от негодования Реин вскакивает из своего кресла и даже делает небольшой шагочек вперед, едва не упав. Она вся мелко трясется, в глазах и злость, и бессилие.

– Сама заткнись, старуха! – орет парень. – Тебя давно в бездну пора отправить!

От вида маленькой беспомощной старушки, на которую совершенно несправедливо орет молодой и сильный псих, во мне на секунду просыпается истеричка. Нестерпимо хочется наброситься на него с кулаками, драться, кусаться и вопить.

– ТЫ ЗАТКНИСЬ! – рычу я вместо этого. – Немедленно извинись перед ней!

– А то что?! – интересуется парень с наглой улыбочкой.

Ну, не знаю что! Но для начала вываливаю на него корзину грязных трусов.

Мой грязный маневр имеет неожиданный успех. Противник немедленно ретируется, правда вопя благим матом и осыпая меня угрозами.

– Не бойся, я доложу начальнику, – говорит Реин, с трудом опускаясь обратно в кресло. Она дышит с некоторым затруднением. – Этому нахалу не поздоровится.

– Не нужно, – я стараюсь убедить ее этого не делать. Жаловаться стыдно, а вот мстить в данной ситуации прямо-таки очень хочется. Нет, конечно, не руша его карьеру, которая видимо и так с самого начала не задалась. А вот, используя свое служебное положение, подсыпать перца в нужное место – вполне адекватно, мне кажется.

Следующие несколько дней проходят тихо и спокойно. Мне удается несколько раз сходить в столовую – на буксире

у Лекса. У него не всегда получается составить мне компанию, бегая со всевозможными поручениями, но и того достаточно. Один раз повезло даже попасть на обед, где кроме прочего выдавали мои любимые яблоки. Еще я наострилась ходить в душ за полчаса до общей побудки. Душевые также оказались звукоизолированы, правда вода холодная, зато в это время уже можно включить там свет.

В общем, я приноровилась к новой жизни. Стала чувствовать себя уверенней и перестала заклинивать дверь на ночь, что оказалось к лучшему.

И вот открываю я глаза в полнейшей темноте со смутным ощущением чьего-то присутствия. Однако теперь, окончательно проснувшись, я чувствую лишь теплый кокон из колючих шерстяных одеял и холод на лице. Вокруг тишина и ни проблеска света. Но я не могу успокоиться, жду, подняв голову и уставившись куда-то в том направлении, где находится выход из комнатки. Какое-то время ничего не происходит, и я кладу голову обратно. Должно быть, мне просто что-то приснилось.

Пытаясь снова заснуть, я представляю себе ночные платформы. С одиннадцати вечера до пяти утра они совершенно безлюдны, свет погашен. Лифты и поезда замерли, накрепко задраив все входы. На всех верхних надземных уровнях жизнь затаилась, попряталась за двойными дверьми и затихла, как будто исчезла совсем, но где-то в глубинах бездны наоборот что-то просыпается, оживает, копошится там, де-

рется за то, что нападало сверху за день, пожирает трупы и остатки человеческой еды. Но кому-то из них мало тухлятины, щедро пожертвованной вольготно устроившимся под солнцем человечеством, и оно карабкается вверх, привлеченное биением сотен тысяч живых сердец.

В ночные часы на платформы выходить опасно, кто-то бродит по ним в темноте. Иногда его даже слышно, если прильнуть ухом к выходящей наружу стене. Иногда оно что-то оставляет как знак своего присутствия. Но никто еще не написал книгу о том, что же оно собой представляет. А если написал, то не занес экземплярчик своего творения в школьную библиотеку. Может такая книга есть на полках учебки стражей? Скоро у них выходной, надо будет проверить. Если конечно новички не предпочтут провести его в классах за самостоятельными занятиями, кто их знает.

Я снова рывком приподнимаюсь на матрасе. В соседнем помещении кто-то есть. И это не может быть сном, поскольку тот, кто там ходит, только что смачно ругнулся, а мыслепредставления в моей голове такими словами не пользуются. Не то, чтобы не знают, но...

– Я здесь! – говорю я негромко, хотя секретничать нет смысла. Отсек из нескольких комнат, в котором я работаю и прячусь, хорошо изолирован от других и за его пределами все равно никто ничего не услышит, даже если мне вздумается покричать.

На мгновение луч фонаря ослепляет меня, потом Лекс

подходит и садится рядом со мной на матрас и направляет его в сторону.

– Что ты тут делаешь? – спрашиваю я опять же шепотом.

– Хоть бы предупредила, что здесь ночуешь, – жалуется Лекс. – Я битый час ползал по полу женской спальни, пока не ухватил за ногу похожую на тебя девчонку. Повезло, что она так и не проснулась!

– Извини, – мне и страшно от представившейся картины и одновременно смешно. – Не думала, что ты захочешь меня навестить.

Лекс отмахивается, он явно чем-то взбудоражен.

– Мне дико нравится быть посыльным-новичком: хожу, где хочу, слушаю разговоры, а если засекут, отговариваюсь тем, что заблудился, – посвящает он меня в свои похождения. – И все мне сходит с рук, разве что кто-нибудь чем-нибудь да зашвырнет. Да все мимо – снайперы хреновы.

Радостно хихикаю, представляя себе лица всех этих надменных офицеров.

– Короче, скажи мне, Вета, только честно: а не хочешь ли ты выйти со мной на платформу?

Секунду смотрю на него непонимающе.

– Что, сейчас?!

– Ну а какой смысл выходить потом? Днем любой дурак может.

– А разве нас не засекут за этим прямо сразу?

– Я же сказал, хожу, где хочу, сую свой нос, куда не просят,

подслушиваю то, чего не надо, – терпеливо поясняет Лекс. – Все обойдется, гарантирую, – улыбается он, так что от волнения у меня желудок сводит.

Хочу ли я выйти ночью на платформу?! Что за вопрос издевательский?!

Начинаю напяливать юбку, еще не выбравшись из одеяла. Майку натягиваю шиворот навыворот. Ботинки пытаюсь завязать на ходу.

– Ты все-таки кофту-то одень, – напоминает Лекс, довольный произведенным эффектом. – Ночью это тебе не днем.

На самом деле от волнения меня так в жар бросило, что я могла бы выскочить в нижнем белье и не заметить, но если просят, то ладно. Кофту надеваю и, помирая от жары, следую за Лексом.

Темными коридорами мы тихонечко идем к шлюзу – не основному, который я уже видела, а какому-то подальше. Мимо помещения дежурных, у которого три стены стеклянные, проползаем на четвереньках.

У меня внутри все кипит от возбуждения. Сложно спокойно стоять на месте, пока возле двери шлюза Лекс неторопливо достает свою карточку. Он не только проводит ее через считыватель, но и вводит семь цифр некоего неизвестного мне кода. Преклоняюсь перед его качествами проныры!

Из шлюза выбираемся наконец на платформу и сразу подходим к поручню.

Ночь снаружи просто неопишимо прекрасна! Больше нет

всех тех многочисленных запахов, постоянного шума. Да и вокруг далеко не так темно, как, мне казалось, должно быть. Может, это лунный свет отражается от рефлекторов, может еще что-то, но, по крайней мере, по краю платформы можно ходить без фонаря. И главное – нет людей! Вообще! Огромные пространства, не занятые абсолютно никем. Чистый восторг! Я готова умереть, прямо в эту самую секунду! Кажется, я уже увидела самую прекрасную вещь на земле! Ощутила лучшее, что можно ощутить!

– Погуляем? – Лекс протягивает мне руку. Я хватаюсь за его теплую ладонь, и вдвоем мы не спеша идем по платформе, почти идентичной тем, что расположены на уровнях ниже и исхожены нами вдоль и поперек. Но ночью, это совсем другое место. Волшебное, чарующее. Это райские кущи, приют тишины, шедевр древних зодчих.

Меня трясет, но не от холода. Мы не только в самом прекрасном месте на свете, но, возможно, в эту самую минуту где-то неподалеку находятся или собираются сюда подняться невиданные неслыханные чудовища из нехоженных глубин земли. Я чуть ли не упиваюсь этим совершенно нормальным человеческим чувством страха, который ничего общего не имеет с ощущением постоянной тревоги, неловкости и подавленности, которые постоянно со мной. Страх возвращает меня к жизни, приносит удовлетворение от понимания, что я действительно жива и нахожусь где-то в мире живых, что я имею место быть. Меня трясет, перетрясает эмоции и из-под

гнета разочарований и апатии выбирается что-то хорошее, светлое, здоровое.

– Смотри сюда, узнаешь? – радостно восклицает Лекс.

Узнаю, конечно! Такое же приспособление для перехода между платформами, что мы видели на испытании для стражей. Прыгаешь на канат, и он протаскивает тебя на другую сторону прямо над бездной.

– Хочешь попробовать?

Когда вокруг нет людей, я все хочу!

– погоди, сначала я, – отстраняет меня Лекс.

– Только осторожно, – прошу его, отступая.

С ужасом смотрю, как он примеривается, прыгает и, удачно зацепившись, медленно плывет прочь. Круто! Теперь я.

Достигнув другого края, Лекс придерживает свой канат, чтобы вся конструкция остановилась так, как было бы удобно мне.

Пару раз представляю в уме свой прыжок и... Мои ноги больше не касаются платформы, пальцы хватаются за жесткий канат и их обжигает болью. Тело повисло и начало движение куда-то вперед.

– Захвати ногами канат! – советует Лекс нервно.

О, черт, конечно! Я так и десяти секунд не провишу! Кое-как делаю, что он сказал. Я как-то уже пыталась забираться по канату во время тренировок Кейт к экзамену. Тогда я залезла всего на полметра и сдохла, но теперь я хоть представляю, как сделать себе опору.

Ура! Я еду над бездной! Нет, почти лечу, только медленно. Пытаюсь извернуться и поглядеть вниз, но ни черта не видно. Ладно, хотя бы могу представить, что она там.

Пока воюю с канатом, позади что-то начинает происходить. Мы с Лексом уже больше не одни в ночном Муравейнике! Мне сложно оглянуться назад, но я хотя бы вижу испуганное лицо Лекса впереди. Еще несколько секунд и он помогает мне оказаться на платформе. Одергивая на место неудобную старую кофту, скорее оборачиваюсь.

К счастью, людей там не появилось, что было бы хуже всего. Судя по всему напротив, принюхиваясь к оставшемуся после нас запаху, стоит то самое чудище из глубин, однако оно вовсе не поражает воображение ни размерами, ни внешним видом. Это худощавая лохматая собака невзрачной серой масти, но очень внимательным пронизывающим взглядом маленьких черных глаз.

Всего лишь собака. Должно быть, она даже никогда не была на подземных уровнях, прячется днем где-нибудь на многочисленных складах, а ночью выходит искать что-нибудь съестное, что осталось не убранным.

Неужели вот такие собачки и создали легенды о ночных монстрах из глубин? Неужели из-за них четверть каждого суток люди боятся покидать внутренние помещения? Как-то странно.

Между тем собака делает шаг в нашем направлении и из темноты начинают появляться ее соратники. Они очень

похожи друг на друга, почти одинакового размера. И все с такой же спокойной заинтересованностью смотрят на нас, только время от времени поглядывая на своего вожака. Два, шесть, десять... Их должно быть несколько десятков. Пожалуй, нам очень повезло, что мы оказались с другой стороны пролета.

Проходит минута за минутой, но стоя и не думает уходить. Не знаю, считают ли они, что мы посягнули на их территорию, или мысленно разделявают нас на обед. Самое интересное, что в глубине платформы мы видим далеко не всех, часть стаи вполне могла отделиться от основной и сейчас следовать к другому переходу между платформами.

Лекс вдруг хватает меня за руку и начинает тащить на себя. Первая мысль, что ему в голову пришла та же идея, что и мне, но нет – хуже. Он первым заметил тени, появившиеся возле лестницы на другие уровни метрах в пятидесяти от нас.

Вслед за Лексом я бегу в противоположном от них направлении, но впереди уже виднеются другие тени. Она мчатся к нам в полнейшей безмолвии, координируясь между собой без единого звука.

– Успеем! – выкрикивает Лекс, мельком оглядываясь на меня, и припускает быстрее прямо навстречу приближающимся хищникам. Я пытаюсь не отстать, одновременно ища наше спасение. Впереди, у края платформы замечаю направляющие для лифта. Не уверена, как по ним можно спустить-

ся вниз, но, кажется, это наш единственный шанс, так что уж как-нибудь.

Однако, когда я подбегаю к ним и заглядываю вниз в бездну, вижу светлый прямоугольник крыши лифта. Он не так уж далеко от нас.

– Прыгай! – командует Лекс.

На секунду все внутри переворачивается, лечу в воздухе и больно приземляюсь на металлическую крышу, которая отдается недовольным грохотом. Еще мгновение и рядом оказывается Лекс. Сверху с платформы свешиваются морды и лапы, но никто так и не решается спрыгнуть за нами. Стая все так же хранит безмолвие.

– Прогулялись, – говорит Лекс. – Ты в порядке?

– Да, – киваю я и осторожно заглядываю вниз. Лифт остановлен между уровнями, так что мы оказались не так уж далеко от края верхнего и достаточно высоко от нижнего. Пожалуй, следующий прыжок уже может оказаться опасным. Впрочем, стая быстро лишает нас права выбора. Теперь часть ее караулит нас снизу, часть остается сверху.

– Ну что, – вздыхает Лекс, – к утру они точно уйдут.

Мы стараемся устроиться, как можно удобнее, чтобы ждать утра. Однако мы сидим на холодной металлической поверхности и без движения быстро начинаем замерзать. Голодные глаза сверлят нас с двух сторон. Свернувшись в комочек, считаю секунды до рассвета. Мысленно желаю собравшимся вокруг зверям свалить отсюда наконец к чертям

собачьим. В какой-то момент просто вырубаясь.

Прихожу в себя от звука падения и скулежа собаки. С трудом продрав глаза, вижу стоящего на карачках Лекса. Он заглядывает вниз на платформу, потом на меня. Поспешно переводит взгляд наверх.

– Одной из этих чертей надоело-таки ждать, – сварливо поясняет он. – Свалилась прямо на меня.

– Ты скинул ее вниз?

Лекс снова чуть свешивается с края лифта.

– Ага, уже оклемалась. Вон та! – показывает он. – Или эта! Вообще, я уж понадеялся, остальные ее сожрут и сгинут наконец отсюда. Ну нет так нет. Сколько, по-твоему, сейчас времени?

– Уже рассвело, – озираюсь я вокруг, – но свет еще не включили, так что где-то пол пятого, должно быть.

– Еще немного, – Лекс растирает замерзшие руки. – Подите прочь! – предлагает он бродящим вокруг псам. Они все ходят и ходят внизу кругами, по-видимому, тоже не слишком желая замерзнуть. Хотя у них-то шубы. Радуюсь, что Лекс напомнил мне перед выходом про кофту. Руки и ноги и так ломит от холода. Сложно терпеть уже все это, не смотря на то что осталось каких-то пол часа.

Стая неслышно уходит раньше. В один прекрасный момент мы смотрим вниз и больше не видим никого. Лекс радостно выдыхает и беспечно спрыгивает вниз, уже даже не раздумывая о возможной ловушке. Приземлившись, он пе-

рекачивается через плечо и с трудом поднимается на ноги.

У меня большие сомнения на счет высоты, но из-за этого холода я уже почти согласна прыгнуть в самую бездну. Сवेशиваю ноги с лифта и готовлюсь соскользнуть вниз, но Лекс протягивает руки.

– Прыгай, поймаю! – говорит он, но мне совсем не улыбается переломать ему кости своей промерзшей тушкой. Спрыгиваю в сторонку, и пол врезается в мою правую пятку, как будто впечатывая ее куда-то внутрь. Вот это боль! Какое-то время не могу произнести ни слова, ни звука. Лекс суетится вокруг, но что он может сделать? Как только меня чуть отпускает, поспешно стаскиваю ботинок и пытаюсь оценить ущерб. К моему удивлению, все выглядит вполне нормальным. Пятка на месте, и ступня в целом имеет совершенно ту же форму, что и раньше.

– Пошевели, – предлагает Лекс.

Вот это я зря!

– Ну что, теперь ты позволишь понести тебя на руках? – как бы с упреком спрашивает Лекс, но в его голосе слышится и испуг, и сочувствие.

– Да я, наверное, как-нибудь сама доковыляю.

Лекс ругается и ничего слушать больше не хочет. Тащит меня прямо до шлюза, а там, нервно озираясь, тащит дальше. Пять с небольшим утра. В коридорах пока никого нет, но из открытых дверей в спальни уже доносятся какие-то звуки. Дежурные готовятся сдать смену и не обращают на нас

внимания.

Еще пару дней я зализываю раны в своей норе. Ходить я в принципе могу, но условно. Боль такая, что скрывать ее я не берусь. Просто брожу между машин жалкой страдающей тенью и наружу не высовываюсь. Однако по графику наступает время смены простыней, и я не могу просто забрать с пола грязные и вручить стражам чистые, разложив их стопочками у себя на складе, как я делаю с бельем. Надо, видите ли, самостоятельно дошкандыбать до каждой комнаты и перестелить постели самой. Хорошо, хоть на мне только эта сторона бездны, но все равно печаль.

Дождавшись начала очередного занятия, беру стопку глаженных простыней и выхожу в пустой на данный момент большой зал. Начать собираюсь с офицерских покоев, для чего поднимаюсь на второй ярус напротив склада с прачечной. Осторожно ковыляю вверх по лестнице, но, похоже, ноге моей уже лучше. Боль при ходьбе все еще есть, но стала вполне себе терпимой. Тихонько радуюсь этому обстоятельству.

Двери в спальни оказываются закрыты, но моя карта вполне подходит. В первой комнате четыре спальных модуля и два длинных стола с терминалами. Вещей мало, сразу видно, что люди здесь постоянно не живут. Но стены также густо обклеены картинками, как и в той, где поселили меня. Правда картинки кардинально другой тематики.

Как можно аккуратнее перестилаю все постели, перело-

жив лежащий на одной из них рюкзак на крышу модуля. На другом матрасе валяются какие-то непонятные штучки в отдельных упаковочках. Перекладываю их на соседний стол.

В следующей комнате спальных модулей нет – только диваны, большой телевизор и игровые приставки. Повсюду разбросаны журналы, коробки от игр и фильмов – я столько разом даже не видела никогда. И когда только стражи на это все время находят? Вроде заняты все время. Может, в выходные здесь сидят.

Последняя комната – еще одна спальня, несколько более обжитая, чем первая. Перестилаю постели, тащусь с корзиной грязных простыней обратно вниз.

Спальни новичков напротив на обоих ярусах – по восемь спальных модулей в каждом и без терминалов, с которых можно выходить в сеть. Так же все завалено вещами как и в общежитии обслуживающего персонала, только ни в проходах, ни на полу ничего не валяется. Все модули подписаны, так что без труда нахожу место Кейт во второй комнате сверху. К последней комнате я уже полностью выдыхаюсь, нога отваливается, голова раскалывается, мышцы гудят. От всего этого коктейля из ощущений, забываю о времени и не успеваю во время смыться.

У стражей-новичков начинается свободное время. Несколько человек возвращаются в комнату, в которой я продолжаю натягивать простыни на матрасы. Ой.

Ощущение, как будто меня застали на месте преступле-

ния. Они стоят в проходе и пялятся на меня. А впереди стоит кто?

Я бы уже даже Мину обрадовалась, но в нескольких шагах от меня стоит не он, а Крис и противно улыбается.

– Надо же, кто тут у нас! – восклицает он. – Что, офицеры наигрались и отдали тебя нам?

Даже не представляю, как на это реагировать, так что отворачиваюсь и продолжаю застилать очередной матрас. Бежать все равно некуда – единственный выход насмерть перегороден.

Криса же, похоже, мой игнор приводит в ярость. Он шагает ко мне, рыча что-то вроде “я с тобой разговариваю”, и тянет ко мне свою лапищу. А я не очень люблю, когда до меня вот так дотрагиваются, и растерялась еще, так что импульсивно перехватываю его руку и случайно как-то так поворачиваю, что рука эта заламывается ему за спину. Крис обескураженно замирает в не очень удобной позе. Мне тоже не очень удобно, потому что я не знаю, ни как это сделала, ни зачем. Товарищи Криса тоже не знают, то ли им смеяться, то ли на помощь ему прийти, и, кажется, порываются сделать и то и другое одновременно. Я с испуга отталкиваю Криса в их сторону, освобождая его из совершенно случайного захвата, и подумываю о гипотетической возможно испариться или провалиться сквозь пол, но тут вдруг заходит офицер-великан. Уже пару раз слышала, как его называли Кириллом.

– А ну вышли все! – говорит он зычным голосом. – Что,

не могли пять минут снаружи подождать, пока вам простыни поменяют? Малышам так хотелось скорее в кроватку прилечь?

Вот вроде сказал он это как-то по-доброму, негромко и с улыбочкой, но ребята пулей вылетают из спальни. Кирилл усмехаясь уходит за ними, а я...

Как можно скорее застилаю последний матрас, хватаю грязные простыни прямо огромным комом и, прикрываясь им от колючих взглядов, бегом возвращаюсь обратно в свою норку, то есть в прачечную, и прячусь там среди вороха белья и одежды.

Только как следует отбоявшись, возвращаюсь обратно к работе. Уже запихнув в машинки половину простыней, обнаруживаю, что от запасов стирального порошка в ящике остались лишь жалкие крупинки. Необходимо где-то раздобыть еще, но узнать о том, как это полагается делать, мне совершенно не у кого. Реин, которая все еще иногда приходит сюда недолго посидеть в своем старом кресле у входа, сейчас нет, и где ее искать я не представляю.

Неуверенно выхожу в большой зал. По расписанию у молодняка стражей сейчас свободное время, и они рассеялись по всему комплексу. Вот и здесь несколько человек сидит прямо на полу, уткнувшись в конспекты. Две пары отрабатывают приемы, поделив между собой широкий ринг. Наверху на диванчике удобно устроился Кирилл, держа планшет од-

ной рукой и поигрывая ножичком другой.

По стеночке обхожу зал и, не зная, что делать, выхожу через шлюз на платформу и буквально сразу натыкаюсь взглядом на Реин. Она сидит в пластиковом кресле на краю среди неровно выставленных там растений в больших кадках на колесиках. Старушка не спит, но мне не сразу удастся привлечь к себе ее внимание. Кажется, ее одолевают вполне себе счастливые воспоминания – по морщинистому личику гуляет мягкая улыбка.

Оказывается, запасы порошка и прочих расходных средств находятся в подсобном помещении на другой стороне бездны. Почему их доставляют именно туда – великая загадка, но так уж сложилось изначально.

Проводив Реин в ее комнату, как оказалась, отдельную от других, я возвращаюсь обратно на платформу. На ту сторону можно быстро перебраться по не слишком широкому раздвижному мостику без перил. Прямо на его серединке стоит парень в зеленой форме и увлеченно смотрит куда-то вверх. Проходя мимо него, останавливаюсь на секундочку и тоже запрокидываю голову, но, признаться, ничего особенного не замечаю. Может парень просто как бы заглядывает в собственное будущее? Для симметрии делаю шагочек в бок и осторожно смотрю в бездну. Те же уровни, подсвеченные лампами с боков, но где-то далеко внизу, все резко обрывается и утопает во тьме. Из глубины так и веет жутью. Но вдруг, может мне просто кажется, но в темноте появля-

ются огоньки. Они кружатся, словно водят друг с другом хоровод, потом резко становятся более тусклыми и исчезают. Так кружится голова, что я чуть не ныряю за ними следом.

Поспешно отстранившись, я сбегаю с моста прямо к шлюзу, где как раз сейчас никого нет. За ним практически та же планировка комнат, что и с противоположной стороны. Я быстро нахожу кладовку, где едва можно развернуться из-за обилия кое-как накиданных предметов. Похоже, тут в основном хранится то, что другие девушки используют для уборки. Беру сразу два больших пакета и в результате еле-еле выбираюсь из маленького помещения. До шлюза иду даже довольно бодро, быстрой походкой, чтобы руки не успели отвалиться. Как раз одна из девушек проходит мимо меня, так что мне не приходится самой отпирать дверь. После шлюза ненадолго ставлю пакеты на пол, по привычке оглядываюсь вокруг и вдруг вижу наконец Кейт – впервые с тех пор, как она стала стражем.

У нее припухшее лицо, губа разбита, на скуле большой синяк, а глаза удивленные и испуганные. Она останавливается метрах в тридцати от меня, кивком указывает куда-то в сторону, разворачивается и идет обратно, откуда шла до этого. Подхватываю пакеты, чтобы последовать за ней, в спешке спотыкаюсь о них же и чуть не растягиваюсь на платформе. Пока выпрямляюсь, перехватываю пакеты поудобней, вижу других новобранцев стражей, проходящих по платформе к шлюзу. Они все смотрят на меня либо насмешливо, либо

злобно. Ну не любят стражи людей с нулевого, может у них уже и отдельная лекция на эту тему была. Бедная Кейт, мне и от одних этих взглядов не по себе, а ведь ей с ними учиться! Да и вообще жить целый год. Хотя ладно, в некоторой мере такое отношение все же можно понять. На нулевом из тех, кто там именно живет, а не работает, принимая например поезда с внешних территорий, большую часть представляю собой пьяницы, наркоманы или преступники, от которых были рады избавиться гильдии, а также несчастное потомство этих людей.

Кейт я нахожу в темном закутке за лестницей. Не успеваю я поставить рядом пакеты, как она начинает шипеть на меня, и я понимаю, что видеть она меня, мягко говоря, не рада. Она не хочет, чтобы нас видели вместе. Кроме Мина никто не знает, что мы друзья, и она вообще хочет, чтобы все поскорее забыли, откуда она, а я тут живая ассоциация в этих серо-коричневых обносках под цвет стен, которые так и кричат о нашем происхождении!

– Какого хрена ты вообще здесь делаешь?! – спрашивает она грубо, и я сбивчиво пытаюсь объяснить. С каждым моим словом Кейт ярится все больше. – Так не справедливо! – заключает она. – Я пахала как каторжная, чтобы вырваться с нулевого, а ты палец о палец не ударила! – чуть не плача выговаривает она. – С тобой всегда так! Смотришь на всех своими глазами вечно испуганной овцы, и они бегут тебе на помощь, хотя все, чего ты на самом деле заслу-

живаешь, это хорошего пинка! – вдруг высказывает она наболевшее. – Даже Илона вечно держала тебя поближе к себе, защищала, нахваливала, потому что ты же вся такая беденькая, слабенькая, покладистая, угодливая! Доверяла тебе офицерскую форму шить, хотя отнюдь не ты была лучшей швеей! – Кейт все продолжает и продолжает выплевывать все эти ужасные мысли, которые она, оказывается, копила в себе все эти годы, а я просто ошарашенно стою, перестав ощущать собственное тело. Я словно вижу весь этот кошмар по телевизору, и он меня как будто никак не касается. – Какой у тебя допуск?! – догадывается она и сама хватается за мою карточку, висящую у меня на цепочке на шее. – Шире, чем у меня! – это для нее последняя капля, она с яростью отталкивает меня и уходит.

Проходят секунды и наконец мне становится больно. Тело снова становится моим, но в голове полный раздрай. Разум словно обдали горячим паром.

Я подхватываю пакеты и бреду на другую сторону через мостик. Больше никаких мыслей! Они такие тяжелые и непреносимые. По сравнению с ними пакеты с порошком как шарики, наполненные гелием. Ускоряю шаг, чувствуя, что больше не могу. Не знаю, взорвусь, распадусь, умру. До своей прачечной мне уже не добраться. Нахожу самый укромный уголок, где кадки с растениями стоят плотнее всего, проскальзываю между ними и, бросив пакеты, пролезаю между панелями ограждения и сажусь на самом краю, свесив

ноги с платформы. В другое время я ни за что бы не рискнула так сделать, но сейчас мне ни до чего. Кейт с ее упреками слишком сильно права и ее внезапно вылившееся презрение ко мне тоже право! Я не заслуживаю того, чтобы жить...

Я смотрю в бездну, и хотя с такого ракурса мне не видно ее черного прожорливого нутра, только уровни и уровни вниз, я чувствую ее. Ее прикосновение становится желанным, манящим, выбор в ее пользу кажется единственно правильным и закономерным. Я держусь одной рукой за перекладину и наклоняюсь вниз, почти соскальзываю. Стоит разжать пальцы и всего секунды освобождающего полета приведут меня к ожидаемому концу. Я чуть расслабляю пальцы, почти делаю это.

Как было бы славно! Не знаю, что останавливает меня и встает между нами. Отклоняюсь назад, прижимаясь спиной к ограждению, и вместо освобождения снова чувствую боль и жаркую удушливую пелену внутри. Достая из кармана маленький сверточек. Внутри обломок лезвия, совсем маленький – его даже неудобно держать. Поднимаю рукав на левой руке и быстро провожу лезвием по коже чуть выше запястья. Сначала ничего не видно, и я провожу снова рядом, уже с большим нажимом. Потом еще и еще. Из всех царапин постепенно показывается кровь. Сама не замечаю, как меня отпускает.

Закрыв глаза, я сижу и думаю уже более менее спокойно, что же мне теперь делать с Кейт. Может быть, мне стоит пой-

ти и отказаться от оранжевой карты, вернуться вниз, на нулевой. Не знаю, как это сделать, но знаю, что это в принципе возможно. Я могу отказаться от всего этого. Мы с Лексом теоретически могли отказаться уже тогда, когда Кейн безапелляционно заявил, что мы идем с ним. Как на практике, не представляю, но теоретически мы имели право отказаться. Сiju и думаю, хочу я этого или нет.

По руке ползет большая влажная капля. Такое впечатление, что это просто вода, но я точно знаю что это, но мне не верится. Открываю глаза, чтобы убедиться – действительно, собралась и ползет по коже большая капля крови. Последняя царапина оказалась глубоковата. Все вместе они немного саднят.

В этот момент слышу шаги позади себя. Они останавливаются совсем рядом. Осторожно оборачиваюсь, но мне за перекладинами и растениями ничего не видно. Остается надеяться, что меня саму тоже никто не заметит.

Прислушиваясь, постепенно понимаю, что рядом остановилась на перекур группа офицеров. Пить алкоголь стражам категорически запрещено, как и некоторые другие вещества. Но курить можно, что они и делают, и конечно, где же еще как не здесь!

То, о чем они говорят, мне в большей степени не понятно – какие-то имена, термины, сокращения. Между тем сидеть так, на узкой полоске за ограждением, вдруг резко становится неудобно. Пытаюсь, устроится получше и определить хо-

тя бы, есть ли среди офицеров Кейн и его сероглазый друг. Замираю, когда действительно слышу знакомые голоса. Меня охватывает непонятное чувство.

– Ну что, будем мы с ней что-то делать? – интересуется кто-то из офицеров. Почему-то не уточняя, с кем именно, он хочет что-то сделать.

– Будем, – отвечает низкий голос сероглазого. Судя по интонации, он уже даже знает что. – Устроим обыск как положено.

– А там уже есть что искать?

– После выходного будет, – отвечает он уверенно.

Они продолжают что-то обсуждать, мимо меня в бездну летят окурки. Стараюсь не ерзать, и не выдать своего присутствия, но как же ж неудобно! Прямо как с теми собаками ночью, прошу про себя: свалите уже! А они балакают чего-то и балакают, и новая порция окурков летит, чуть не падая мне на колени. Когда офицеры наконец уходят, все тело так затекло, что мне стоит большого труда пролезть обратно на платформу. Осторожненько выглядываю из-за цветов и подхватываю свои пакеты. А что если они их заметили, увидят меня сейчас с ними и догадаются? Волнуясь, мышкой проскальзываю через шлюз в зал к своим бездушным машинкам.

– Наконец-то можно пожрать нормально! – с этими словами следующим вечером Лекс влетает ко мне на склад. –

Сам Самшество разрешило!

– Кто? – интересуюсь, отставляя корзину с бельем.

– Главнюк наш, – Лекс на секунду задумывается, но имя начальника учебки вспомнить не может, – короче, он практически во всеулышание, то есть в общем чате, послал меня на ужин, так что если какой приказ придет, буду нагло игнорировать. Пошли.

Он хватает меня за руку, и я не без радости бегу за ним.

– Как твоя нога? – спрашивает Лекс, оборачиваясь на ходу.

– Прекрасно!

Нога болит, и я все еще прихрамываю, но и то и другое совсем не сильно. Главное, что мы приходим в столовую прямо в начале ужина, и в зале почти никого нет. Кроме того на раздаче вижу не одну из тех девчонок, от мести которых я счастливо ускользнула, а парня со вполне себе нейтральной улыбкой. С Лексом они уже хорошо знакомы, перекидываются парой слов, и ко мне в тарелку летит больше еды, чем я физически могу съесть. В заключение парень перебрасывает Лексу через витрину, за которой стоят чаны с сегодняшним съестным, огромное зеленое яблоко. Друг торжественно ставит его мне на поднос. Это моя первая еда за день, так что я вообще в восторге и поначалу даже не имею никаких претензий к тому месту, которое выбирает Лекс. В итоге мы оказываемся прямо по серединке зала. Но это ничего, можно быстренько все съесть и свалить.

Однако, как только мы усаживаемся за стол, в зале появляется группа курсантов. Среди них и Мин, и Крис. Слегка украдкой кошу на них взгляд.

После раздачи вся группа садится справа от нас и спокойно занимается своей едой. Только Мин крайне злобно зыркает в нашу сторону.

– Чего это он? – тихонечко спрашиваю у Лекса, старательно делая вид, что ничего не замечаю. Лекс, ослабившись, кивает Мину и тот, насупившись, отворачивается.

– А это он волнуется, что я тебе расскажу, какую он сегодня взбучку получил прямо при мне, – поясняет друг, но хотя бы негромко. – Видела, что стражи с такими гибкими тонкими палками ходят? Хлыстами? Я думал, они их только против гражданских применяют, но, оказалось, они ими и свой молодняк дрессируют. Колотят за любую ерунду.

– Это поэтому у Кейт лицо разбито?

– Нет, это она в пробном спарринге с еще одной курсанткой пострадала. Но та девка вообще такая кобыла мощная и то с двумя фонарями ушла. Так что Кейт по ходу неплохо держится.

– Здорово!

Краем глаза вижу, что два офицера, пришедшие раньше всех – Кирилл и еще одна женщина – встают и уходят. Зал между тем наполняется народом, появляются и другие младшие офицеры, включая Кейна и сероглазого. Вокруг становится шумно.

Крис и его друзья начинают посматривать в нашу сторону.

– Что-то эту офицерскую подстилку редко видно, поди занята очень! – доносится от их стола.

Лекс не понимает о чем речь. Я катаю одной рукой яблоко, второй пытаюсь не очень быстро напихиваться едой, однако понятно к чему все идет и хочется попросту бросить все и сбежать.

– Ты про Вету? – удивленно восклицает Мин, и Лекс чуть ли не подпрыгивает на месте. Пытаюсь ухватить его за рукав, чтобы привлечь внимание и уговорить уйти. – Да единственное на что она годится, это протирать полы своей уродской юбкой! – продолжает Мин.

Ну в общем, мог бы оскорбление и получше придумать, но Лексу и такого достаточно.

– Это твой язык только на это годится, – шипит он, пытается вскочить, но я же вишу у него на руке. Они обмениваются еще парой колкостей, и даже не знаю, кто первый начинает кидаться едой и пластиковой посудой. Против нас целая слаженная команда из восьми человек. Идет настоящий дождь из картошки, после чего Лекс метко зашвыривает противников рыбными палочками и теми же картофельными осадками, упавшими на прикрывавший нас поднос.

Толпа вокруг восторженно поднимается со своих мест и замолкает, но никто не стремится примкнуть к побоищу возможно потому, что не хочет получить люлей от офицеров, и без того сидящих слишком близко к эпицентру. Кейн сер-

дито стряхивает с головы дополнительную порцию гарнира, случайно улетевшую в его сторону, и делает попытку прекратить драку, швырнув в Лекса вилкой. Лекс хватается эту вилку и метает ее в Мина. Мин загораживается рукой, вилка падает на пол. Там же уже валяется большая часть доступных снарядов, так что в нас летит несколько подносов. Мне даже удается один поймать. Лекс примеривается запустить его обратно.

– Хватит! – рывкает сероглазый офицер. Все вокруг как по команде тут же возвращаются на свои места и делают вид, что снова приступают к еде, посмеиваются, ждут.

Но никто из офицеров даже не поднимается из-за стола. Крис, Мин и их товарищи некоторое время мнутя, потом просто уходят.

– Может, нам нужно убраться, – предлагаю я тихонько. Остывший уже Лекс кивает и мы идем с этим предложением к его товарищу, который сегодня ответственен за столовую. Тот дает нам по венику и мусорному пакету.

– Ну вы блин даете, – шепчет он возбужденно. – Я думал, офицеры вас всех отмудохают за такой концерт, а они вон сидят ржут.

– Ой, да ладно, – отмахивается Лекс, – подумаешь, намусорили чуток! – Он закидывает веник на плечо и гордо возвращается на место недавней битвы. Без особой гордости догоняю его. Пока мы сметаем картошку и поломанные палочки в мешки и собираем посуду, народ, так и не дождавшийся

вожделенной расправы, начинает рассасываться.

– Фрукт свой не забудь, – напоминает Лекс, и я сую яблоко в карман юбки. И чем она Мину так не нравится? Удобная. Именно в ее бездонных карманах я вынесла обрезки материи для костюма Кейт. Не то, чтобы я этим горжусь, просто факт.

Размышляя об этом, тащу пакет тарелок и чашек в помывочную и по пути зацепляюсь за что-то подолом этой самой юбки. Оказывается, это рука Кейна.

– Надоело на это уродство смотреть, – ворчит он, подтаскивая меня к себе, так что юбка с меня чуть не съезжает. Смотрит на меня своими колючими злыми глазами. – Купи что-то человеческое! Я перевел тебе деньги на карту.

Выдергиваю свой подол и убегаю. Лекс выходит за мной.

– Ты в порядке?

– Почему всех так достала моя одежда? – выпаливаю я, пытаюсь холодными руками остудить горящие щеки.

– Ну-у, – неопределенно тянет Лекс. Его самого уже с первого дня обрядили в такую же форму как у курсантов только без нашивок. Я единственная хожу все в тех же обносках, что и раньше, ну и что? Вот ну и что?!

Согласно расписанию, которое мне дал Лекс, сегодня в учебном корпусе у стражей выходной (кроме дежурных). Не знаю, касается ли это меня тоже, но делать мне все равно нечего. С перепуга я так рьяно взялась за список Рейн, что закончила со всеми накопившимися проблемами еще вчера.

Сегодня явно могу расслабиться, так что довольная бреду по почти пустым уже коридорам в один из учебных классов, где заранее заприметила одну интересную книжечку.

Уборкой сейчас тоже никто не занимается, в столовую двери закрыты. Я останавливаюсь посреди большого зала и слушаю удивительную для этого места тишину. Просто чудо какое-то!

– Вета! – окликает меня появившаяся из коридора Кейт. На ней одета сшитая мной одежда. На лице вполне себе радостное выражение. Подбитая скула уже выглядит лучше. – Нам перечислили первую зарплату! – восклицает она ликующе. – Пойдем на платформу, мне не терпится увидеть свой ненулевой счет!

– А ничего, что тебя увидят со мной? – непонимающе спрашиваю я. Что такое успело измениться?

– Теперь это не важно, – мотает она головой и улыбается. – Даже лучше, если увидят.

– Как так?

Кейт на всякий случай оглядывается вокруг.

– Знаешь того здоровяка? Из офицеров? Кирилла? Он, оказалось, тоже с нулевого. Был. Такой же как мы иномирянин. Его тут все побаиваются. Еще бы! У него кулак с мою голову! Повезло, что он в этом году здесь.

– Рассчитываешь на его покровительство?

– Ну а как же! Таких как мы здесь раз, два да обчелся. Конечно, он заступится, если что. Да даже одних слухов хвата-

ет. Ты бы видела морду Мина, когда ему сказали! Сразу все претензии ко мне у него в горле застряли! – потащила она меня по направлению к шлюзу.

Как только мы выходим на платформу, Кейт тут же кидается к ближайшему автомату, сует в него карту и с благоговением смотрит на циферки на экране.

– И это только начало! – шепчет она сама себе. – Идем, пройдемся по магазинам. Форма формой, но нужно себе и что-то цивильное прикупить.

– Секунду, – торможу я и в первый раз в жизни проверяю баланс на своей карте. Там действительно лежит какая-то сумма, но мне не с чем сравнивать. Много это или мало, на что хватит, не знаю.

– Тебе тоже заплатили? – вопросительно поднимает брови Кейт.

– Не знаю, но, я так понимаю, Кейн, перевел мне какую-то сумму. Чтобы я купила другую одежду, – показываю я на свою чем-то не угодившую ему длинную юбку.

– Кейн?!

– Ну, он мой...

– А, поняла! Я так и не спросила, как же так получилось?

– Сама не знаю. Видимо, место, которое в итоге заняла я, должно было достаться кому-то из гильдии obsługi. Вместо этого Кейн зачем-то спустился на наш нулевой. Поэтому все на меня так ополчились, решили, что я с ним, ну это...

– ...? – Предположение Кейт грубое, но верное.

– Типа того, – мямлю я и неминуемо краснею.

– А ты?

– Я ему даже не нравлюсь.

– Не нравлюсь! – передразнила меня подруга. – Какая же ты наивная!

Ну да, есть такое.

– Давай, Лекса найдем, – предлагаю я.

– Бесплезно. Его забрали старшие, – отмахивается Кейт, не уточняя, кого она имеет в виду. – У нас сегодня девичник!

– Тогда давай навестим Мэй.

– Сначала магазины, – усмехается подруга. – Хотя нет. С покупками я в психушку идти не хочу, мало ли. Давай действительно сначала к Мэй, – решает она, – только потом чур не нить. Ты мне обещала!

Не помню, когда это я обещала, но Кейт любит так говорить. Впрочем, по магазинам сходить придется, хоть я и не любитель. Пару раз одноклассницы уже затаскивали меня с собой, поднимая на верхние уровни по своим картам. Ничего, даже негативный опыт на пользу.

Самое низко расположенное психиатрическое отделение больницы расположено на тридцатом уровне. Пока мы жили на нулевом, нам туда было самостоятельно никак не попасть. За нами и другими желающими навестить больных в положенное время спускался один из санитаров. Уж не знаю, что он с этого имел. Не думаю, что это входило в его служеб-

ные обязанности официально. Теперь же мы можем спокойно войти в больницу через нормальный вход. Остается только найти этот вход. Поиски мы начинаем в районе того лифта, на котором нас поднимал санитар.

Приходится прогуляться. Планшета со всеми схемами, которым с такой гордостью щеголяют стражи, у Кейт пока нет, но все же желаемое мы находим.

На входе суতোка, внутри суматоха. В первом небольшом помещении за шлюзом, находится стойка, за которой сидит взмыленная девочка и с испуганными глазами говорит с кем-то по телефону. Перед стойкой стоит очередь из нескольких хмурых недовольных молодых людей. Вдоль стены пара лавок, плотно занятые людьми. Еще люди просто бродят по помещению, рассматривают бумажки на стенах, мнут бумажки в руках. Все галдят, жарко душно, ничего не понятно. Свет тусклый и чем-то воняет.

Стоит нам только присоединиться к толпе ничего не понимающих людей, как к нам тут же просачивается наш бывший одноклассник. На нем тоже зеленая форма как у новичков из стражей, только другого покроя. Имя у него сладкое – Джем. Учился, я помню, он всегда хорошо, так что не удивительно, что смог попасть в медицинскую гильдию, но ведь и десяти дней не прошло...

– Тебя что уже послали лечить людей? – удивляется Кейт и, ничуть не смущаясь людей вокруг, добавляет: – Типа тех, кого не жалко.

– Да ты чего? Нам учиться дольше всех! – с некоторой обидой восклицает Джем. – Хорошо, если лет через пять появится возможность из общежитий выбраться. Это у вас, между прочим, сегодня уже выходной. А у нас вместо лекций для разнообразия дежурство. Живых нам трогать, понятное дело, еще не скоро дадут, так что я тут чисто на побегушках, проникаюсь духом будущей профессии. Зато... – он отводит нас в сторону и пропускает за дверь в тихий коридорчик, – если здесь себя хорошо зарекомендовать, есть шанс попасть к хорошему куратору.

– Ясно, у нас почти так же, – кивает Кейт. – Нас тоже через полгода распределят и закрепят за одним из офицеров. Только все будет зависеть от баллов за испытания.

– И у нас будут экзамены, но практика важнее, – делится Джем. – Показывает твоё отношение и готовность справляться с трудностями.

Я с интересом слушаю, как они обсуждают то, что им предстоит. У меня же впереди не будет ни экзаменов, ни практики, ни испытаний. Только стирка и перестилание постелей.

Вскоре Джем резко осекается, вспомнив, должно быть, что разговор с бывшими одноклассниками вряд ли пойдет ему в зачет, и тащит нас дальше по множеству коридоров в психиатрическое отделение. Здесь он нас оставляет возле уже знакомой двери. Чтобы войти в нее нужно предварительно нажать на звонок и дождаться ответа. Даже карточки

стражей в этой части Муравейника ничего не способны открыть. Настоящая крепость.

Но пускают нас без проблем, хотя за дверью нас встречает незнакомая молодая женщина, одетая в синюю форму. Она проверяет по списку и согласно кивает.

– Мы знаем, куда идти, – говорит Кейт и уже делает первый шаг в сторону хорошо известной нам палаты, – но женщина-врач недовольно хмыкает.

– Не знаете, – выплевывает она. – Ваша подруга теперь совершеннолетняя и ее перевели в отдельные апартаменты. – На ее лице появляется нехорошая презрительная улыбка.

– Прекрасно, – дергает плечом Кейт, и мы идем вслед за врачом куда-то еще глубже. Женщина не спешит, словно давая нам возможность как следует задуматься, над ее словами. И вообразить себе невесть что.

Потом она приводит нас в большой на первый взгляд совершенно пустой зал. Пропустив нас вперед, она сама так и не переступает порога.

– Пятая справа, третья с конца, – говорит она, положив руку на ручку двери. Смерив нас напоследок колючим взглядом, она закрывает дверь, оставляя нас здесь одних.

– Что происходит? – почему-то шепотом говорит Кейт.

– Не знаю, – я оборачиваюсь назад. Зал все такой же пустой, и в тусклом свете ламп на высоком потолке из него не видно других выходов или окон.

Хотя нет, окна есть в полу. Подхожу к ближайшему. Во-

круг него есть борозда в форме круга и небольшая пластина рядом. За окном совершенно темно.

– Как она сказала? Пятая справа или слева? – оборачиваюсь я на Кейт. Она все еще стоит возле самой двери в зал.

Кейт качает головой и пожимает плечами, нервно дергает за ручку двери. Она не поддается, мы заперты в этом зале.

Нервничая, я как-то умудрилась не запомнить, что именно сказала женщина, хотя, казалось бы, что может быть проще? Пройдясь по залу между одинаковыми темными окошками, я отсчитываю третий ряд с конца и останавливаюсь в его середине. У меня два варианта – то ли слева, то ли справа. Кроме того, я не знаю, что делать дальше. Я так понимаю, окошки должны вести в небольшие помещения вниз, но там везде темно. Может, нам в конце концов включат свет и нужно просто подождать?

Но проходит сколько-то времени и ничего не меняется. Я оборачиваюсь на Кейт, она по-прежнему стоит у двери, прижавшись к ней спиной. В этот момент ее нервы не выдерживают, она поворачивается, начинает дубасить в дверь и криком звать ту женщину обратно. Или хоть кого-нибудь.

Я явно чего-то не догоняю. Снова бессмысленно пялюсь на чертовы окошки. Рядом с каждым из них есть бледно желтый кружок, выбираю левый от себя и пробую его носком ботинка. И тут за окошком на секунду загорается свет. Черт возьми, все так просто! Встаю на кружок обеими ногами и гляжу вниз.

Окошко действительно ведет в небольшое цилиндрической формы помещение. Но там внутри не Мэй, а незнакомый мужчина. Он стоит, запрокинув голову с обезображенными чертами, и машет руками, с которыми, кажется, тоже что-то не в порядке. Рот распахнут, челюсть ходит ходуном, как будто он что-то кричит, но не могу разобрать что именно.

– Кейт, перестань! – прошу я.

Не смотря на то, что я, очевидно, ошиблась и Мэй находится с другой стороны, все еще стою, не в силах оторвать взгляд от незнакомца. В его глазах такая мука, боль, отчаяние! Они передаются от него ко мне, перетекают и заполняют каждый уголок моего сознания.

Краем уха слышу звук отворяемой двери, разговор на повышенных тонах. Через несколько секунд окликают и меня.

– Отойди оттуда! – рычит на меня все та же женщина. В принципе, понимаю, я нарушила покой другого пациента, но, черт, этот парень не безумен, что он вообще тут делает?!

Этот вопрос я случайно озвучиваю, и женщина несется ко мне через зал, источая такую ненависть и презрение, что они образуют почти зримое копьё, которым она вот-вот пронзит меня на полном скаку.

– И как это ты определила? Считаешь себя очень умной, да?! – язвительно говорит женщина, буквально отпихивая меня в сторону.

– Но его взгляд... – порываюсь сказать я, хотя понимаю,

как это глупо.

– Этот пациент абсолютно слеп! – презрительно выплевывает женщина.

От удивления я делаю попытку вернуться, но она ее грубо пресекает, толкая меня в нужном направлении.

– Ваша подруга здесь, как я и сказала. Считать не умеете?! – Она ставит меня на другой желтый круг, и свет загорается в нужной камере. Я вижу хрупкую девушку, сидящую на полу, прислонившись к стене. Ее лица не вижу, только длинные спутанные черные волосы.

– Мэй! – зову я. – Но она меня не слышит!

– Это не важно, – говорит женщина все так же злобно. – Наши пациенты находятся в своем мире, ничего вокруг не воспринимают. Не знаю, для чего вы вообще сюда ходите! На что рассчитываете? И вообще, время посещения вышло!

Когда мы снова оказываемся на платформе, наконец, можно нормально вздохнуть. То, чем наполнена атмосфера там внутри, это даже не вонь, это хуже. Какие-то не проходящие эманации боли и ужаса! Отвратительно, едва сдерживаю тошноту. Надо очень глубоко уйти в себя, чтобы не чувствовать всего этого, причем никогда ни на секунду оттуда не выходить, но Мэй то выходит! Иногда это случается во время наших посещений, и, по-моему, ей постепенно становилось лучше. Она даже стала вести что-то вроде осмысленного диалога. Не словами, но звуками, жестами. Она даже пару

раз взглянула на меня, не в глаза, но все же. А теперь? Не думаю, что что-то изменилось, всего лишь оттого, что она формально стала совершеннолетней. И что с ней происходит, когда она просыпается там? Ее словно положили в ящик холодильника. Дверь открыли, свет включился, проверили, не протух ли пациент, и снова закрыли. Теперь у нее новый лечащий врач, и эту мымру саму хочется запихнуть в холодильник.

– Ее можно попробовать перевести оттуда, – осторожно говорю я, глядя на Кейт.

– Что? – отвлекается она от собственных мыслей. – Это ты про то время, когда я поднимусь выше? Так это когда будет! Боюсь, к тому времени переводить уже будет нечего.

– Думаешь, она умрет там?

– Наверное, нет. Но, целый год как минимум в одиночной камере без света – такое и здоровый человек не выдержит.

– Ужасно, – только и могу что сказать я.

– Ну, мы в этой ситуации абсолютно бессильны, – со вздохом резюмирует Кейт. – Так что будем надеяться, она действительно ничего не понимает.

После всего у меня нет никакого настроения идти по магазинам, а вот Кейт быстро приходит в себя. Вскоре мы уже проходим через какой-то шлюз, я даже не успеваю внимания обратить на вывески снаружи. Протискиваемся сквозь компанию нагруженных пакетами девушек, идущих навстречу,

и оказываемся в большом зале. Перегородками он разделен на несколько магазинов и магазинчиков, в противоположном конце лестница на уровень ниже – я так полагаю, там тоже магазины, хотя может и склад. Перегородки прозрачные, так что можно сразу понять, чем торгуют в том или ином отделе прямо из коридора, однако Кейт начинает заходить во все подряд, будоража окопавшихся внутри продавцов.

Не смотря на то, что товаров вокруг очень много, фасоны одежды довольно однотипные и простенькие, качество, естественно, не очень, ведь в основном все шьется такими же начинающими в своем деле молодыми ребятами, такими же недавними школьниками, как и мы. Полно безделушек, всякой кривенько сделанной мелочевки. Кейт осматривает все очень внимательно, даже если это двадцатый по счету близнец уже виденного нами платья. Интересуется ценами почти всех товаров, наверное, чтоб понять, как много может себе теперь позволить. Мне, конечно, тоже интересно, но терпение мое не столь велико. Я перестаю слушать еще до того, как мы покидаем первый магазин. К пятому ноги уже отчетливо возражают против такой муторной прогулки.

– Кейт! Вета! – вдруг окликает нас еще один знакомый голос, и из-за стеллажа выныривает наша бывшая одноклассница Стелла. Формы на ней нет, только малиновая жилетка, надетая поверх собственной одежды и совершенно не подходящая к ней. К жилетке прикреплен пластиковый бейдж с именем. – Все, это мои клиентки! – безапелляционно заяв-

ляет она другому продавцу, и тот, хмыкнув, отходит в сторону.

– Что, и вас тоже уже погнали на практику? – Кейт первой успевает задать вопрос.

– Ну да, а почему бы и нет? – улыбается Стелла. – За сидение за партой нам не платят. Правда, я пол дня провела, разгребая завалы на складе, да и сейчас в зале мне развернуться не дают. Говорят, наблюдай, изучай ассортимент и все такое. Скукота на самом деле. А как вы?

– Хм, хм, – как бы прочищает горло другой продавец, скрытый от нас стеллажом.

Стелла раздраженно зыркает в том направлении.

– Давайте, вы что-нибудь примерите, – предлагает она и добавляет, перейдя на шепот: – Я отложила что получше, сейчас принесу.

Кейт довольно улыбается и подмигивает мне. Через минуту Стелла появляется со стопочкой вещей и ведет нас к примерочным. Там она вручает нам по три пакета:

– Думаю, я угадала с размером, но если что, есть и побольше и поменьше.

Уединившись за шторкой, вытаскиваю из пакетов светло-серую маечку с розовой и серебряной полосой, серые шорты с блестящими заклепками и длинные розовые чулки. В принципе, уже видела такое – сейчас модно, да и серый цвет здесь совсем не такой как у моей обычной одежды, а довольно приятный. Но все равно с большим сомнением вле-

заю в это все и долго вожусь, прикрепляя чулки к крайне коротким штанинам.

– Вет, давай, вылезай уже! – торопит Кейт взволнованным голосом.

– Уже почти, – пыхчу в ответ и вылезая к единственному на все примерочные большому зеркалу.

Ну, в общем, у меня слов нет, чтобы описать этот кошмар! Будь у меня ноги постройнее, я бы была похожа на фламинго-мутанта! Я даже одну ногу поджала для эксперимента. На Кейт с ее поджарой спортивной фигурой это все смотрится гораздо более уместно – ей досталось все тоже самое только в оранжевом цвете вместо розового.

Кейт крутится, осматривая себя со всех сторон и, видно, что довольна. Мне же не охота долго разглядывать свое уродство, так что мчусь переодеваться обратно. Из-за шторы слышу, как они продолжают разговор.

– А что твой брат? – интересуется Кейт.

Я припоминаю, что брата Стеллы зовут Стоув или как-то похоже. Не смотря на то, что они с ней двойняшки, учились мы в разных классах и я с ним не знакома.

– В техники пошел. Он всегда хотел заниматься ремонтом и обслуживанием летающих машин, – отвечает голос Стеллы, по-моему, резко ставший грустным. Хотя в этот момент снимаю майку, так что может мне кажется. – Но это, конечно, если повезет. А вы как? Явно выбрались с нулевого. Как вам это удалось? – меняет она тему.

– Я в стражу пошла, – говорит Кейт нарочито безразличным голосом. Я возвращаю внимание к тому, чем занималась, и наконец стаскиваю с себя слишком тесные шорты.

Происходит пауза в разговоре. Стелла почему-то не удивляется, не поздравляет Кейт, не спрашивает, как это она так смогла. Она молчит, и я спешу одеться в свое, чтобы выглянуть наружу.

Стелла выглядит плохо. Она словно в раз осунулась, поблекла. Глаза стали тревожными и, кажется, из них вот-вот потекут слезы.

– И какой теперь у тебя доступ? – шепотом спрашивает она Кейт.

Подруга чувствует неладное и не спешит отвечать.

– А что случилось? – не выдерживаю я вида этой сцены.

– Стоув пропал, – потерянными голосом говорит Стелла.

– Так подай заявление, – советует Кейт. – Я же новичок, что ты от меня хочешь, – она отворачивает от нее и тоже уходит переодеваться за шторку.

– Я не могу, – шепчет Стелла и идет за ней.

– Что произошло? – я тоже подхожу ближе, чтобы она могла рассказывать нам обеим, не переживая, что услышат лишние уши.

– У моего брата была девушка, но она... – Стелла стирает со щеки вытекшую слезу. – У нее очень плохо со здоровьем, и она училась в спец-классе. Вы ее, наверное, не знаете. Фелис, в инвалидной коляске ездила, может, видели? Они

со Стоувом хотели жить вместе, но ей нужно хорошее лечение, которого на нижних уровнях не получить, понимаете? Так что ее родители решили оставить ее у себя и после совершеннолетия, то есть она бы стала акбратом своего отца. Но она хотела вырваться из-под его опеки, а это значит, что Стоуву понадобилось быстро найти большие деньги. Ее бы стали лечить на верхних уровнях за деньги, а жила бы она со Стоувом.

– Слушай, если он совершил преступление, то мне лучше об этом не рассказывай, – предупреждает Кейт, раздраженно отдергивая шторку.

– Он всего лишь спустился вниз, – качает головой Стелла. – Поэтому я не могу обратиться к стражам официально, но ты можешь спуститься туда и поискать его, да? – в отчаянии просит она.

– Ты хочешь, чтобы я спустилась на подземные уровни?! – с ужасом уточняет Кейт.

– У тебя же есть доступ?

– Да, но нас еще на первом занятии предупредили, – голос Кейт дрожит от напряжения и злости, – что если спустимся туда без приказа, то нас ждет строжайшее наказание и запись в штрафники. Извини, но я не собираюсь рисковать всем из-за того, что твой брат совершил глупость. Он прекрасно понимал, что из этого может выйти!

– Я понимаю, – еле-еле произносит Стелла и вытирает буквально полившиеся по щекам слезы, отворачивается от

нас.

Кейт складывает вещи обратно в пакеты.

– Я это возьму, рассчитай меня, – просит Кейт, дождавшись, пока она возьмет себя в руки.

Стелла кивает, а мне, наконец, удается собраться с духом, чтобы сказать:

– Я спущусь!

– Что?! – обе шокировано смотрят на меня.

– Я – теперь акбрат одного из офицеров, у меня тоже есть доступ, – поясняю я для Стеллы. – И ни в какие штрафники меня записать не могут.

– Да, но ты понимаешь, что если тебя поймают, то последствия для тебя могут быть даже хуже?! – рычит на меня Кейт. – С ума сошла?! Думаешь, тебе реально позволено шнырять, где захочется?! Да ты даже по мелочи никогда закон не нарушала! Ты даже представить себе не можешь, что стражи делают с настоящими преступниками! Ты не переживешь это!

– Кейт! – шикаем мы на нее, потому что ее шепот стал излишне громким.

Затем Стелла поспешно сует мне в руку какой-то сложенный обрывок бумаги.

– Это осталось от объявления, по которому Стоув хотел обратиться там, внизу. Не знаю, как он собирался заработать денег, но, может, ты найдешь целую такую листовку или кто-нибудь внизу его узнает, – с надеждой тараторит она, и сует

мне так же распечатанное фото своего брата.

Обалдело пялюсь на бумажку. Я-то думала, что на подземных запретных уровнях только чудовища и обитают, а тут какие-то объявления, какую-то работу можно найти. То есть получается, что хоть и нелегально, но какая-то жизнь там кипит?

– Ладно, как хотите, но, если что, я об этом ничего не знаю, – недовольно говорит Кейт, хватаясь за свои пакеты с новой одеждой.

Обратно мы с Кейт возвращаемся порознь, она снова не хочет иметь со мной ничего общего.

3

Всю ночь меня одолевают мрачные мысли. Во-первых, я так и не купила себе никакой нормальной одежды, и теперь мне придется снова идти по магазинам, но уже без Кейт. Во-вторых, я сдуру согласилась спуститься на подземные уровни, и будет некрасиво и даже подло теперь отыгрывать назад. А что я, собственно смогу там сделать? В моем воображении, эти уровни были неким мистическим местом, где бродят немислимые твари и открываются проходы в другие миры. Но опыт последних дней говорит о том, что все это бред и детские мечты, построенные на старых сказках. Начинаю склоняться к тому, что это просто уровни, которые стража не контролирует, и где процветает всяческий нелегальный бизнес. То есть мне предстоит спуститься туда и искать брата Стеллы, опрашивая кучу людей, правил поведения с которыми я совершенно не знаю. И это я? Как я буду этим заниматься? Полагаю, никак. Скорее всего со страху я не смогу и двух слов связать. Буду мычать и тыкать всем в нос очень плохое фото Стоува, по которому его и родная мать вряд ли узнает.

Кроме этого, все время вспоминаю печальное положение Мэй и то, что Лекс из-за меня теперь враждует не только с Мином, но уже и с другими курсантами. В общем, заварилась такая каша, которую уже, боюсь, не расхлебать никак.

Какой-то кошмар!

Мысли обо всем об этом бегут по кругу, по кругу, по кругу и так без конца. Ненадолго вырубиться удастся только ближе к рассвету. Вскоре после того, как я просыпаюсь, включают свет. Оказывается, во время всей этой нервотрепки я случайно расчесала царапины на руке, и теперь простыня заляпана моей кровью. Пока с ненавистью сдираю ее с матраса, вспоминается странный разговор между офицерами.

Что они там говорили? Что после выходного будет, что искать. То есть сегодня они где-то устроят обыск и найдут что-то явно подложенное туда намеренно. И кого же они хотят так подставить?

Конечно, говорить они могли о ком угодно, но подозреваю, что речь могла идти о Кейт. Она с нулевого, ее здесь видеть не очень хотят, но оно хорошо держится, и у нее, возможно, намечается покровитель. Они вполне могут решить ее подставить.

Одеваюсь и осторожно выглядываю в зал. Там курсанты уже построились на зарядку под хмурым присмотром младших офицеров, значит, в спальнях сейчас никого нет. У меня возникает желание срочно поменять у них полотенца. Смотрю по графику – это нужно сделать завтра, но, полагаю, никому кроме меня этот график не интересен.

Полотенца готовы, так что закидываю их в корзину и выхожу в зал. Никто, по-моему, не обращает ни малейшего внимания на серую мышь, ковыляющую вдоль стеночки с

корзинкой. Это не мешает мне смущаться, но адреналинчик придает сил. На всякий случай все же терпеливо обхожу все комнаты подряд.

В спальне, где находится место Кейт, я прячу свою корзинку за чужими вещами и начинаю рыться в ее спальном модуле. Смотрю под ее матрасом, вытряхиваю ботинки, проверяю тумбочку и шкафчик. Вещей у нее очень не много, так что искать не сложно. В основном проверяю укромные места в мебели, куда можно что-то запрещенное, например, приклеить скотчем.

Дверь в спальню открыта, так что я слышу, что происходит в зале. Курсанты, видимо, покидают его на пробежку. И кто-то как раз заходит в комнату. У меня особо вариантов нет – быстренько забираюсь под спальный модуль, напротив модуля Кейт и притворяюсь мышкой. Места тут немного, стоит несколько пар обуви и сумка. Этой сумкой я загораживаю лицо, надеюсь, что все остальное тело в моей одежде грязных тонов визуальнo сойдет за мешок.

Кто-то быстро подходит к месту Кейт, ненадолго опускается на колени, какое-то шуршание и все. Спальня, кажется, снова пуста.

Выбравшись из-под модуля, снова прислушиваюсь – вроде все тихо. Под шкафчиком Кейт нахожу какой-то пакетик с малюсенькими таблеточками. Не знаю даже, что это такое может быть, но только что его тут не было. Мои подозрения очевидно оправдались.

Кладу свою находку в карман и на цыпочках подхожу к двери. Внизу слышу голоса двух офицеров, остальные, наверное, ушли с курсантами. Пытаюсь вспомнить эти голоса, участвовали они в том разговоре или нет? Правда тогда я больше думала о том, как мне неудобно, а не пыталась запомнить всех. Теперь теряюсь в догадках. Не знаю, можно просочиться мимо них или нет.

К счастью, они сами решают этот вопрос. Пугающе долго они поднимаются на второй ярус напротив меня и наконец заходят в одну из комнат. Спешу этим воспользоваться и выскакиваю на лестницу. Почти добравшись до конца, разворачиваюсь и бегу обратно. Корзина-то моя там осталась! Схватив ее, снова бегу вниз.

В прачечной уже спокойнее разглядываю таблеточки. Наверняка это не лекарство, а какое-нибудь запрещенное для стражей вещество. Вот только что теперь с ним делать? Проще всего просто выкинуть в бездну, но хочется хозяйственно их где-то припрятать, ну мало ли. Теперь Кейт в безопасности, можно подумать. Нужно спрятать их так, чтобы самой кого-нибудь ненароком не подставить. Место, в которое никто не заглядывает, но в принципе доступное для всех.

Все начинается после завтрака. Дверь на склад стоит открытой, так что Лекс снаружи просто делает мне знак рукой. Выхожу и вижу старших офицеров, стоящих возле комнат курсантов. Учебные классы пусты.

– Они обыскивают спальни, – поясняет для меня Лекс, – запрещенку ищут.

От комнат и вправду идет какой-то шум, очевидно, и вправду активно ищут. Интересно, что будет, если все же найдут.

– Кстати, Крис именно на этом погорел, – оповещает Лекс, – этот лох разбавлял содовую спиртом. Три дополнительных года в этом гадюшнике! Правда не в качестве курсанта, а кого-то типа вечного дежурного.

Со стороны спален доносится возмущенный вскрик, что-то падает.

– Как считаешь, у Кейт могут быть неприятности? – неожиданно спрашивает Лекс.

– Нет, – запрещенка оттягивает мне карман, хотя весит небось всего ничего.

– Уверена? – с пониманием улыбается друг.

– Угу. Как считаешь, куда здесь можно спрятать маленький пакетик? – шепчу я.

– Насколько маленький?

Я показываю пальцами насколько. Лекс думает, мы продолжаем пялиться в спины старших офицеров, наблюдающих за тем, как младшие громят спальни курсантов.

– Идем, – предлагает Лекс. Мы прогуливаемся вдоль стеночки и останавливаемся возле одного из стендов. Друг кивает на него и усмехается.

Не сразу понимаю, что он имеет в виду. Это просто пла-

стикový экран, за которым виден старый уже плакат с перечислением моральных качеств образцово-показательного стража. Мне так кажется, что с реальностью это все имеет мало общего. Ну и как мне это поможет?

– С камер его не видно, – подсказывает Лекс, поглядывая на стражей, которые стоят всего в нескольких метрах от нас.

Хм, ну да. И вряд ли кто-то будет особо разглядывать этот стенд. Впереди очень кстати есть небольшое углубление, из-за того что окантовка треснула и отошла. Косясь на стражей, вынимаю пакетик, аккуратно сворачиваю тонкой трубочкой, распределив таблеточки по длине, и запикиваю все это в углубление.

– Отлично, – ухмыляется Лекс и тащит меня обратно к прачечной. Я оглядываюсь по пути. Вообще-то вблизи пакетик хорошо заметен, но с небольшого расстояния он сливается с окантовкой.

Прикольно! Спрятали практически у всех на виду.

Кейн со своим сероглазым приятелем – так и не знаю, как его зовут – заканчивают обыскивать порученную им комнату одними из первых. Спокойно выходят и ждут. Видимо, спальней Кейт занимается кто-то другой. Стараюсь не моргать, чтобы не пропустить выражение их лиц, когда они поймут, что облажались! Лекс стоит рядом со мной, замерев.

И вот оно! Выходят остальные офицеры, так ничего не обнаружив. За ними тянутся недовольные, но тихие курсанты. Раздражение на лицах Кейна и сероглазого едва заметно, но

оно есть! Еще несколько человек удивленно переглядываются с ними. Хе, хе. Лекс поскорее затягивает меня за дверь, чтобы наши довольные физиономии не испортили дело.

Меня несколько беспокоит то, что мои перемещения с полотенцами как раз в нужное время можно наверняка отследить по записям камер. Хотя нет, ни фига меня это не беспокоит! Я дико довольна.

Итак, одно дело сделано. Опьянев от неожиданного успеха, дождавшись, пока все разбредутся по классам, выхожу на платформу. Лекс не может пойти со мной, потому что его снова начинают раздирать на части поручениями, но я не говорила ему, что мне предстоит делать, так что он уходит с легким сердцем. Я остаюсь одна и собственно бреду, не знаю куда, для начала спустившись до двадцать первого уровня. Чтобы оказаться еще ниже, нужно пройти автоматическую границу между блоками уровней, предъявив свою карту дважды, а потом сесть на другой лифт или безостановочный подъемник, ни один из которых не едет ниже нулевого.

Круто конечно. Мне нужно попасть на подземные уровни и у меня есть туда доступ, только вот каким образом я должна туда спуститься?

Бродить по платформе днем мне не очень нравится, хотя народу в это время дня не слишком много. Люди покончили с завтраком и в большинстве своем разбрелись по своим де-

лам во внутренних помещениях, куда мне вроде бы не нужно. Хотя, может, лифты вниз спрятаны как раз где-то там? В таком случае мне их никогда не найти.

Размышляя о том, не разыскать ли мне Стеллу за дополнительной информацией, я внезапно замечаю на другой стороне пролета целую группу искателей. Их не с кем не перепутаешь – они одеты в черную усиленную разнообразной защитой форму, с фонариками и несколькими видами оружия. Выглядят на самом деле дико круто, хотя ведут себя как полнейшие раздолбаи, паясничают, обмениваются скабресными шуточками, пристают к прохожим, которые шарахаются от них как от чумы. Впрочем, это всего лишь новички.

По пути, прежде чем они успевают свернуть куда-то вглубь платформы, мне попадается переход на их сторону. Дальше следую за ними на расстоянии, что не трудно, поскольку их компания продвигается довольно медленно и шумно. Вскоре они сворачивают в широкий хорошо освещенный проход, с колоннами и большими автоматическими тележками, расставленными вдоль него. На них ящики, некоторые из них с тяжелыми запирающимися крышками и небольшими отверстиями, чтобы живая добыча не задохнулась. В конце прохода вижу створки лифта.

Я прячусь за одной из колонн, там, где тени погуще. В принципе, мне уже посчастливилось узнать главное, но приходит в голову, что неплохо было бы узнать и расписание искателей, чтобы потом не столкнуться с ними.

За несколько следующих часов мне не удастся узнать абсолютно ничего. Сначала искателей просто становится все больше и больше, потом оттуда доносится какой-то бубнеж, прерываемый иногда возгласами или взрывами всеобщего хохота. Ребята явно хорошо проводят время. Но никто никуда не спускается. Толпа расплзается только когда подходит время обеда.

Когда рядом с лифтом наконец никого не оказывается, я осторожно подбираюсь ближе, перебегая от колонны к колонне, каждый раз нервно оглядываясь и тщательно прислушиваясь. Но, похоже, и вправду никого. Хотя вскоре уже кто-нибудь может вернуться.

Я говорю себе, что для начала просто загляну в лифт и смоюсь. Нажимаю на кнопку вызова и отхожу в сторонку за ближайшую тележку, а то мало ли что. То есть мало ли кто появится. Пока жду, от нервов у меня начинают трястись руки. Я кладу одну из них на ящик и пытаюсь расслабить, но она продолжает заметно трястись, уже лежа.

И вот створки расплзаются в стороны, открывая довольно обширное нутро лифта. Внутри никого, так что быстренько забираюсь внутрь. На стенке такой же считыватель для карточек, как везде, и ряд кнопок. Судя по надписям возле них, лифт может останавливаться через каждые двадцать этажей над уровнем земли и на первых двадцати этажах под землей. Или их всего двадцать, и бездна не такая уж бездонная?

Оглядываюсь назад на платформу. Там по-прежнему никого нет, и никаких голосов я не слышу. Но мне так страшно, что вряд ли я смогу заставить себя прийти сюда еще раз.

Решаюсь, точнее просто вижу, как мои трясущиеся руки еле-еле вставляют свою карточку в считыватель и пытаются попасть по кнопке минус-первого этажа. Кнопки достаточно большие, так что в следующую секунду створки закрываются, и я чувствую, что лифт начинает движение. Какая жесть – я не помню, как нужно дышать!

Серьезно – что для этого нужно делать? Разве можно научиться дышать?!

Дверцы лифта снова открываются в темноту, хотя может это зрение мое тоже отключилось. Но нет, вроде и возможность видеть, и дышать возвращаются ко мне. Вообще тут же забываю об этих проблемах, потому что передо мной они – подземелья! Как бы критически я не стала относиться к информации о них, они все еще вызывают во мне жгучий интерес и какие-то нелепые ожидания.

Забыв обо всем, я все же забираю свою карту – она же крепится за мою шею надежной цепочкой, без нее не уйдешь – и выхожу из лифта. Пространство передо мной свободно, впереди я вижу свет.

Первое, что могу отметить нового – это бугристый шероховатый пол. Стены также неровные. Подойдя поближе к свету, понимаю, что они обклеены множеством листовок. Вынув из кармана тот обрывок, тут же начинаю сверять его с

ними. У меня есть малюсенький фонарик, на это он вполне годится.

Все листовки яркие, выполненные в разном стиле, так что, когда нахожу нужную, сомнений у меня не остается. Их таких прилеплено сразу несколько рядком. На всех на них есть один и тот же дефект печати, на моем обрывке такого почему-то нет, однако все остальное совпадает.

Так вот, школа бойцов некого Франа приглашает на свои поединки. На листовке представлено расписание, рядом ручкой подписаны какие-то цифры, которые ни о чем мне не говорят. Внизу сказано, за какую сумму школа предлагает обучение.

Ну, хорошо, предположим, Стоув пошел в эту школу, надеясь потом собрать нужную сумму, участвуя в боях. Получается, теперь мне нужно найти этого Франа и расспросить его о нем. Но только вот на листовке нет адреса, только время, когда будут проводиться бои и все. Как мне его прикажете искать, если бы мне вдруг хватило на это смелости?

Решив, что, нужно хотя бы попробовать разведать об этом месте побольше, я запоминаю несколько ближайших дат и семеню снова вперед к свету. Край платформы здесь очень похож на такие же наверху, только свет – это не аккуратные светильники с убранными в кожухи проводами, а какие-то криво протянутые гирлянды из разных ламп. Зато, следуя за ними я прохожу напрямиком к маленькому тамбуру, который на всех верхних уровнях переделан в шлюз с надежны-

ми дверями. Здесь вместо дверей занавески. Пыльные поцарапанные куски толстого материала.

Позади тамбура коридор с выходом в большой темный зал, разноцветные лучи бьют от разных источников, освещая его какими-то пятнами. Звучит громкая агрессивная музыка, под которую повсюду извиваются разнообразие тела, предположу, что все-таки человеческие. Лучи время от времени выхватывают из темноты множество каких-то дверок по бокам помещения, через которые то и дело уходят обнявшиеся или как-то иначе сцепившиеся между собой пары. Мое внимание также привлекает просторная клетка в центре зала, местами обвешанная всякой светящейся и блестящей фигней – может там и проходят те бои. Нестерпимо душно. Все это такой удар по чувствам, что я долго просто не выдерживаю.

Вываливаюсь на свежий воздух полуоглохшей и полуослепшей. Отхожу скорей в сторонку, чтобы прийти в себя относительно в безопасности, но вместо уединения натываюсь на странную компанию. К счастью они стоят ко мне спиной.

Два парня стоят возле края бездны. Ограждения здесь никакого совсем, зато сверху свисает толстый перевязанный через равные промежутки узлами канат. Они придерживают этот канат и подбадривают кого-то, кто лезет по нему к ним вниз. Это рыжеволосая девушка, которая нервно смеется, пока осторожно спускается. Часто останавливаясь, она

крепко проходится по своим приятелям матом, однако в их компании это, похоже, норма. Они отвечают ей тем же, потом заботливо помогают забраться на платформу. Следом так же долго и почти с таким же аккомпанементом слезает еще одна девушка. В конце концов вся компания радостно уходит в зал.

Мда. После их ухода, подхожу и примериваюсь к канату, но подняться по нему не решаюсь. Бездна все такая же черная, а я все такая же слабачка. Приходится ждать времени ужина, чтобы в относительной безопасности подняться наверх на лифте.

На свою прогулку я потратила весь день и, хотя большую часть времени просто просидела во всяких укромных уголках, вымоталась ужасно. Из-за усталости есть так и не хочется. Или нет, вот как подумала об этом, сразу захотелось.

Опасаясь мести со стороны... да с любой уже стороны, я потихоньку, оглядываясь проскальзываю на склад, а оттуда в прачечную. Стирки, конечно, целая гора, но полагаю, сгребу ее просто в сторонку до завтра.

– Ку-ку, – говорит стена позади меня.

Вот черт! А я почему-то надеялась, что ничего не случится. Вообще-то драться в моем положении, может, и не самый разумный выбор, но я хватаюсь за большие деревянные щипцы, которые валяются здесь, уж не знаю для каких целей, и замахваюсь ими на подошедшего сзади мужчину.

– Замри! – восклицает Крис. – Я пришел с миром!

– С чего это?! – по очевидным причинам удивляюсь я.

– Пришел вернуть должок, – отвечает парень сварливо. –

Ты меня не заложила после нашей стычки, так что и я тебя на этот раз не заложу! Но с этого момента мы квиты, поняла?

– Не понимаю, – признаюсь, опуская деревяшку на пол.

– А ты вообще думаешь, что творишь?! – вместо внятных объяснений восклицает Крис.

Вопрос сложный. Что я должна на это ответить?

– Ты использовала свою карту, чтобы попасть на подземные уровни! – шипит Крис.

Я виновато пожимаю плечами. Очевидно, мне тоже нельзя это делать, не смотря на то, что у меня формально есть доступ. Но как он узнал?

– Я стер из списка твои сегодняшние проезды туда и обратно, – шепотом уведомляет Крис, – но больше на это не рассчитывай.

– Конечно, – шокировано говорю я. – Я не знала, что это куда-то записывается.

– Естественно записывается, передается на ближайший пункт, – говорит Крис, разворачиваясь, – и нечего тебе там вообще делать, – бурчит он, уходя.

Ложусь спать в больших сомнениях. Неожиданная помощь от Криса кажется какой-то нереальной и чрезмерной. Разве он не сильно рискует, стирая какие-то там данные?

Раз идет запись тех, кто использовал свою карту для прохода на подземные уровни, то наверняка также можно проверить, кто входил в систему и что-то там менял. К тому же, что это он так испугался, что я на него настучу? Кому я вообще могу пожаловаться? А если пожалуюсь, не наградят ли его за это аплодисментами? Что он собственно сделал: наговорил гадостей девчонке, которая всем здесь как бельмо на глазу. Конечно, еще он нагрубил Реин, но это было ее решение, не жаловаться на него. Я ее попросила этого не делать, но ну и что с того? Или они тут все действительно так боятся Кирилла? Но не может же он вступаться за каждого дурака с нулевого.

Ложусь в сомнениях, но засыпаю как назло быстро и крепко. Просыпаюсь от того, что луч света бьет мне в лицо, правда всего секунду. Тут же возвращается крошечная тьма.

Чувство опасности накрывает с головой, но я не успеваю ничего сделать. Один напрыгивает на меня, прижимая к месту. Пытаюсь оттолкнуть его, но это все равно что бодаться со стеной. Дыхание второго я слышу позади – он садится в изголовье, хватая меня за руки.

– Ты что, мышь, совсем обнаглела, – говорит первый, и я узнаю голос сероглазого. Второй наверняка Кейн. – Пора поставить тебя на место.

Он наматывает мои волосы себе на руку и, отбросив одеяло, тянет за них, вынуждая встать. Кейн подталкивает, продолжая сжимать мои запястья. В темноте они действуют так

же слажено, как та собачья стая на платформе. Волосы продолжают тянуть вверх, так что приходится встать на цыпочки.

Кто-то из них подхватывает меня на руки, и они тащут меня куда-то из комнаты и через зал в незнакомый мне коридор. Быстро и уверенно передвигаясь в полной темноте, они заходят в какую-то комнату и опускают меня на холодный пол. Дверь тут же закрывается за ними, и наступает полная тишина.

Наощупь я пытаюсь определить, куда попала. Тут же нащупываю все четыре стены и дверь от них практически не отличается, изнутри ее никак не открыть. Сама комнатка должно быть всего метр на метр, не больше. Все поверхности очень гладкие и холодные, ни остаться сидеть, ни прислониться. На мне только длинная футболка, которая совсем не греет. Босые ноги, кажется, околевают уже через несколько минут.

Начинаю подпрыгивать на месте, потом просто переминаюсь с ноги на ногу. Холодно нестерпимо, даже хуже, наверное, чем тогда на крыше лифта. К тому же не знаю, достаточно ли просто дотянуть до рассвета, выпустят ли меня отсюда утром. Очень хочется спать.

4

Замерзнуть насмерть у меня снова не получается. Рано утром из заключения меня выпускает Кирилл. Он явно зол, но молчит, жестом показывая мне выметаться на волю. Потом я целый час пытаюсь отогреться, завернувшись в два одеяла.

Сегодня мне снова нужно менять простыни, так что поднимаюсь к комнатам офицеров с корзинкой и думами о мести. Но тут есть проблема – передо мною четыре спальных модуля и я не знаю, кто их будет занимать этой ночью. Даже если предположить, что я узнаю расписание ночных дежурств, все равно могут пострадать два невинных человека. С другой стороны у меня есть точный адрес Кейна на моей собственной карте. Вот это реальнее.

Хотя кого я обманываю! Сделаю что-нибудь и тут же вылечу обратно на нулевой уровень, чего мне почему-то не хочется.

Пока перестилаю постели, в комнату неожиданно заявляется Лекс.

– Что делаешь? – спрашивает он.

– Ерундой маюсь, – ворчу я, запихивая в корзинку ком грязных простыней.

– Замутим что-нибудь? У меня перерыв. – Лекс просачивается мимо меня и легкими движениями, как бы случайно,

проверяет терминалы. Они все запаролены, кто б сомневался.

– Кстати, – вспоминаю я, – когда мы ходили гулять, ты вводил какой-то пароль, он для чего был?

– Чтобы записи о нашем выходе не осталось.

– А этот пароль везде одинаковый? Скажем, для лифта на подземные уровни он тоже сгодится?

– Нет, точно нет, – мотает головой Лекс. – А надо?

Я коротенько рассказываю ему о своих планах.

– Круто, я с тобой пойду! – тут же вызывается Лекс. – Пароль достану как-нибудь.

– Как-нибудь не надо, – отказываюсь я. Влипнет же. – Туда можно еще по канату забраться. Лучше этому меня научи.

– Без проблем. Когда пойдем?

– Через пару дней. Но ты разве сможешь?

– Смогу. Предыдущий курьер нашелся, так что пусть он побегает. Наотдыхался уже.

– Нашелся? И вас обоих оставили?

– Ну, к тому парню все вроде как привыкли уже. А про меня главнюк сказал, что такими ценными кадрами не разбрасываются, – говорит Лекс с ухмылкой. То есть главнюк явно высказался как-то иначе. И может даже просил не называть себя главнюком.

В среднюю комнату не захожу, меняю простыни во второй спальне и выхожу к поручню, где стоит Лекс. В зале внизу происходит какая-то мощная движуха. Курсанты ходят по

нему с какими-то странными устройствами на головах и тренировочным оружием. Принцип их передвижений мне абсолютно неясен.

– Симуляция Муравейника, – поясняет Лекс, – им кажется, что они ходят по каким-то другим помещениям. Смысл в том, чтобы они запомнили все схемы уровней и укромные уголки на них.

– А у них не будет этих схем в планшетах?

– Будут, наверняка. Но пока загрузишь, пока помотришь, пока разберешься...

– Ну да.

Курсанты действительно очень странно движутся: приседают, резко оборачиваются, открывают невидимые двери. Вляпываются в невидимую грязь. Зрелище завораживающее. Но вдруг слышу резкий звук удара прямо рядом с собой. Мы с Лексом оборачиваемся, причем друг схватившись за шею. Там Кейн и сероглазый.

– За что?! – негодует Лекс.

– За невнимательность, – довольно поясняет Кейн и становится у парапета рядом с ним. Сероглазый останавливается слева от меня. Некоторое время офицеры спокойно наблюдают за курсантами.

Я украдкой кошусь на сероглазого. Он со снисходительной ухмылкой смотрит вниз, большие сильные руки расслаблено лежат на парапете, а я вспоминаю, как ночью эти руки таскали меня за волосы. Обида просыпается с новой силой, и

до невозможности хочется что-нибудь с этим сделать, пусть даже за это я улечу обратно вниз. Просто это должна быть какая-то продуманная мега-месть, а не какая-нибудь мелкая подлянка.

В следующий момент Кейн нагибается и харкает вниз, огромная порция слюны приземляется одному из курсантов за шиворот. Тот подпрыгивает от неожиданности и закидывает голову вверх, но нас не видит – мы в параллельной реальности. Лекс еле сдерживается, чтобы не рассмеяться, потому что в “счастливчике” мы узнаем Мина.

Вообще-то это подстава – Мин наверняка подумает на Лекса, но пока он сердито продолжает свое упражнение. Видимо снимать аппараты до конца им запрещено.

Мне все это надоедает, в конце концов в свою прачечную я как-нибудь доберусь, а со сменой остальных простыней повременю пока. Хватаю свою корзинку и иду к лестнице. Кейн оборачивается, когда я прохожу мимо.

– Эй, чего это ты хромаешь? – замечает он.

А я и забыла уже про ушиб, но организм видимо по старой памяти все еще бережет ногу.

– Утюг на ногу упал, – говорю я, хотя утюгом я здесь вообще-то никогда не пользовалась, но он в прачечной стоит, я помню. Пытаюсь поскорей смыться, пока он не вспомнил еще и про одежду.

Лекс порывается пойти за мной, но Кейн преграждает ему путь.

– Пошли пообщаемся, – говорит он грубо и разворачивает его к средней комнате. Меня это настораживает, но сероглазый останавливается около двери и смотрит на меня – приходится уйти.

В следующий раз я встречаю Лекса уже на обеде, с возвращением старого посыльного он стал гораздо свободнее. На этот раз мы садимся в углу столовой. Сегодня из фруктов дают очень желтые груши, на вкус они как трава.

После того, как мы немного обсудили наши общие планы, я все-таки интересуюсь, зачем офицеры зазвали Лекса в комнату и все ли в порядке.

– Да, – отмахивается друг. – Просто поехали мне по ушам, что, типа не вежливо называть коменданта главнымком.

– Ну да, вежливость – это конечно очень важно, – вспоминаю, как один из ревнителей вежливости недавно харкнул на шиворот курсанту.

– Дело в том, что, по ходу, Редженс Фуар Сгиан и Лотар Хлут Сгиан – братья, – шепчет Лекс мне буквально на ухо. По всей видимости, это какая-то офигительно интересная информация, но вот только я не знаю кто эти люди. – Ну, Редженс – это побратим Кейна. С которым они постоянно таскаются вместе, – поясняет друг. Ясно, значит это сероглазый. Теперь буду знать, как его зовут, полезно. А второй? – А Лотар – это главнюк наш. Вернее, комендант учебной части.

– Привет, – рядом со мной вдруг присаживается худосочная нимфа с разноцветными волосами. Как там ее? Ристика, вроде бы. – Фу, – говорит она, посмотрев на свою тарелку, как будто только что увидела, что ей туда плеснули на раздаче.

– Ты что, с нами разговариваешь? – интересуется Лекс, наклонившись над столом, потому что я просто сижу в стулпоре.

– Ну да, Алиса сказала, что ты нормальная, – девушка почему-то отвечает мне и пробует с вилки микроскопическую порцию пюре.

– А Алиса это...

– Акбрат Кирилла, – довольная, что так доходчиво все объяснила, Ристика, премирует себя еще одной капелькой пюре. Видимо, она собирается обедать часа три. Лекс недовольно вздыхает, так что все-таки следует продолжение: – Кирилл сказал, чтобы мы от тебя отстали, потому что ты тут не при чем, а это все прихоть Кейна, он в последнюю минуту все решил, а ты с ним даже знакома не была.

– А, да, – выдавливаю из себя смущенно.

– Ну так что?! – весело восклицает Ристика. – Расскажешь мне?

– Что?!

– Как стать акбратом Кейна, – она улыбается мне и поворачивается всем корпусом к столу, за которым сидят офицеры. Словно почувствовав, что мы все смотрим на него, Кейн

оборачивается в нашу сторону. Сложно переносу прямые взгляды, так что срочно утыкаюсь в свою тарелку со странным зеленым пюре с оранжевыми вкраплениями моркови. Слышу, как справа от меня хмыкает Лекс. Слева же Ристика начинает поправлять кофточку.

Помешав пюре вилкой до более равномерного распределения морковки, все-таки поднимаю взгляд. Кейна за столом больше нет. Ристика слева сидит в пол оборота к нам с очень прямой спиной, выпятив вперед грудь. Кофта на ней в итоге сидит так криво, что из нее сильно выглядывает лифчик. Лекс пытается делать вид, что пьет компот, скрывая за стаканом ухмылку. Я так понимаю, Кейн идет к нам общаться.

Я бы с удовольствием спряталась под стол или сбежала, пока есть возможность, чтобы не мешать Ристике окучивать своего возможного шинарда, а Лексу зубоскалить над этим, но лавка стоит слишком близко к столу, а товарищи сидят слишком близко ко мне, вот никак не выскользнуть. Пока размышляю о побеге, горячие руки ложатся ко мне на плечи. Кейн нагибается так близко к моему уху, что его губы касаются меня, когда он угрожающе шепчет:

– Еще раз увижу это рубище, сдери к чертям!

Сказав это, он сразу уходит, а Ристика разочаровано сгибается обратно. Надув губки она снова начинает рыться вилкой в пюре.

– Хочешь знать, как стать его акбратом? – обращается к ней Лекс. – Дай ему по морде!

– Или плюнь в него горохом, – ворчу я.

В магазин одежды я иду сразу на следующий день не потому, что испугалась Кейна (хотя да, тьма его побери). Просто я знаю, что Стелла будет там сегодня, и мне нужно рассказать ей о том, что я видела, и что собираюсь предпринять дальше. Я вижу ее через прозрачную перегородку и торопливо захожу, пока второй продавец занят в другой части помещения.

Стелла выглядит усталой и несчастной. Я быстро ввожу ее в курс дела, потом она, покосившись на своего напарника, идет на склад и выносит оттуда целый ворох одежды. С ним я захожу в примерочную. Стелла остается стоять возле занавески и шепчет:

– Родители все-таки подали стражам заявление на розыск Стоува. Они уже говорили со мной, но я не сказала им про его намерения. Думаешь, нужно было рассказать?

Ну, может и стоило. Нам все талдычили, какое это ужасное преступление спускаться под землю, но, похоже, все туда запросто шастают, чтобы повеселиться или заработать. Так что стоит ли это скрывать? Будут ли стражи искать его в таком случае – другой вопрос.

– По-моему, всем плевать на Стоува, – с горечью продолжает Стелла. – Мне сказали, что в это время каждый год пропадает много молодежи. Слишком многое происходит и слишком быстро: сначала экзамены, потом сразу же отбор и

без какой-либо передышки совершенно новая самостоятельная жизнь. Нужно мгновенно перестроиться, приспособиться. Не у каждого получается. Люди просто пропадают.

– Стоув не просто пропал, у нас есть след, – пытаюсь напомнить я, пока она окончательно не пала духом.

– Мне кажется, что я и сама пропала, – говорит Стелла отрешенно. – Не того я хотела от жизни. Хотя, когда я начала готовиться к выпуску, у меня не было особых планов. Вот Стоув точно знал, что ему нужно и готов был этого добиваться. А я, когда пришла необходимость наконец что-то быстро решить, я выбрала это. Думала, это легко и забавно. Общаться с новыми людьми, помогать им, а в промежутках сидеть в сети или за игрушками. Вот только оказалась, что сеть здесь не ловится, а все новые люди, приходящие сюда, вызывают только ненависть. Им конечно же плевать на Стоува, они хотят только новые шмотки и смеются, когда мне хочется плакать. Конечно, они даже не знают, кто он такой, но от этого я ненавижу их только сильнее, понимаешь?

Пока она говорит, я пытаюсь померить принесенные ей вещи, но сложно делать это и слушать. Я отдергиваю занавесочку, напялив на себя только футболку.

– Я думаю, это от бессилия, – отвечаю ей, убедившись, что второй продавец в нашу сторону не смотрит. – Когда мы узнаем больше и поймем, что делать, тебе станет полегче.

– Наверное, – соглашается она, и вдруг ее потухший взгляд оживает. – А возьми меня с собой! – просит она эмо-

ционально. – Когда будешь спускаться туда. Почему нам не сделать это вместе? Я уверена, что смогу освободиться на этот день.

Э, в общем, мы могли бы. Хотя я бы предпочла все сначала выяснить вместе с Лексом, но никаких возражений против ее компании я придумать не могу.

Стелла уже с большим энтузиазмом помогает мне подобрать одежду и для меня, и для Лекса. Как одежда с нулевого, так и форма стражей все же, думаю, не подходит для нелегального клуба под землей.

Встречаемся мы все на платформе возле лифта – обычного лифта, рядом с которым расположено самое обычное кафе с кучей квадратных столиков, которых можно нанизать друг на друга и убрать на ночь внутрь. Там же есть туалет, в котором Лекс переодевается в принесенную нами одежду, а свою форму прячет на выступе за окном. Потом мы вместе спускаемся на нулевой и проходим по платформе до того места, где должен находиться канат. Если бы его там не было, Лекс знает, где добыть другой. Однако канат на месте – его верхний конец обвязан вокруг колонны – на вид вполне надежно.

Все просто. Нелегальный вход под землю практически никак не спрятан и не замаскирован. Он всего лишь находится в стороне от тех путей, по которым таскают грузы или ходят на работу, но люди здесь бывают. Повсюду разбросаны бу-

тылки, окурки и старая складная мебель. Машины-уборщики, выходящие на дело по утрам, у нас на нулевом добираются вовсе не до каждого уголка, так что здесь полно мусора и грязи, наслаивавшейся, наверное, целый месяц.

Стелла чувствует себя чужачкой уже на этом уровне. Она скованна и все время оглядывается, словно чувствует, что нарушает правила прямо сейчас. Но мы еще до этого не дошли. Чтобы преступить закон, нам еще нужно спуститься по канату на несколько метров вниз, и это было бы не так уж сложно, если б можно было бы запросто позабыть о прожорливой бездне под нами.

Отсюда, с нулевого, она производит совсем другое впечатление, нежели с любого другого уровня выше. Большая часть периметра платформ здесь не просто ограждена, а закрыта щитами, но в таких редких местах как это платформа просто обрывается неровным, будто обкусанным краем. Темнота за ним кажется живой и дышащей, ветры доносят снизу запахи гнили и металла. Иногда слышен непонятный грохот и дребезжание, словно внизу по раздолбанным рельсам стремительно проносятся поезда. Но если они кого и везут, то мертвецов, трупы которых сбрасывают вниз вместо традиционных для жителей равнин захоронений в земле. У нас в Муравейнике все проще.

Лекс спускается первым, хватается за канат, пока мы только собираемся с духом. Вскоре он уже сигнализирует нам снизу. Я бросаю взгляд на Стеллу – она, кажется, близка к

тому, чтобы передумать. Ничего не имею против. Сажусь на край, старательно представляя, что нахожусь на втором ярусе в зале учебки и подо мной всего где-нибудь метра три высоты.

Однако в бриджах оказывается лазать намного удобнее, чем в длинной юбке, как бы я к ней не привыкла. Да и руки у меня как-то незаметно окрепли. Ползу себе вниз и ни о каких глупостях не думаю. Когда Лекс подхватывает меня внизу, я даже удивляюсь, что так быстро все прошло.

Какое-то время мы ждем Стеллу, Лекс зовет ее, но да, она, похоже, передумала. Друг все же снова лезет вверх, чтобы убедиться, что с ней все в порядке. Добравшись до края платформы, он застывает ненадолго и возвращается назад. Он видел ее спину вдалеке. Надеюсь, совесть ее не замучает, и она не решится позже на вылазку в одиночестве. Дальше мы идем вдвоем.

Как и в прошлый раз в полутьме большого зала собралось много народу. Играет музыка, но негромко, так что слышно как галдит толпа. Все взгляды обращены к пустой клетке в центре. Несколько человек в странных вытянутых в высоту шляпах, бродят по залу и, судя по разговорам, доносящимся до нас, принимают ставки. Под довольные крики, преследуемый лучом прожектора к клетке выходит крупный господин в белом костюме. Его сопровождают несколько накачанных мужчин в костюмах того же покроя, но черного цвета. Во время мы пришли.

Я оборачиваюсь на Лекса. Его глаза горят, он, кажется, в полнейшем восторге, разглядывает разряженных девушек, многие из которых и сами не обходят его вниманием.

– Лекс! – я тыкаю в него пальцем, и он опускает взгляд. На его футболке, которая наверху выглядела самой обыкновенной, сияет матерная надпись, грубо посылающая всех по известному адресу.

– Забавно, – улыбается Лекс, – но неожиданно. Это точно ты ее выбирала, а не, скажем, Кейн?

– По-моему, тебе не стоит так к ним идти! – Я киваю на клетку, возле которой на небольшом возвышении расположились явно самые важные здесь персоны, выглядящие самодовольно и опасно. Скорей всего именно к ним нам и придется обращаться, и они могут неправильно понять.

– Не проблема! – Лекс усмехается и стаскивает с себя эту несчастную футболку. Экзальтированная девица рядом с ним тут же начинает радостно вопить и, обливаясь чем-то алкогольным из своего пластикового стаканчика, стягивает свою майку, под которой у ней совсем ничего. Немного поглазев на нее, Лекс натягивает футболку обратно, только теперь шиворот навыворот и на всякий случай задом на перед. Ну, в общем, хоть и швами наружу, но смотрится прилично, а уж на фоне того, что умудрились напялить на себя остальные посетители нелегального клуба, так и вообще круто.

Тем временем первых бойцов запускают в клетку с разных сторон, и они чудовищно огромны! Первый – массивный ве-

ликан с выступающей челюстью и сплюснутым лбом. По бокам его бритой головы находятся желтоватые закрученные рога – подозреваю, что все-таки не собственные, но как они крепятся не понятно. Второй – на пол головы ниже первого, сутулый, но такой же крепкий. Шеи у него, кажется, нет совсем, а мышцы не просто бугрятся. В некоторых местах они так неестественно выпирают, что похожи на уродливые наросты.

Оба ходят по клетке кругами, рычат и режут, выдавая своими глотками совсем не человеческие звуки, трясут пудовыми кулаками и старательно демонстрируют мощь и раздражение. Толпа неистовствует.

В один момент музыку выключают, и все затихают в ожидании. Бойцы поворачиваются друг к другу и по резкому звуковому сигналу бросаются вперед. Толпа снова раздражается криками, как только наносится первый ужасающий удар. Бойцы начинают колошматить друг друга руками и ногами, носятся по всей клетке, валятся на пол, швыряются друг другом, и каждая серия ударов кажется сокрушительной, но нет. Каждый раз, упавший поднимается, качает головой и с ревом кидается снова в бой.

– Думаешь, Стоув подписался на такое? – начинаю сомневаться я.

– Это постановочный бой, – говорит Лекс. Качка с наростами как раз размазывает по стенке клетки, она сотрясается, а от его покоренного лица в зал летят брызги крови и

слюны. А может и зубы.

В этот раз боец сползает на пол и больше уже не встает. Его противник беснуется еще больше, прыгает по клетке, бьет себя кулаками в грудь, как в барабан.

– Поглядим, что будет дальше, – предлагает Лекс и начинает пробираться поближе. Я пытаюсь следовать за ним, но это довольно сложно. Толпа волнуется и беспрестанно движется, разделяя и унося друг от друга одинокие песчинки вроде нас. Люди вокруг, похоже, уже на каком-то другом уровне восприятия. Не влившись в их коллективное сознание, передвигаться среди них затруднительно.

Мне плохо удастся разглядеть следующую пару бойцов, но они выглядят более по-человечески. Тем не менее, они все равно слишком круты, и вчерашнему школьнику вроде Стоува ловить здесь явно нечего. Боюсь, что и нам тоже, но нужно попытаться. Держаться вместе сложно, так что Лекс прорывается обратно ко мне, и предлагает встретиться снаружи по завершении сегодняшнего мероприятия.

Мы разделяемся. Зажав в руке планшет с фото Стоува на экране, Лекс ныряет в толпу, пытаюсь пробраться к клетке и выходящим из нее соперникам. Точнее один выползает, другого выносят оттуда. Я же просто пытаюсь не упасть на пол и не быть затоптанной. Толку от меня, понятно дело, никакого.

Под музыкальную паузу между схватками, толпа начинает волноваться сильнее. Свет начинает снова мигать, люди орут, улюлюкают, извиваются и толкают друг друга. Парочки

лобызаются прямо посреди всего этого. Смысла стоять здесь нет, так что я разворачиваюсь в надежде добраться хотя бы до какой-нибудь стены. И тут какой-то парень хватает меня и буквально впивается в губы очень мокрым, пахнущим пивом поцелуем. Вместе с его языком у меня во рту оказывается какая-то таблетка, которая тут же проскальзывает в горло. Когда он, наконец отпускает меня, я остервенело откашливаюсь, но она уже далеко. Остается надеяться, что это какая-нибудь конфетка.

Парень растворяется, а я все-таки добираюсь до стены, вдоль которой стоит куча народу, так что без толку. Случайно заглядываю за одну из многочисленных дверей – там коридор с красными и оранжевыми огнями.

Добравшись до выхода, я глотаю свежего воздуха и возвращаюсь обратно. Я же пришла сюда искать Стоува, так что какой тьмы? Вынимаю его портрет и начинаю опрос контингента. Но народ в зале, по ходу, вообще уже ни черта не сообщает. Пробую коридорчик. Он ведет меня из помещения в помещение, в большинстве из которых также полно людей. Часть из них занимается удовлетворением друг друга, часть просто валяется на полу или беседует. Есть комнаты с бильярдом, карточными играми, конечно же бар. Нигде Стоува нет, никто его не знает.

В другой коридор меня не пускает охрана, и Стоува эта охрана тоже не знает. Да и не хочет она ничего знать, ей за это не платят. Ну ладно.

Вообще, начинаю замечать, что у многих людей здесь есть рога. Раньше, вот у того бойца в первом бою, мне это показалось странным, но похоже, это просто такой вид людей. В конце концов, под нами находится множество переходов в другие миры, так что наличие рогов не должно казаться чем-то примечательным. К тому же лица этих существ и на человеческие-то не сильно похожи, они вытянуты и покрыты очень мягкой шерстью. Сейчас я бы сказала, что больше всего они похожи на баранов – голограммы этих животных нам показывали в школе. Все очень похоже на голограмму. Вот эта трава под ногами так точно слишком правильная и зеленая. А бабочки? Почему они такие прозрачные и оставляют в воздухе блестящий след?

Я протягиваю к одной из них руку, чтобы проверить ее на материальность, а она садится ко мне на палец и уверенно заявляет:

– Я знаю Стоува.

– Хорошо, но только ты ведь не настоящая, – вздыхаю я.

– Зато я настоящий, – говорит мужчина, которого я ухватила за пуговицу на рубашке. – Пойдем, я проведу тебя к нему.

У моего проводника на затылке выбрит символ, похожий на стилизованное дерево. Он ведет меня за руку по коридорам и комнатам с отдыхающими людьми до плохо освещенного закутка. В нем он на ощупь нашаривает край какого-то

холста, прикрывающего, по-видимому, еще одну дверь или попросту дыру в стене. Вслед за ним я проваливаюсь в темноту.

Через несколько шагов мужчина включает фонарь и, освещая лишь пол под нашими ногами, ведет меня дальше. Мы проходим по пустым помещениям достаточно далеко, мне кажется, мы должны бы уже выйти на платформу с другой стороны, но вокруг по-прежнему черным-черно, когда он наконец останавливается, освещая на стене все тот же знак, что и у него на голове. После этого он поворачивается и находит за грубо сколоченными из деревянных досок щитами люк в полу. Открыв его, он жестом приглашает меня спуститься вниз первой.

– Сначала расскажи, что тебе известно про Стоува, – предлагаю я, с сомнением оглядев металлическую лестницу, ведущую на уровень ниже.

– Я нашел его так же, как нашел тебя, – говорит мужчина. У него красивый низкий голос и таинственные интонации, но мне мало информации.

– И тоже привел его сюда?

– Конечно, – отвечает он, по-моему, с хулиганской улыбкой, но видно плохо. Он по-прежнему светит вниз на распахнутую дверцу люка. Я по-прежнему не спешу куда-то лезть, так что он вынужденно продолжает: – Меня зовут Лит. Я – проводник ищущих знание.

– Понятно, – я неуверенно переминаюсь с ноги на ногу.

То ли мужик псих, то ли мне повезло наткнуться на что-то интересное, но мне бы хотелось, чтобы проводник выдавал информацию побыстрее и в таком месте, из которого можно сбежать, если что. Не хочу я никуда лезть.

– Обещаю, показать тебе то, что видели немногие, – пробует соблазнить меня Лит.

Ага, Мин мне однажды уже кое-что такое показал. Тогда он в первый (и, наверное, в последний) раз назюсюкался пивом. Короче на такие вещи я больше не покупаюсь. Делаю хороший шаг назад.

– Тебе понравится.

Ага, Мин тоже так говорил. А потом его на меня стошнило.

– Стоув здесь? – пытаюсь я что-нибудь выяснить.

– Нет, – отвечает Лит через небольшую паузу. – Но он сюда еще вернется.

Я вздыхаю.

– Он обязательно придет на следующее славословие, – обещает Лит.

– На что?

– Посмотри сама, – приглашающим жестом он показывает на люк.

– Может быть, ты просто скажешь мне время, и я к нему вернусь? – предлагаю я с надеждой.

– Я не могу пригласить на славословие непосвященного, – терпеливо поясняет Лит.

Его настойчивость меня коробит и злит, а какая-то часть меня вообще сильно подозревает, что из люка мне потом не выбраться. Почему я лезу вниз и сама не знаю, но с удивлением обнаруживаю себя перебирающей руками холодные перекладины лестницы. Лит услужливо мне их подсвечивает сверху. Голова почему-то кружится и пальцы с трудом хватаются за металл. Несколько раз я близка к падению.

Добравшись до низа, прямо-таки жду, что Лит закроет меня здесь в темноте, и уже злюсь на себя за свою немереную глупость, но тот легко слезает вниз ко мне. Пройдя мимо меня, он зажигает несколько толстых свечей в разных концах небольшой комнаты.

– Осторожно, – говорит он, указывая на дыру в полу. Судя по всему, ее кто-то продолбил здесь специально. Кроме нее в помещении находится только дерево.

Даже пламени свечей по углам достаточно, чтобы сказать, что это очень искусно выполненная скульптура. Не знаю, что за материал, но вырезана каждая мелкая веточка, каждая бороздка на коре, покрывающей ствол, и корни, уходящие в каменный пол словно в землю. Листьев на дереве мало, они крупные и похожи на осиновые.

– Материнское дерево, – с придыханием говорит Лит.

Потрогав кору и один из листиков, который задрожал от моего прикосновения, я поворачиваюсь и с большим вниманием осматриваю пол. Вдоль стен двумя рядами от дерева идут круги, начерченные мелом на полу. Вокруг ближайших

из них вижу небольшие наросты. Они похожи на каменные ростки, поднимающиеся вверх.

– Теперь видишь? – спрашивает Лит, с благоговением взирая на дерево.

Я бы может и увидела, если б могла посмотреть на все это его глазами, но пока что я ни черта не понимаю. И что могло привлечь сюда ищущего деньги Стоува?

– Мать ответила тебе, – Лит восторженно гладит меня по плечам, – она приняла тебя.

Я изумленно оглядываюсь на дерево, все его листики мелко дрожат.

– Вот, возьми это, – Лит заходит за дерево и достает из деревянного сундучка небольшого формата, но толстую книжечку. – Когда ты прочтешь это, то поймешь, как служить матери наилучшим образом.

– Отлично, – я принимаю от него книжечку и рассматриваю мягкую обложку. На ней все то же дерево, нарисованное белым на синем фоне. Бумага тонкая, тираж пятьдесят экземпляров. – Так, когда мне подойти?

– Срок наступит через девять дней, – многозначительно говорит Лит.

С книжкой я возвращаюсь в зал. Основное действие уже, похоже, закончилось, и народ начинает расходиться. Лекса я нахожу возле клетки, общающимся с полуголым бойцом в кожаном ошейнике с шипами. Последний выглядит бодрячком, хотя на его голом блестящем торсе видны многочислен-

ные окровавленные укусы. Укусы?!

– С кем ты дрался? – не удерживаюсь я от вопроса. Лекс прощается и быстро выводит меня на платформу.

– Ты чем это так обдолбалась? – спрашивает он удивленно.

– Я?!

На платформе лежат и сидят люди, полагаю те же самые, что были в зале. Но теперь они выглядят умиротворенными или спящими.

– Они ждут, когда протрезвеют, – поясняет Лекс. – И нам придется тоже подождать. Я тебя в таком состоянии на канат не пущу!

– В каком?! Я в порядке! – вообще не понимаю, о чем он.

– Что это? – Лекс вытаскивает у меня из рук книжечку и вертит в руках.

– Я вступила в секту, – сообщаю я.

– Какую?!

– Пока не знаю. Но здесь все написано.

Лекс листает книжечку, но картинок там нет. Только много-много текста. Прямо очень много, а у Лекса с чтением небольшие проблемы.

Вроде бы я пыталась читать, когда заснула. Мне снится роща из трепещущих осин, которые наперебой требуют от меня правильного поклонения, и я ношусь между ними с огромной желтой лейкой. Просыпаюсь, потому что включил-

ся чей-то будильник.

Возвращаемся в учебку почти перед самым отбоем. Нас не было весь день, но вряд ли это кто-то заметил, так что спокойненько проходим через шлюз, Лекс помахивает пакетом с одеждой и насвистывает какую-то мелодию. В зале уже никого, но свет пока горит.

– Сюда, живо!

Мы синхронно подсакиваем и задираем головы. На втором ярусе стоит Кейн, злой и напряженный. Большим пальцем он указывает на игровую комнату и сам скрывается там.

– Он нас ждал, как мило! – тихо произносит Лекс.

– Что если твой сменщик снова исчез?

– Он обещал предупредить о таком заранее, – качает головой друг. Он вынимает из пакета мою книжечку и сует ее под ступеньку лестницы. – Может, кому-то срочно понадобились чистые носки?

– Да у меня есть специальные полочки на складе – приходи и бери.

Рассуждая таким образом, мы все же поднимаемся на второй ярус и входим в игровую. Кейн закрывает за нами дверь.

– Что, решили устроить себе выходной без спроса? – спрашивает он с издевкой. – Сядьте!

Мы садимся на диван, а он встает перед нами, раскидав ногами, валяющийся на полу хлам.

– Да мы все время были где-то здесь, – заявляет Лекс спокойно.

– Хрена с два! – рывкает Кейн, вперившись в него гневным взглядом.

– Вы все так к нам привыкли, что уже не замечаете.

– Мышь может быть, а твой любопытный нос всегда откуда-нибудь да торчит! – ворчит Кейн задумчиво.

– Так вы ж меня так вежливо попросили, что б я перестал, вот я и перестал, – не слишком натурально возмущается Лекс. – Вам не угодишь!

Кейн подходит ближе и кладет руку ему на шею, чтобы он не мог отстраниться. Во второй руке у него появляется нож. Водит лезвием в сантиметре от лица Лекса.

– Может мне подрезать тебе язык? Все равно ты им только чушь мелешь.

Лекс пытается не показывать страха, но это сложно, Кейн выглядит совершенно чокнутым. Да и в принципе стражам и не такое сходит с рук, так что поверить в его угрозы не сложно. Он касается кончиком лезвия нижней губы Лекса. Появляется капелька крови.

Мне бы хотелось его как-то отвлечь, но не знаю, что тут можно сказать, ничего в голову не приходит. Взгляд натывается на пакет с одеждой.

– Мы ходили в магазин, – лепечу я тихо, но интерес Кейна тут же смещается. Он хватает пакет и вытаскивает оттуда футболку Лекса, все так же вывернутую на изнанку. За чем-то нюхает ее.

– И что в магазине так и продают с пятнами и воняющую

пивом и травой? – спрашивает он с сарказмом и швыряет в меня футболкой, а в Лекса пакетом со штанами и кедами. – Это новая молодежная мода?

– В самый раз для похода по барам, – говорит Лекс уже не так уверенно и закусывает раненую губу.

– И в какой же бар вы ходили? – интересуется Кейн.

– В Навозного жука на пятом, – Лекс косится на меня, но ничего, я все помню. Хотя я там никогда и не была, но друг мне его подробно описывал.

– И как он выглядит внутри, расскажи мне, – теперь Кейн стоит передо мной и теребит косу, в которую я заплела волосы.

Опустив голову пониже, чтобы он не увидел проблеск радости на моем лице от того, что я знаю ответ на его поганый вопрос, я срывающимся голосом описываю стены с жутковатыми панно, липкий пол и тусклый свет. Наигравшись и запретив нам напоследок ходить по подобным заведениям без его высочайшего разрешения, Кейн нас все-таки отпускает.

Как раз когда мы начинаем спускаться по лестнице, выключается свет. Лекс чертыхаясь достает фонарик и шарит лучом по ступенькам, но книжечки там нет. Он сходит вниз и ищет под лестницей.

– Да куда ж ты делась?! – шепотом восклицает Лекс. Я в недоумении озираюсь вокруг, но кроме пятнышка света на полу, бегающего из стороны в сторону, нас окружает крошечная тьма. Тишина тоже как будто мертвая, что в прочем

не означает, что рядом никого нет.

– Ладно пошли отсюда, – сдается Лекс и берет меня под локоть. Мы направляемся к моей прачечной, и он на полпути выключает фонарик. Мы оба, не сговариваясь, замираем. Проходит несколько минут, тело уже начинает ныть от напряжения, и наконец мы слышим едва различимый звук на втором ярусе со стороны спален курсантов. Прекрасно, теперь под подозрением всего лишь двадцать четыре человека!

Всю ночь мучаюсь вопросом, кому понадобилось уводить книжечку. То, что я успела прочитать, мне показалось излишне многословным и маловразумительным, так что вряд ли она сама по себе представляет какую-то ценность. Единственное, что приходит мне в голову – кто-то, например Мин, мог стырить ее чисто из вредности, но какова вероятность, что именно он в тот момент проходил мимо и увидел, как мы прячем книжечку под ступеньку? Хотя может и большая. Он вполне мог знать, что нас ожидает разнос от Кейна, и остаться, чтобы увидеть, чем это все закончится.

Надо проверить. Как только включают свет, я поспешно одеваюсь и закидываю в корзину чистые полотенца. По расписанию у курсантов как раз сейчас утренняя зарядка и бег, так что самое время проверить ящики Мина. Не возьмет же он ее с собой.

Выхожу в помещение склада и сразу вижу, что дверь в зал почему-то закрыта. Это сразустораживает. Подхожу

и провожу своей картой через считыватель, но без толку. Дверь заблокирована снаружи. Снаружи! Меня специально заперли, при этом лишив бедных курсантов возможности вывалить свою грязную одежду мне на пол. Вот это вряд ли. Сажусь на пол рядом с дверью и угрюмо жду, пока кто-нибудь не припрется и не вынет эту чертову карту с другой стороны.

Первым приходит Лекс и демонстрирует мне пустую карту, которую он вытащил из считывателя. Ныкает ее в карман, авось пригодится еще. Я же поскорее хватаюсь за свою корзину – времени мало, курсанты уже давно на пробежке. Младшие офицеры должны быть с ними, но Редженс по какой-то причине подпирает стену, прямо возле лестницы. Вижу его, и ноги сразу становятся ватными.

Ну и как мне сохранить невозмутимость в такой обстановке! Чувствую, как щеки постыдно загораются румянцем, но все же пытаюсь как-то по-быстрому прошмыгнуть мимо него, уставившись взглядом строго в пол. Очень стараюсь не споткнуться о собственные ноги.

Редженс хватает меня за предплечье, когда я уже встаю одной ногой на первую ступеньку.

– Не нужно их разносить, – говорит он, – в душевую отнеси, сами разберут.

– Но они привыкли... – мямлю я.

– Отвыкнут, – цедит Редженс.

Несмотря на все мои страхи, так запросто сдаваться мне

тоже не хочется.

– Тогда мне нужно забрать грязные, – я повожу плечом, как бы стряхиваю его руку, но не тут то было. Он усмехается.

– Сами принесут, – он принудительно разворачивает меня и подталкивает в сторону коридора. Приходится подчиниться.

Я стою возле открытой двери на склад все время, пока возвратившиеся курсанты бегают в душ и действительно возвращают мне грязные полотенца вместе со своим потным бельем. Постепенно все утекают на завтрак, и я рассчитываю все-таки как-нибудь просочиться наверх, хотя Мин уже имел возможность забрать книжку из спальни или перепрятать уже получше.

– Нет смысла, – взволнованный Лекс, проходя мимо, увлекает меня за собой к столовой. – Я уже пошуровал там. У Мина ее нет.

– Как успел? – семеню я за ним.

– Пока ты отвлекала Редженса, я забрался с другой стороны.

Я оборачиваюсь на ходу. То есть он подпрыгнул, уцепился за ограждение и подтянулся наверх? Круто, что ж.

После завтрака офицеры объявляют очередной внезапный шмон. Мы с Лексом сразу устраиваемся у стеночки в зале, и когда все расходятся по спальням, украдкой проверяем свой тайник. Таблетки все еще там, но расслабляться не приходится. Редженсу и Кейну на сей раз досталась комната,

где находится место Кейт.

– Что если Мин подложил книжку к ней? – волнуясь я.

– А что, твоя сектантская литература относится к запрещенной? – шепчет Лекс, продолжая смотреть на спины старших офицеров.

– Без понятия. А вдруг?

– Тогда мы сильно лопухнулись, притащив ее сюда.

– Если Мин сговорился с офицерами...

– Вполне мог.

Спустя какое-то время Редженс действительно выходит с моей книжечкой в руках, но сразу никакой реакции не следует. Те офицеры, что закончили со своим заданием, кучкуются в стороне и о чем-то вполголоса треплются между собой. Выглядят спокойно и расслаблено.

– Взял почитать что ли? – предполагает Лекс, замучившись с ожиданием.

Как только обыск заканчивается, большинство офицеров удаляется, а курсанты выходят из своих спален в зал, собираясь на занятия. Редженс подзывает Кейт к себе. В зале шумновато, так что, чтобы слышать, что он ей скажет, мы встаем практически у него за спиной.

– Нулевая, – обращается он к Кейт, очевидно, это ее здешняя кличка, – я тут смотрю, у тебя слишком много свободного времени. – Редженс поднимает злополучную книжечку.

– Это моя! – встречаю я.

– Да пофиг чья, – отрезает Редженс, не поворачиваясь,

только Кейн рядом с ним окидывает меня презрительным взглядом. – Раз у тебя есть время читать всякую белиберду, то будет время сделать и что-нибудь полезное. Пошли.

Переглядываясь, мы тащимся за ним все втроем. Кейн замыкает.

Редженс входит в комнату, где стоят терминалы для выхода в сеть, которыми могут пользоваться курсанты. У дальней стены здесь стоит и старая картотека, которой уже вряд ли кто-то пользуется. Вдвоем с Кейном они довольно быстро выворачивают на пол ящики с карточками в одну большую кучу.

– Ты посмотри только какой бардак! – восхищается Кейн, дополнительно перемешивая их. Редженс смотрит на часы.

– Сейчас у тебя только семь минут, – говорит он застывшей в ступоре Кейт, – но в течение дня у тебя будет полно времени, чтобы все тут разобрать и не нарваться на штраф.

Вот упырь! Ну ладно, пока они будут на занятиях, я все разберу.

– А раз у тебя тоже полно лишнего времени, – словно прочитав мои мысли, Редженс снова хватается меня за предплечье и уволокивает наружу. Кейн остается следить, Лекс растеряно смотрит на пикинувший планшет – ему явно пришло свое задание.

Да ну ладно, сделаю и то, что Редженс скажет, и помогу карточки разобрать и постирать-погладить еще все успею. Подумаешь, один очень загруженный день, напугали! Спо-

койно позволяю утащить себя через коридор и куда там... в офицерскую опочивальню.

– Разбери здесь все, – с этими словами Редженс запихивает меня в почти пустой шкаф и закрывает дверцу, оставляя меня в темноте.

Собственно кроме меня здесь внутри только пара плечиков с чистыми рубашками, так что я на ощупь со звуком смещаю их в сторону.

– Готово! – говорю громко и стучу по дверце. Никто не откликается, так что я пытаюсь открыть дверцу самостоятельно, но как и в карцере здесь просто не за что ухватиться. Просто упираюсь в ее поверхность и стараюсь сдвинуть в сторону, но черта с два.

5

На свободу меня выпускает другой офицер, которому по счастливому стечению обстоятельств потребовалась чистая рубашка. Всего-то через три часа.

Помочь Кейт у меня так и не выходит. Обнаружив меня возле картотеки, Кейн запирает мою тушку, на сей раз в прачечной. Лексу он обещает вырвать руки, если только он попробует меня спасти. Со всей этой нервозностью, Кейт все же успевает все вовремя разобрать, потратив на это свое время на самостоятельные занятия. Из-за этого доклад, который она делает на следующий день, оставляет желать лучшего и она нарывается на штраф. Теперь ее заставляют в одиночку мыть все полы с нашей стороны учебки. Видимо, офицеры полагают, что это каким-то мистическим образом поможет ей лучше подготовить следующее задание. Но в этот раз уже вмешивается Кирилл и ей удается схалтурить. Все это она рассказывает в моей прачечной, пока я вдохновенно вышиваю на вещах Редженса слова “говнюк” и “козел”. Ну саму форму я трогать не решаюсь, а вот носки и майку я украшаю крупными буквами, чтобы точно заметил.

Через два дня я уже успеваю перегореть, однако сделанного не воротишь. Накануне вечером полки, на которых я раскладываю стиранную одежду офицеров, закономерно опу-

стели, и с тех пор пока что никаких комментариев на последовало. По выражению лиц офицеров, которые они нацепили за завтраком, сказать что-либо оказалось невозможно, но я прямо чувствую, что час расплаты не за горами. Вернувшись к себе, я даже задумываюсь, а не закрыться ли мне изнутри, заблокировав дверь картой. Однако поразмыслив за закидыванием очередной порции белья в машины, я решаю встретить неприятности, какие бы они ни были, так сказать, с открытым забралом.

– А мышь-то у нас прямо-таки страшна в гневе! – произносит Редженс, появляясь наконец в прачечной. – Исправь это, – он кидает в меня скомканной майкой, подходя ближе.

Кейн заходит следом, но остается в дверях, с довольной ухмылкой опирается на косяк.

Майку я не ловлю, потому что в этот момент у меня в руках корзина, но поставив ее на пол, беру майку и расправляю в руках. Да, это именно та самая.

– А что не так, буквы слишком маленькие? И где остальное? – интересуюсь я. Носки-то он не принес.

На лице Редженса вдруг начинают играть желваки, взгляд становится острым. Даже страшно становится, так внезапно в нем проявляются эмоции. До этого они все благополучно скрывались за насмешливой полуулыбкой, мне казалось, он просто не может потерять самообладание. И что теперь будет?

– Что вы прицепились к Кейт? – спрашиваю я заодно, все

равно уже два вопроса задала.

Редженс, который начинает угрожающе приближаться ко мне, на мгновение останавливается, как будто вспоминая, кто это вообще такая.

– Нулевая? Она слишком ленива, – с издевкой сообщает он. Я отхожу в сторонку, чтобы между нами оказалась большая машина.

– Это неправда.

– Ай-ай-яй, – отлипает от косяка Кейн с другой стороны от меня. – А ведь такая покладистая мышка была! Если так пойдет и дальше, придется отправить ее назад.

– Или ниже, – добавляет Редженс.

– Автобус пришел, – доносится из зала могучий бас Кирилла.

– Пора идти, – Редженс быстро обходит стиральную машину и, грубо схватив меня за руку, тащит на выход. Не знаю, что происходит, но у меня вообще-то стирка.

– У меня три машины работают! – пытаюсь я затормозить у двери.

– Сами отключатся, – отдирает мою руку от косяка Редженс.

– Они не такие глупые, как некоторые мыши, – скалится Кейн. – Которых еще учить и учить!

В автобус набивают кучу народу: половину курсантов и офицеров, часть служащих. Сиденья все сняты, так что все

едут плотненько стоя, держась за свисающие с потолка петли. Автопилот отключен, так что за управление сажают одного из младших офицеров, и поскольку, по словам руководителя группы, доехать “хочется, не разбившись всмятку”, это дело доверяют Кириллу, а не остальным “мартышкам”. Лекс протискивается ко мне, когда Редженс наконец отпускает мою руку. У меня теперь явно будут синяки, и там, где он меня держал, и там, где Кейн щипал меня всю дорогу.

– Тебе сказали, куда мы едем? – спрашивает Лекс, как-то незаметно оттеснив меня в сторону от этих двоих.

– Нет, мы только ругались, потому что Редженсу не понравилась моя вышивка.

– Ну вот, а ты так старалась!

– А на носках он, похоже, не заметил, – шепчу я. Лекс давится смехом, и мы оба оборачиваемся на этих двоих, но Редженс стоит к нам спиной, а Кейн говорит с одним из старших офицеров. Кажется, он показывает нам кулак, но это не точно.

– Они пригрозили вернуть меня на нулевой, – жалуясь я тихонько.

– Ну, это вряд ли. То, во что вцепился Кейн, он уже не отпустит, – неожиданно серьезно говорит Лекс. – Так говорят, по крайней мере.

– Мне стоит этому радоваться?

– Поглядим.

По автобусу из рук в руки движется банка с солнцезащит-

ным кремом. Мы явно движемся к периферии Муравейника. Там Кирилл уверенно заводит автобус в тоннель, и нас выгружают на длинном перроне. Затем всех делят на группы, каждой достается по паре младших офицеров, старшие уходят отдельно.

В нашей группе конечно же Кейн с Редженсом и среди других курсантов Кейт. К явному неудовольствию Ристики она не с нами.

Наша группа проходит через отведенную нам дверь, и я просто забываю обо всей этой возне. Такого я никогда еще не видела! Мы находимся не просто на периферии Муравейника, а на террасе на его внешней стороне. Она щедро освещена настоящим утренним солнцем. За ограждением простирается настоящий мир, реальные леса и поля уходят вдаль до настоящего горизонта. С одной стороны широчайшая равнина обрамляется непостижимо огромными горами с белыми снежными шапочками. С другой виднеются похожие на стволы огромных деревьев, серые массивы других муравейников, в направлении которых сквозь зеленые пространства тянутся просеки для железных дорог.

В школе нам все это показывали на уроках в виде очень хороших голографических изображений, но в живую все воспринимается совсем иначе. Нас облучали специальными лампами, но настоящий солнечный свет не входит с ними ни в какое сравнение! На нулевом у нас вообще-то была возможность даже выходить наружу, но никто из нас этого не

делал, потому что никто даже не догадывался, как это охренительно великолепно! Какой восторг вызывает настоящий простор! Другие школьники, я знаю, ходили в так называемый «парк».

На какое-то время все смолкают и, щурясь на солнце, проходят вперед к ограждению.

– Нулевая! Напомни курсантам правила нахождения на террасах, – громко приказывает Редженс, резко спустив нас с небес на землю. Кейт, которая наверняка так же находится под впечатлением, на секунду теряется, и Кейн с гадкой ухмылочкой недвусмысленно кладет руку на рукоятку хлыста.

Собравшись, Кейт начинает декламировать правила, все курсанты смотрят на нее, отвлекшись от умопомрачительно-го пейзажа впереди. Проговорив семь или восемь “нельзя”, подруга замолкает с растерянным выражением на лице, видимо, что-то она все-таки забыла. Лекс сплевывает жвачку в водосток, за что получает от Кейна подзатыльник.

– Запрещено выкидывать мусор в водостоки и с края террасы, – тут же вспоминает Кейт последнее правило.

Поняв, что произошло, Кейн дополнительно пинает Лекса по ноге, так что тот падает и с размаху врежется головой в ограждение.

– Сели все! – командует Редженс и курсанты поспешно кучно рассаживаются по скамейкам, в два ряда расположенным вдоль края террасы. Мы с Лексом отползаем в сторонку и садимся на пустую. Те, кто из обслуги, в основном усажи-

ваются с другой стороны.

Проследив за рассадкой, Кейн и Редженс садятся позади нас. Дальше ничего не происходит, все тихо и спокойно наслаждаются солнышком и синтезируют витамин D. От скуки не иначе офицеры начинают пинать нашу скамейку. Мы как будто снова в школе, причем в младшей.

Лекс к этому времени растерял уже большую часть своего гонора и начинает зеленеть. Ладонью он прикрывает ушибленный висок. Так понимаю, ударился он сильно, и эта тряска ему не помогает. Жестом предлагаю ему пересесть, но Редженс рывкает на нас сзади.

– Да прекратите уже! – не выдерживаю я.

Кейн поднимается, чтобы принять свои неадекватные меры, но видит, наконец, что Лексу фигово, и сменяет гнев на милость. Ругаясь, он обходит скамейку.

– Что ж вы, с нулевого, все такие неуклюжие! – ворчит он. – Мышь утюг себе на ногу роняет, щенок башкой бьется.

– Это ты его толкнул! – напоминаю я сердито. – То есть вы.

– Мышам слова не давали! – рывкает Кейн. – Вставай, щенок, пошли. – Он рывком поднимает Лекса с места и, так и быть, ловит, когда тот пытается свалиться на пол.

– У вас тоже была кличка, когда вы учились? – интересуюсь я, параллельно удивляясь, почему вопросы из меня так и вылетают. Очевидно минуя какие-то важные структуры мозга. Может быть, они атрофировались из-за той таблетки, ко-

тору ю я случайно проглотила в подземном клубе?

– Была, – неожиданно мягко отвечает Кейн.

– Отгадаете какая, дадим послабление вашей подружке, – предлагает Редженс.

– Ублюдок? Извращенец? – предлагает варианты Лекс.

– Нет, – лыбится Кейн, – но раз уж ты сегодня стукнутый, дам еще один шанс. Подумайте как следует, – он тащит Лекса на выход, но по пути оборачивается ко мне: – А вопросы эти я тебе еще припомню.

6

Прямо с утра замечаю, что действие волшебной таблетки все-таки закончилось, и ощущение пофигизма и бесшабашности окончательно выветрилось. Соответственно весь день тщетно собираюсь с духом у кого-нибудь что-нибудь спросить о Лексе, но так и не решаюсь. Можно было бы поинтересоваться у его соседа по комнате, стоящего на раздаче в столовой, или у второго посыльного, который с хмурым видом показывается то тут то там, или в конце концов у Ристики, которая обычно в курсе всех местных сплетен. В итоге весь вечер просиживаю на столе возле входа на склад в ожидании Кейна, чтобы тоже у него ничего не спросить. Хотя вообще-то и нельзя у него ничего спрашивать – таковы правила, но совсем недавно такие неправильные вопросы высказывали из меня без проблем. Мне очень этого не хватает.

То и дело кто-нибудь заходит, забирая свое постиранное белье или сгребая сразу несколько стопок для себя и для товарищей. Кейн же появляется почти перед самым отбоем. Я смотрю, как он лениво подходит к стеллажу, и грустно вздыхаю.

Взяв свою стопку, он подходит ко мне, сваливает ее на стол, опирается на него, поставив руки с двух сторон от моих коленей.

– Ладно, спрашивай, – снисходительно разрешает он. Я

сразу начинаю относиться к нему гораздо лучше, но секунды на полторы, потом он добавляет: – Но за это будешь сама таскать мое исподнее.

Не так уж это и страшно.

– Что с Лексом? – выпаливаю я.

– Сдал его на ремонт. Обещали вернуть через два дня, – довольный Кейн кладет стопку своих вещей мне на колени. – Тащи!

И я тащусь за ним, хотя уж в этот раз он мог бы и самостоятельно оттащить такую тяжелейшую ношу. Когда мы входим в их спальню, до отбоя остается не больше минуты, внутри еще трое офицеров, и часть их них уже успели разоблачиться ко сну. Неловко, но Кейн сияет от самодовольства. Он показывает, в какую тумбочку сложить его вещи, что я и проделываю, изнывая под недовольными взглядами остальных.

– С чего это тебе одному такой сервис? – интересуется кто-то.

– Надо уметь торговаться, – хмыкает Кейн, а я красная как помидор вылетаю наружу и сбегая по ступенькам, где меня и застает отключение света. Последние ступеньки я перелетаю и падаю на холодный пол, ушибив всю свою левую часть.

Лекса я вижу уже в наш общий выходной. Он отцепляет от себя Ристику, которая буквально висит на его плече, как разноцветная экзотическая птица, и подходит ко мне.

– Я записал нас на встречу к Мэй, – говорит он, – договорился, нас пустят прямо к ней, а не как вас в прошлый раз прокатили.

– Прекрасно!

– До этого у нас полно времени, так что предлагаю прогуляться по книжным. – Он отводит меня в сторонку и заговорщически поясняет: – Помнишь, эти двое предлагали нам отгадать старую кличку Кейна? Нафиг отгадывать, когда можно найти надежный источник.

Даже не представляю, в какой книге такая информация может быть! Но ладно, явно речь не о ней.

– Я подумал, у кого можно спросить? Очевидно, те, с кем он учился, в курсе. Но тут нужно действовать аккуратно. Найти кого-то, с кем у него отношения сложились не очень.

– И кто же это?

– Джуси! – Он говорит так, словно я должна знать, кто это. Я только пожимаю плечами. – Единственная из младших офицеров женского пола.

– А-а, – видела ее, но ничего про нее не знаю.

– Договорился с ней, что она выдаст мне его погоняло, если я... как бы тебе сказать...

– Как есть.

– Если я смогу удовлетворить ее женские желания. Ну ты понимаешь?

– И для этого тебе нужна какая-то книжка? – ни фига не понимаю.

– Конкретно в том способе, какой она хочет, я слабо разбираюсь, – нехотя признается Лекс. – Но Крис сказал, что для этого есть подробная инструкция. Сейчас у него самого ее нет, но можно поискать.

– Крис?! Он разве не дружит с Мином?!

– Контачит постольку поскольку, – кривится Лекс. – Но не будет же он, чтоб мне насолить, сам какую-то книжку писать. Это не так просто, я думаю.

– Но посоветовать какую-нибудь ерунду может.

– Ну не будут же в книжках лажу писать? – наивно удивляется друг.

Мы довольно споро передвигаемся по книжным магазинам и библиотекам снизу вверх и это не так противно и скучно как вялое ползание по магазинам одежды. Кроме книжки для Лекса мы заодно ищем и ту сектантскую книжечку про дерево, вдруг есть где-нибудь, раз в число запрещенных она не входит. На каждом уровне нам везде помогают консультанты, а с тридцать шестого уровня появляются и каталоги, в которых все можно быстро посмотреть. Однако по ходу успеваю проглядывать и другую литературку, цепляясь взглядом за интересные названия. На всю эту красоту никаких денег не хватит, но и в библиотеках тоже немало любопытного. И о чем я раньше думала? Столько возможностей.

На шестидесятом уровне попадаем в самое прекрасное место на свете. Местная библиотека совмещена с большим

магазином, и все это великолепие находится в нескольких больших залах, стеллажи с книгами в которых стоят на обоих ярусах. Посередине каждого зала находятся столы для чтения. Между рядами стеллажей разбросаны удобные кресла. Есть также просторный изолированный зал для лекций и презентаций и комната, где собирается литературный клуб. Внутри тихо, спокойно и радуется хорошее приятное для глаз освещение.

Лекс сразу идет к ближайшему консультанту, а я начинаю читать указатели, но взгляд тут же натывается на девушку в инвалидном кресле, которая ничего не читает и не ищет. У нее безучастный расфокусированный взгляд, а сама она выглядит отчужденной и болезненной. Пытаюсь спрятаться за стеллаж, чтобы честно не глазеть на нее, но почему-то не могу выбросить ее из головы.

Вскоре Лекс возвращается ко мне, уже с той самой книжкой в руке и довольно улыбается.

– Ну, все, я обставлю Кейна, чего бы мне это не стоило! – он воинственно потрясает книжкой и вдруг замирает. Делает шаг за стеллаж, за которым уже прячусь я. – Это же та самая девушка, да? Подружка Стоува, которого мы все так неплототворно ищем?

Ну, может быть, может быть.

– Пойдем, поболтаем с ней, – предлагает Лекс. Он уверенно выплывает из-за стеллажа и непринужденно начинает разговор с девушкой, хотя даже не помнит ее имени. Она

смотрит на нас с неприязнью.

– Вы работаете на стражу? – проницательно интересуется она.

Мы переглядываемся, потом Лекс выдает:

– Нет.

И это почти правда, поскольку она, скорее всего, под работой имела в виду вынюхивание на предмет незаконных спусков под землю.

– Докажите, – требует девушка.

Мы снова растеряно переглядываемся. Главное, чтобы она наши карты посмотреть не попросила. Я поспешно достаю из кармана очень плохую распечатку с фотографией Стоува.

– Это дала нам его сестра, она хочет, чтобы мы помогли найти его, – объясняет Лекс. – Можешь связаться с ней, и она все подтвердит.

– И как же я это сделаю?! – злобно спрашивает девушка. – В школу мы больше не ходим.

– Можешь позвонить ей в магазин, где она стажирруется, – Лекс оглядывается вокруг, – у вас же тут есть терминалы.

– Что вы знаете о пропаже Стоува? – проигнорировав его предложение, спрашивает девушка. Она все еще смотрит на нас недоверчиво и сердито.

– Что он хотел заработать денег под землей, – тихо говорит Лекс, удостоверившись, что кроме нас его никто не услышит. – Его сестра дала нам обрывок объявления о боях.

– И вы хотите узнать, как он туда спустился?

– Ну, мы догадываемся как. Сами туда уже не раз спускались, – хмыкает Лекс, понимая, к чему она клонит.

– Да, и как же? – уже не так злобно спрашивает девушка. Лекс объясняет, где находится канат.

– Меня зовут Фелис, – представляется девушка, немного расслабляясь. Похоже, поверила-таки.

– Круто, я Лекс, это Вета. Ты можешь рассказать нам что-нибудь еще, он рассказывал тебе, чем собирался там, внизу, заняться? На боях мы его не нашли.

– Стоув действительно хотел поступить там в какую-то школу боевых искусств, чтобы потом участвовать в боях за премиальные. Его могли бы обучать бесплатно, если бы тренерам показалось, что у него есть талант. Стоув крепкий парень, но таланта доставлять другим боль у него не нашли, – Фелис чуть улыбается краешками губ. – Он связывался со мной, после того как его окончательно отшили.

– У него возникли другие идеи? – спрашивает Лекс и смотрит куда-то выше ее головы.

– Фелис? Все в порядке? – взволновано спрашивает подходящий к ней мужчина в очках и хорошо сшитом сером костюме.

– Да, папа, – отвечает девушка, чуть повернув кресло. – Это друзья Стоува, они его ищут.

– Вы работаете на стражу? – заводит по второму кругу тот.

– Нет, – уже совсем уверенно врет Лекс.

– Тогда давайте поговорим в моем кабинете, – предлагает отец Фелис. Мы все трое следуем за ним в хорошую просторную комнату, где кроме большого деревянного стола одну стену полностью занимает стеллаж с книгами, а другую шкаф с коллекцией минералов. Войдя, Лекс тут же прилипает к коллекции, а я к книгам. У него тут обширное собрание не только по минералогии, но и по разным разделам медицины, вижу пару книг о ядах. Очень интересно.

– Меня зовут Фергюс Флай Долтон, – представляется мужчина. – Я отец Фелис, как вы уже поняли, и довольно близко общался со Стоувом в последний год. Мне очень жаль, что с ним такое произошло. Родственники Стоува подали заявление страже?

– Да, но боятся, что его не будут особо искать, – отвечает Лекс, продолжая рассматривать камни за стеклянными дверцами шкафа.

– Надеюсь, они не уточняли, чем именно он был занят в последнее время?

– Нет, думаете, не стоило? – Лекс, отвлекшись, оборачивается к Фергюсу.

– Боюсь, пропажа молодого человека в это время года их действительно не особенно всколыхнет, но вот нелегальные способы спуска под землю – другое дело. За такую находку дают повышение. – Фергюс опускается в кресло за своим столом и откидывается на спинку. – Повышение будет тем весомей, чем больше удастся привлечь за это людей. Поэто-

му, если об авантюре Стоува станет известно, накажут всех, кто о ней знал. Включая мою дочь. Ну и вы понимаете, что с ее здоровьем...

– Папа! – прерывает его Фелис. – Речь идет о жизни Стоува! Что, если его уже нет в живых?! – ее глаза быстро наполняются слезами и она резко разворачивается вместе со своим креслом, чтобы никто их не видел.

– Он был прекрасным молодым человеком, целеустремленным и бесстрашным, – рассказывает Фергюс. – Но очень упрямым, хотел непременно забрать Фелис к себе, строить семью, как в этих иномирских фильмах показывают. Хотел заработать денег на взятки врачам. Хотя наилучшим решением было бы, чтобы она осталась со мной, здесь на шестидесятом, где у нее есть адекватные условия и лечение. Я никогда не был против их встреч! У него нет сюда доступа, но я сам лично проводил его сюда, чтобы они вместе проводили время. Сколько угодно времени!

– Если я достаточно хорошо себя чувствовала, – добавляет Фелис, – а это случалось не так часто, как хотелось бы.

– Ну что же делать?! Ты у меня очень слабенькая, а там внизу тебе стало бы только хуже! – с нежной интонацией возражает ее отец.

– Ясно, – Лекс уже закончил с коллекцией и теперь рассматривает предметы на столе. – Это недавнее фото? – Берет он в руки рамку с фотографией.

– Мы сфотографировались в день, когда я сдала послед-

ний экзамен, – грустно кивает Фелис. – На два года позже, чем могла бы.

– Это из-за ее здоровья, – быстро добавляет ее отец. – Ей приходилось пропускать много занятий.

– Так я хотел спросить, не говорил ли Стоув о своих дальнейших планах после провала с боями за премиальные? – возвращается к теме Лекс. Фотографию он возвращает на стол, ставя так, что я тоже могу ее рассмотреть.

– У него возникла идея заняться поиском дорогих вещей, – говорит Фелис. – Вещей из других миров в обход гильдии искателей.

– Да, отдельные предметы настолько ценны, что некоторые готовы закрыть глаза на их происхождение, – подтверждает Фергюс.

– Например, предметы коллекционирования, – кивает на шкаф Лекс.

– Не только, но в том числе. Бедный мальчик, – качает головой Фергюс. – Это еще опаснее, чем его первая задумка. Я снабдил его всей литературой, что смог достать, о тех монстрах, что обитают под землей и о последствиях встреч с ними – все что угодно, только бы отговорить его от этого. Заниматься искательством в одиночку, без многолетней подготовки, которую проходят в гильдии – это чистой воды самоубийство!

– Но он сказал, что мать даст ему безопасную наводку, – говорит Фелис.

– Дерево-мать?! – встречаю я.

– Вы уже добрались до этих людей? – удивляется Фергюс.

– Послезавтра я иду на их встречу, но мы так и не разобрались, что это за культ такой.

– Они считают то грандиозное строение, в котором мы живем, – Фергюс обводит комнату руками, – живым существом. И в каком-то смысле они правы! Муравейник постоянно растет. То вещество, из которого он выполнен, оно постоянно нарастает, и наши машины-уборщики орудующие на уровнях, пока мы спим, не столько убирают, сколько соскабливают лишнее.

Мне вспомнился неровный с наростами пол на подземных уровнях. Однако в жилых помещениях почему-то ничего не нарастает.

– Муравейник некоторые ученые действительно склонны считать некой иной небелковой формой жизни, – продолжает Фергюс, – но сектанты пошли дальше. Они наделяют его разумом, говорят о нем, как о дереве-матери. И она вроде как может общаться со своими поклонниками через нашу общую компьютерную сеть, которая как бы является ее нервной системой. А с особо рьяными своими последователями – и телепатически.

– А где теперь эти книги? О подземных чудовищах? – любопытствую я.

– Я убрал их в хранилище, – резко отвечает библиотекарь. – Понял, что эти описания не только не отпугивают со-

временную молодежь, а наоборот развращают. Пробуждают неуместное любопытство и рождают ложное чувство полной осведомленности, достаточной, чтобы справиться с опасностями, подстерегающими в темноте.

Забравшись на подъемник, чтобы быстро спуститься обратно на тридцать пятый, мы смотрим, как люди заскакивают и выскакивают из постоянно движущейся машины на своих уровнях, и все не решаемся начать разговор.

– Ну, что думаешь? – спрашивает Лекс, как только мы ненадолго остаемся одни.

– Что я начинаю мучиться от неуместного любопытства и чувства неполной осведомленности, – честно отвечаю ему.

– Точно, – хмурится друг, – надо залезть в это хранилище.

Добравшись до тридцать шестого, мы проходим через автоматическую границу и спускается в блок общежитий. Кейт мы подхватываем неподалеку от учебки стражей, при этом я едва ее узнаю. Она оделась в кожаную мини-юбку и кожаную мини-курточку, оголяющую живот, встала на высокие каблуки и обрезала волосы еще короче. Практически там мало чего осталось, а то, что осталось, стало вырвиглазного оранжевого цвета.

– Ну как вам мой новый имидж? – с ноткой восторга в голосе интересуется она нашим мнением. Ее лицо так густо покрыто декоративной косметикой, что кажется маской.

– Девушка, а мы знакомы? – усмехается Лекс.

– Именно такого эффекта я и добивалась, – невесело улыбается Кейт.

– А хуже не будет? – по своему обыкновению я уже представляю себе, как офицеры и новобранцы зубоскалят по поводу ее нового образа.

– Нет, мы большой компанией ходили и все полностью поменяли внешность, – смеется Кейт. – Офицерам теперь придется, как следует, поломать головы, кто есть кто. Или придумать нам новые клички.

– Будет им, чем заняться на некоторое время, – радуется Лекс.

– Значит, тебя приняли в команду? – уточняю я.

Пока болтаем с Кейт о том, как наконец-то изменилось ее положение среди курсантов, подходим ко входу в больницу. Неподалеку от него припаркована частная машина, но мы сперва не обращаем на нее внимания, не настораживаемся, даже когда ее двери приподнимаются и наружу выходят двое. Мне еще не доводилось видеть эту парочку в гражданской одежде, когда понимаю, кто это, просто замираю от удивления. На Редженсе простая белая футболка и светлые брюки, а вот на Кейне черные художественно рваные штаны и безрукавка, по максимуму открывающая его галерею татуировок. Нижнюю губу протыкают два кольца и уши все истыканы металлом. На светлом ежике волос ярко зеленая полоса.

– Че уставилась, Мышь? Мы за тобой! – восклицает Кейн,

подходя ближе. Судя по развязным жестам, я бы предположила, что он пьян, но знаю, что это невозможно.

– Найдите себе другую компанию! – смело встревает Лекс. – Эта девушка уже занята.

– Хрена с два она занята, – не соглашается Кейн, – я предупредил, что эти вопросики ее я еще припомню. А кто твоя вторая подружка? – он вроде как вглядывается в изменившуюся Кейт, но при этом делает выпад и резко выхватывает у Лекса его книгу. – Опа, наш щеночек литературку себе прихватил. Это что, книжка с картинками?

Эти двое листают книгу, грубо сминая листы, и ржут.

– Ты как ее читать собрался, неуч? – продолжает веселиться Кейн. – Ты даже короткий приказ в чате разобрать не можешь, пока не рявкнешь, не прибежишь.

– Все я разбираю, – возражает Лекс. – Просто выполняю приказы в зависимости от приоритета: сначала приказы главнюка, потом кого угодно еще, следом всякая мелочевка, а уж потом хотелки двух козлов.

– Тебе что, в больнице очень понравилось? Обратного хочешь? – рычит Кейн, хотя сердитым не выглядит.

– Это ты перед Джуси выпендриться собрался? – догадывается Редженс.

– Точно! – доходит до Кейна. – Собрался выпытать у нее мою старую кличку! Не, ну раз так то пусть, – он захлопывает книжку и сует ее обратно в руки к слегка смущенному Лексу. – Все равно ни черта не выйдет. Но я хочу услышать,

как она потом об этом будет рассказывать.

Лекс заливается краской и выпаливает:

– Если у тебя ничего не вышло, не значит, что и у других не получится.

– У меня-то как раз все вышло, – ухмыляется Кейн. – У меня всегда все выходит. А ты иди, потренируйся на ком-нибудь, – он переводит взгляд на размалеванную Кейт. – Не забудь перед возвращением все это смыть, а то будешь сидеть в карцере, пока само все не ссыпется.

Кейт, кажется, под всем этим тоже краснеет, но уже от злости. Два офицера поворачиваются уходить. Я уже почти успеваю обрадоваться, что обо мне благополучно забыли, но Редженс, спохватившись, оборачивается и хватает меня за руку.

– Да оставьте вы ее! – пытается вклиниться между нами Лекс.

– Ага, щаз, – хмурится Кейн. Я пытаюсь жестами показать Лексу, что все в порядке и чтобы он не вмешивался. Кейт тянет его в сторону и что-то шепчет ему на ухо.

– Валите уже куда шли, – раздраженно предлагает Редженс.

Лекс обеспокоен, но все же нехотя отступает, а офицеры тащат меня к их машине. Я оказываюсь на заднем сидении и даже немного радуюсь предстоящей поездке. Однако она оказывается не столь захватывающей, как предыдущая. Нет эффекта новизны, да и Редженс водит гораздо более акку-

ратно. Меня не мотает по салону, даже не смотря на то, что как и в тот раз не успеваю пристегнуться.

Через несколько минут Редженс сажает машину на платформе сорок третьего уровня и вместе с Кейном они выскакивают наружу, но мне они не разрешают выходить. Отсутствуют они достаточно долго, и мне уже надоедает гадать, что же такое они задумали. Какую-нибудь непередаваемую гадость, но пока что мне просто скучно. К тому же можно было бы смыться по-тихому уже раз сто, но к чему бы это привело? Пока они ходят где-то, я успеваю преодолеть путь от вполне уместного страха, до еще более уместного раздражения. Из-за их вредности я пропускаю возможность навестить Мэй, причем по-нормальному, а не в окошко на ее макушку посмотреть. Может это и есть весь их хитроумный план – задолбать меня бессмысленным ожиданием? Когда они наконец возвращаются, я уже не могу скрыть соответствующее настроение.

– Что?! Девчонки долго собирались! – как бы оправдывается Кейн, но это он скорее насмехается. Открыв дверь, он запускает на заднее сидение трех полураздетых девушек и, судя по запаху, да и виду, они не собирались, а надирались. Собственно у одной из-них в руке до сих пор пустая пивная бутылка.

– Только пусть Редж поведет! – жеманным голоском просит она.

– Если это будет Кейн, – выдает другая, хотя мужчины уже

заняли места впереди, и Редженс на водительском, – придется чистить салон.

Машина снова взлетает и, преодолев винтовой туннель, приземляется уже где-то на шестидесятом уровне. Причем это не временная стоянка на платформе, а внутреннее помещение для нескольких машин. Выбравшись из авто, мужчины аккуратно выгружают свой подвыпивший груз и тащат девчонок к выходу. Редженс придерживает двоих из них, третью же Кейн попросту взваливает к себе на плечо. Она икает и разбивает бутылку об пол.

На меня больше не обращают внимания, так что теоретически можно было бы попробовать смыться. Помедлив, прежде чем вылезать из машины, я захлопываю крышку, когда остальные уже вышли за дверь гаража.

Подождав еще капельку, выхожу из гаража в переход, через окна которого видны большие двери для вылета машин на платформу. Этим выходом в крайнем случае тоже можно воспользоваться, хотя я не совсем уверена. В любом случае дальше должен быть человеческий шлюз, и, если даже он заперт, моя карта должна там сработать.

Когда по тоннелю выхожу во внутренний перпендикулярный платформе коридор, там уже никого нет. Судя по табличкам на стене, здесь уже начинается жилая часть. Предположу, что апартаменты Кейна и Редженса находятся где-то недалеко, возможно в одни из них вся компания и пошла. Слева чуть дальше большие двустворчатые двери стоят от-

крытыми и оттуда доносятся голоса, там должен быть большой зал. Налево в конце коридора прозрачная не запирающаяся дверь в длинный коридор, ведущий вдоль платформы, вот сюда мне и надо. Если повезет, добегу по нему прямо до шлюза.

Захожу за стеклянные двери, и надо мной автоматически вспыхивают лампы. На весь коридор вижу всего три двери в апартаменты, так что они на этом уровне должно быть действительно просторные.

Снова двери и снова перпендикулярный коридор, но дальше вперед прохода нет. Стоят автоматы со всякой бытовой мелочевкой. Не знаю, для чего кому-то вздумалось перекрывать самый удобный коридор, но подобные сюрпризы в Муравейнике на каждом шагу. Придется теперь топтать к следующему переходу, а значит пройти мимо второго входа в зал. Набрал скорость, чтобы быстренько прошмыгнуть мимо, я чуть не врезаюсь в Кейна.

– Заблудилась, Мышка? – он сгребает меня в охапку и заталкивает в зал.

Это помещение оказывается чуть поменьше общего зала в учебке и освещается низко висящими люстрами. Внутри находится человек десять, но взгляд первым делом выхватывает Редженса. Он удобно устроился на одном из диванов и держит у себя на коленях одну из пьяненьких девушек, которых они привезли сюда. Еще два дивана стоят полукругом вокруг низкого широкого стола, заваленного бутылка-

ми, пакетами со всяческим перекусом, игральными картами, дисками и прочим. Все это обращено на огромных размеров плоско экранный телевизор на стене, по которому с пониженным звуком показывают какой-то концерт. Вторая из девушек с осоловевшим видом смотрит его, сидя прямо на полу, еще одна лежит на другом диване, раскинув руки. У нее в ногах сидит незнакомый мужчина, и посасывая из бутылки, гладит ее по коленке. Остальные люди, присутствующие в зале, рассредоточились по другим зонам зала, в одной из которых стоит бильярдный стол, а в другой дуются в игру на приставке.

– Сиди здесь, – Кейн пихает меня на диван, стоящий спиной к диванной зоне, где собралась их компания. Чтобы сократить расстояние, перемахивает через лежащую девушку и сграбастав с пола вторую из подружек, вместе с нею бухается на незанятый диван. Она что-то радостно восклицает и обвивает его шею руками.

Собравшись в комочек, довольно долгое время я просто наблюдаю, как люди в зале мирно отдыхают, разговаривают, подкальывают друг друга и играют в игры. Судя по тому, что остальные активно потребляют спиртное, кроме Редженса и Кейна стражей в зале больше нет, но все друг с другом знакомы и перемещаются между компаниями туда-сюда и трепятся обо всем на свете, хотя по-большой части разговоры ни-о-чем. Не знаю, зачем Кейн притащил меня в это место, но никто меня не трогает, что радует, хотя я и предпочла бы

уже свалить. К сожалению, офицеры пьют только водичку, и единственные тут в трезвом уме, так что об этом и думать не стоит.

То, что девушка позади меня наконец сдалась и заснула, становится очевидным по неожиданно раздавшемуся храпу. Тот молодой человек, что изначально пытался ее растормошить, перекидывается через спинку дивана и кладет руку мне на плечо, привлекая внимания.

– А тебя как зовут? – спрашивает он, дыхнув мне в лицо пивом.

– Даже не думай, она сегодня не развлекается, – тут же по-хозяйски пресекает наше знакомство Кейн. Я правда уже успела испугаться. Мужчина же, хоть и недовольно морщится, но беспрекословно встает и уходит искать себе другого общения.

Не успеваю я в первый раз в жизни обрадоваться, что Кейн где-то рядом, он тут же сваливает из комнаты. Редженс вместе с другими присутствующими как раз поглощен выбором фильмов, которые им демонстрирует женщина вся увитая бусами. Они кстати все вместе на вид кажутся вполне себе тяжелыми, но она без видимых усилий держит осанку и похожа на изящную статуэтку. Отведя взгляд я привстаю, готовясь совершить очередную попытку побега, но как на зло передо мной на диван бухается подружка Кейна с бокалом в руках, из которого при ее приземлении выплескивается пенная жидкость. Она презрительно кривит пухлые губы.

– А почему ты не красишься? Тебе этот ублюдок не разрешает? – спрашивает она, смачно икнув. Рискну предположить, что под ублюдком она подразумевает человека, которого она недавно облобызала чуть ли не с головы до ног.

– Нет, ему все равно, – пытаюсь сдержать нервную улыбку, которая здесь совсем не к месту, и нервно кошусь на выход.

– А что у тебя с волосами? – девушка тянется к моей расхлябанной косе, а я пытаюсь удержать ее бокал от выплескивания мне на грудь. – Он что совсем не дает тебе денег на салон? – она презрительно хмыкает. – Он такой жадный, скажи? Попросишь о чем-нибудь и получишь очередную подлянку.

Теперь уже хмыкаю я. Про подлянку согласна, а денег у меня по милости Кейна целая куча. Я еще те, что он мне перечислил не потратила и половины, а мне уже и зарплату выплатили, которую он вообще-то как мой шинард мог бы и отобрать.

Так и не успеваю отвязаться от этого странного разговора, как в комнате снова появляется предмет нашего обсуждения. С гаденькой ухмылочкой он запирает злополучную дверь за собой. Обернувшись, на сколько мне позволила коса, все еще находящаяся в липких пальцах собеседницы, вижу, как в противоположном конце зала дверь также блокируют. Чувствуется, что мирный отдых подходит к концу.

И без того не слишком яркое освещение делается еще более интимным. Телевизоры переключаются с музыки на

фильмы. Кейн подойдя к дивану, тащит свою подружку к себе и она с готовностью запрыгивает на него в буквальном смысле этого слова. Редженс берет пульт от телевизора, который находится ближе к нам и начинает перематывать фильм, останавливается на том моменте, где действующие лица уже полностью голые и с упоением и полной отдачей занимаются в таком виде друг другом. У меня просто глаза на лоб лезут. Похожие сцены в фильмах я уже видела, но не в таких же подробностях!

Собственно, на других телевизорах показывают примерно то же. Присутствующие же в зале с грехом пополам разбиваются на пары и, постепенно разоблачаясь, приступают к тем же действиям, что и герои на экранах. Всеобщему настроению не поддается только спящая на диване девушка, все также мирно похрапывающая, перекрывая этим и стоны, и вздохи. Вообще-то мне казалось, что подобным занятиям люди предаются наедине друг с другом, а не всем табуном, обеспечив себе только подобие приватности закрытыми дверями огромного зала. Но, очевидно, в этом плане я также обладаю неверной информацией. Впрочем, наблюдать за людьми в такой ситуации мне крайне неловко, так что я уплываю с дивана на пол, откуда ни мне ничего не видно, ни меня не видать.

Некоторое время жду, когда все закончится, но люди в зале как-то умудряются затянуть процесс. Возможно просто делают несколько подходов как в спортзале. Несколько раз

я все же порываюсь расширить рамки своего образования, но все же слишком неловко. Стащив со стола колоду карт, в итоге раскладываю на полу пасьянс.

После того, как страсти все же улеглись, вечеринка шестидесятого уровня продолжается, хоть и менее активно. Люди уходят и возвращаются, музыка то играет, то нет. Храпящая девушка просыпается и ее по-тихому уводят прочь. Продолжая, сидя на полу, играть с картами, стибренными со стола, голосов Редженса и Кейна я уже давно не слышу и, когда ко мне снова подбирается тот мужчина – третий из их компании – его уже никто не прогоняет. Впрочем, он просто предлагает поиграть в приставку, на что я с радостью соглашаюсь, не смотря на то, что он очень пьян и едва попадает пальцами по кнопкам джойстика. При этом ему кажется, что он дико крут и у него все суперски выходит, хотя управляемая им гоночная машинка давно съехала с трассы и наматывает круги вокруг одного и того же дерева. Но, это не важно, раз он получает удовольствие. Я тоже, играя в такую штуку в первый раз. Особенно круто дрифтовать на поворотах. Тьма, теперь ясно как люди умудряются проводить за экраном целые часы и не замечать времени! Я даже то, что мой партнер по игре окончательно вырубился, замечаю всего лишь за секунду до того, как вырубается свет!

Вместе с отключением электричества, замолкают и телевизоры, таким образом вокруг становится очень тихо и непроглядно темно. Продолжая держать в руках бесполез-

ный теперь джойстик от приставки, пытаюсь уловить хоть какие-то признаки того, что мы со спящим мужиком в зале не одни. Вспомнив, что в кармане у меня лежит мой маленький фонарик, засвечиваю его и поднимаюсь с пола.

Помещение, хотя мне наверняка просто с испугу так кажется, начинает быстро остывать. Рядом со мной на диване, запрокинув голову, застыл тот мужчина. В тусклом свете фонарика он кажется мертвым. Это последние, что я вижу, прежде чем в фонарике садится батарейка.

Снова оказавшись в крошечной тьме, я со страхом представляю очередную ночь в промозглом холоде. Мы конечно застряли во внутреннем помещении, но шестидесятый уровень, по идее, ночью может остыть еще сильнее, чем тридцать пятый. А как переносят холод вусмерть пьяные люди? Никаких пледов или еще чего подобного я в зале не видела, можно даже не пытаться искать. Журналы видела, ими его что ль прикрыть? Закидать всем, что есть, устроив берлогу.

К счастью, воплотить в жизнь эту эксцентричную идею я не успеваю. Пока на ощупь двигаюсь по залу к ближайшему столу, замечаю появившийся в коридоре за открытой дверью луч фонаря, не в пример мощнее моего. Ну, первое мое поползновение, конечно же рухнуть на пол и заползти за мебель, как будто я тут нелегально. Вспомнив, что это была не моя идея, сюда забраться, встаю обратно во весь рост, прикрываясь рукой от тут же ударившего в глаза света.

– Мышь, вот ты куда заползла! Вечно тебя искать прихо-

дится, – недовольно ворчит Кейн.

Вот зараза!

Пока я выражаю свое недовольство сердитым выражением лица, которое в темноте все равно никто не увидит, офицеры разглядывают своего откинувшегося на спинку дивана приятеля. В свете фонаря Кейна он выглядит чуть менее мертвым.

– Подержи, – Кейн протягивает этот фонарь в сторону, видимо, я должна подойти и забрать его. Ладно, с ним веселее.

Не сговариваясь как и раньше, офицеры подхватывают недвижимое тело за руки за ноги и без видимого напряжения, не смотря на увесистую комплекцию своей ноши, тащат к выходу. И делают это они весьма споро, так что мне за ними приходится чуть ли не бежать. Все вместе залетаем в очередной коридор, по-видимому тот самый, через который я могла бы несколько часов назад пробраться к шлюзу и вовремя смыться наружу, если б не вездесущий когда не надо Кейн.

Офицеры останавливаются у дверей, и мой шинард командует:

– Открывай, – таким тоном как будто я их сильно задерживаю.

Спешно обогнув мужчин, освещаю номер над считывателем возле двери, убеждаясь, что это действительно апартаменты Кейна, хотя и так догадаться можно было бы. Открываю их своей картой, и офицеры вносят свою добычу внутрь.

– Не смотри тут по сторонам особо, – предупреждает Кейн

через плечо. Но у меня и без этого не было желания тут особо что-то рассматривать.

Часть зала в котором мы оказались занимает большая кровать, совершенно бесполезная в условиях Муравейника. Она покрыта сбившейся простыней, а вокруг валяются очень любопытные предметы. Не совсем уверена что это такое. С потолочных крюков свисают непонятные конструкции из ремней и цепей. У стены возле ниши, в которую офицеры потащили тело, один над другим стоят большие аквариумы, но без воды и рыбок. Один частично наполнен песком и камнями, другой зеленью и ветками, так что это получается террариумы, которых я раньше не видела никогда. Из живности я успеваю заметить только черного паука величиной с ладонь.

– Лучше сюда посвети, – ворчит Кейн.

Отвлечшись на то, как офицеры устраивают тело в спальном модуле, разглядеть кого-нибудь еще не успеваю. Освободив, руки Кейн сразу же отбирает у меня фонарь и поворачивает к выходу.

– Хватит с тебя впечатлений на сегодня, – он доталкивает меня до двери, а сам смывается в отдельную комнату. Наружу меня выпихивает уже Редженс.

В темноте мы идем дальше по коридору. Он держит меня за плечи, поворачивает и, после щелчка мы заходим в следующие апартаменты. Через пару секунд он засвечивает другой фонарь. Этот еще мощнее, чем полагающиеся стражам. Поставленный на грудку коробок, он не плохо освещает боль-

шую часть зала.

Пока Редженс копается с своих вещах, мне удастся все рассмотреть, тем более, что рассматривать почти нечего. Кроме горы коробок и мешков, сваленных недалеко от входа, зал абсолютно пуст. Создается впечатление, что хозяин тут крайне редко бывает, не видя смысла даже в том, чтобы распаковать имущество.

Найдя, что хотел, Редженс швыряет в меня смятой в ком рубашкой.

– Переоденься и лезь наверх, – командует он, указывая на приставную лестницу. Решив что порядок исполнения команд вполне можно сменить на обратный, я быстренько лезу по ней на второй ярус. Здесь вижу спальный модуль и пустые ниши в стенах, которые сошли бы за стол и за полки. Все это Редженс несколько секунд освещает фонарем прямо из зала, а затем снова становится бесконечно темно. Быстро переодевшись, на ощупь нашариваю спальный модуль. Матрас в нем не только не застелен простыней, но еще и покрыт пылью.

Просыпаюсь, не потому что включился свет, а от ощущения того, что кто-то ползет по моей ноге. Вспыхнувший в голове образ вчерашнего паука за стеклом террариума, заставляет подскочить с места еще до того как я открываю глаза.

Лампа свисающая с потолка перед спальным модулем так и не горит, но свет идет снизу из зала, так что утро уже на-

ступило. На краю матраса сидит ухмыляющийся Кейн, быстро отдернувший руку. Редженс стоит с другой стороны, облокотившись о модуль. Оба уже одеты в форму стражей.

– В общем, мы придумали тебе наказание за... ну ты помнишь, – развязно заявляет Кейн, опускаясь на локоть и практически ложась на мои ноги. Я тихонечко вынимаю их из-под его бока. – Видела коробки внизу? Вот и разбери их. И пылюку вытри тут. – Он снова возвращается в сидячее положение и брезгливо стряхивает пыль с рубашки. Вечером, ложась спать я слегка отряхнула матрас, но не особо тщательно.

– А как же моя работа? – робко уточняю.

– Никто и не заметит, что тебя там нет, – отмахивается Кейн.

Действительно, это я уже неоднократно проверяла.

Покинув помещение, эти двое фактически запирают меня внутри, поскольку моя карта в двери не работает. Хотя меня это не особо заботит. Не без любопытства я открываю коробки одну за другой, удивленная, что мне вот так запросто дали поковыряться в жизни Редженса. Возможно, сегодня он для меня станет чуть менее загадочным.

В итоге в одной из коробок удастся найти целую прорву наград и грамот за спортивные и служебные успехи, однако надписи в грамотах сформулированы слишком обще. Вся одежда, вынутая из мешков, довольно сдержанная, не чета вычурным нарядам Кейна, когда он не на службе. Подборка

дисков и книг мало о чем мне говорит, но по крайней мере нет явного помешательства на чем-то странном. Не распакованная новенькая техника, несколько часов в футлярах, наверное дорогих.

Больше всего меня заинтересовывает коробка, которую я открываю последней, хотя она буквально лезет мне в руки. Там находится игрушечная железная дорога с очень классным тяжеленьким локомотивом и детально выполненными вагончиками, сквозь окошки которых видны ряды пассажирских сидений. Еще из коробки я вынимаю бурого плюшевого медведя и миниатюрную летающую машину, у которой можно открыть все дверцы, багажник и капот, а при нажатии рычажка на ее днище наверняка загораются лампочки. Батареек правда нет, но можно представить.

Прежде чем расставить все найденное по новым местам, вытираю в нишах пыль самой уродской рубашкой. Надеюсь это не самая любимая рубашка Редженса.

Хотя, что я говорю! Я же ненавижу его вроде как. Значит наоборот, буду надеяться, что как раз таки любимая и оттого бережно хранимая в отдельном пакетике. Помыть полы и ванную комнату мне все равно нечем, так что просто приступаю к раскладыванию вещей. С железной дорогой возни оказывается больше всего. Я располагаю ее сначала в слишком маленькой нише, а затем понимаю, что собрать ее можно по-разному и пытаюсь соорудить самый симпатичный вариант. На дне коробки нахожу еще несколько миниатюрных

кустов и деревьев, часть из которых сломана и отказывается стоять прямо. Так что устраиваю из них затор на путях, когда возвращается Редженс.

– Это в мусор, – не терпящим возражений голосом сразу говорит он, кивая на с таким трудом собранную мной дорожку.

Но как же так?! Это же самая обалденная вещь, которую я когда-либо видела!

– Это тоже, – пихнув мне в руки пакет, в котором судя по запаху, находится еда, он скидывает с книжной полки плюшевого медведя. Хоть мимо машинки он проходит мимо.

Сделав круг по помещениям, Редженс заглядывает в ванную и, хотя опять-таки ни один мускул на его лице не дрогнул, тем, что он там видит он очевидно не доволен. Еще бы, там плесень живет.

– Ладно, вернешься позже и вымоешь тут все, – милостиво разрешает офицер. – Я запрограммирую дверь на твою карту.

Дав мне десять минут на то, чтобы поесть и переодеться в свое, он выставляет меня с коробкой игрушек за дверь. К счастью, за тем, выкину я ее или нет, он следить не собирается, оставив меня одну прямо на выходе на платформу.

В следующий день мы с Лексом собираемся на выход уже ближе к вечеру, но у нас впереди достаточно времени до отбоя. Собственно нам просто нужно посетить встречу сектантов и, будем надеяться, встретить там пропавшего со всех радаров Стоува. Не то, чтобы это очень вероятно, но хотя бы поговорить о нем там будет с кем.

Несмотря на простоту задачи, весь день меня мучает неуверенность и плохие предчувствия. Они начинают подтверждаться уже при выходе на платформу – Лексу приходит сообщение, он долго читает его, постепенно мрачней.

- Я не могу пойти, – заключает друг сокрушенно.
- Это ничего, – киваю я.
- Не ходи туда одна, – просит Лекс.
- Это единственная наша ниточка.
- Мы можем найти их и позже.

Лексу приходится покинуть меня, но я упрямо продолжаю путь на нулевой, туда, где можно нелегально спуститься на подземные уровни. На самом деле с каждым шагом меня трясет все больше и больше, я уже сомневаюсь, что смогу не сорваться с каната. У меня нет уверенности и в том, получится ли вспомнить путь до тайного убежища сектантов. А уж при мысли о том, что мне придется выуживать информацию у совершенно незнакомых людей, меня вообще тошнит.

Тем не менее вскоре я обнаруживаю себя в очереди на тот самый канат. Сегодня тут прямо таки аншлаг. Все смотрят на меня с подозрением, но молча. Нежелание задерживать людей позади, подгоняет меня и, если и не прогоняет страхи, то помогает сдерживать их. Сцепив зубы, резко хватаюсь за канат и быстро спускаюсь вниз, не проявляя при этом должной осторожности, так что пару раз чуть не срываюсь в бездну. Оказавшись на первой подземной платформе, поскорее отхожу от края. Голова кружится так, что кажется могу свалиться на ровном месте. Поскорее проскальзываю в полутьму зала.

Оглядываясь вокруг, хоть убей, не могу вспомнить куда полагается идти дальше. Даже примерно. Народу здесь полным полно, на помосте даже происходит какое-то представление, но мне оно сейчас не интересно. Надеюсь найти того типа – сектанта с рисунком дерева на затылке – больше ничего о нем не помню. Молнией проносится мысль – а был ли вообще этот рисунок? Может мне просто привиделось под действием той таблетки? Как те бараньи головы и рога. Сегодня таких отличительных особенностей я ни у кого не наблюдаю, хотя каждый тут, конечно, вырядился кто во что горазд, так что полагаю...

Кто-то дотрагивается до моего плеча, оборачиваюсь и вижу того парня, что своим проворным языком буквально вогнал мне в горло ту волшебную таблеточку.

– Ну что, надумала? – спрашивает он весело.

– Что? – туплю я как всегда.

– Понравилось мое зелье? Хочешь еще?

Вообще-то хочу. Испытывая всю эту палитру страхов и тревог, только и мешающих делу, разве неплохо было бы от них разом избавиться? Хоть на пару часиков, чтобы быстренько сходить к сектантам и разузнать все что нужно. Есть конечно и побочное действие типа эйфории и галлюцинаций, маленько искажающих реальность, но в прошлый раз они не так уж сильно мне мешали. Зарплату опять-таки перечислили недавно.

Я киваю и иду за своим новоявленным дилером. Мы заходим в небольшую хорошо освещенную комнатку, где он из тайника достает переносной минитерминал. Я запускаю туда свою карту и только после этого начинаю переживать, что такую транзакцию наверняка также можно отследить как и нелегальную поездку на лифте в подземелье. Однако на экранчике отображается неожиданная информация.

– Я покупаю музыкальные треки?

– Ага, чумовые просто, – лыбится дилер и дает мне маленький пакетик с тремя маленькими таблеточками. Они кстати похожи на те, что пытались подложить Кейт, а я стырила и спрятала в зале.

Проглатываю одну и выхожу в зал, жду чуда. В идеале того, что кто-то иной, смелый и уверенный в себе, вселится в мое тело и сделает всю работу. Новая сущность появиться не успевает, потому что еще один человек протискивается ко

мне сквозь толпу почти сразу. Хотя его лицо у меня в памяти вроде как и не отпечталось, я узнаю его без проблем. Даже имя каким-то образом тут же вылетает из меня:

– Лит! – с облегчением восклицаю я.

– Рад видеть тебя снова!

Я снова следую за ним по бесконечным коридорам и комнатам, и постепенно во мне начинает расти чувство, что идем мы совсем не туда. Сектанты сменили дислокацию?

– Лит, – зову я, когда мы начинаем быстро спускаться по обычной лестнице. Тот останавливается на мгновение и быстро проговаривает сквозь зубы:

– За нами хвост.

Тогда ясно. Мы бежим по ступенькам и пролетаем наверное уровнем четыре. Лит светит под ноги фонарем, в остальном вокруг уже темнота, места не освоенные. Здесь довольно тихо, но из-за собственного дыхания и шагов, не могу определить спускается кто-то за нами или нет. Зато слышу громыхание приближающегося поезда.

– Надо прыгать! – предупреждает Лит всего за пару секунд до того, как темнота перед нами начинает движение. Он хватает меня за предплечье и вынуждает рывком выскочить в эту черноту. Мы валимся на что-то твердое и холодное, вместе с этой поверхностью мы едем, трясясь и подпрыгивая.

Приняв более удобное положение, Лит вынимает из кармана свой фонарик и медленно ведет лучом света по окружа-

ющему нас вагону. Это действительно такой же поезд как ходят наверху, только у него нет ни окон, ни дверей, ни крыши. В боках так много дыр, что пожалуй лучше говорить просто об остове вагона. И все же нам сильно повезло, что мы так удачно запрыгнули в него в полнейшей темноте.

По всему вагону разбросаны мешки и ящики, всякий мусор и хлам. Чуть тянет гнилью, но терпимо, ведь вагон хорошо продувается. Осветив что-то вдалеке, Лит осторожно встает на ноги и идет вперед, я, конечно, за ним. Стенка между вагонами стоит почти целая и там он находит вполне себе живой терминал устаревшей конструкции.

Хотя на экране ничего нет, Лит внимательно вглядывается в него. Я просто стою молча и жду непонятно чего. Однако постепенно проникаюсь важностью объекта и тоже начинаю всматриваться. Минут через пятнадцать наши старания неожиданно вознаграждаются. На экране на секунду появляется изображение. Лит как бы успокаивается и отходит в сторону.

До меня медленно доходит, что же это такое мы увидели тут. Рискну предположить, что кто-то все же преследовал нас и даже запрыгнул в поезд, но на несколько вагонов дальше. Проверая, скажем, мимо какого сектора мы проезжаем, он ненадолго включил свой фонарь, и мы увидели его по внутренней связи. Почему на экране появилось изображение именно из нужного вагона и почему оно появилось вообще, я не смею даже догадываться.

Между тем старый развороченный поезд все продолжает свой путь сквозь тьму, прерываемую только пятнами тусклого непонятного света, которые, кажется и сами не стоят на месте. Скорость нашего передвижения не слишком большая, но и остановок поезд не делает. Из-за надрывного скрежета и резких толчков иногда кажется, что он вот-вот сойдет с рельсов, но, похоже, такое его бессмысленное путешествие продолжается уже долгие годы. По кругу, по кругу. Лит сидит неподвижно где-то рядом со мной, фонарь он больше не включает, и терминал на стене больше не подает признаков жизни. Наш преследователь вряд ли пытается добраться до нас. Мы все замерли в ожидании чего-то.

Я окончательно теряю счет времени, но в любом случае к началу мероприятия сектантов возле их волшебного дерева мы уже опоздали. Хоть бы успеть к концу. Если Лит вообще сегодня меня туда поведет.

Кроме пронизывающего ветра, который почему-то не слишком меня беспокоит, наша поездка проходит вполне неплохо. Однако стоит мне только подумать об этом, по остаткам корпуса поезда начинает барабанить что-то настырное. Через пару минут этот странный звук уже раздаётся с нескольких сторон. Первое, что приходит в голову – это моя сегодняшняя порция галлюцинаций после принятой таблетки, но Лит явно также слышит его и поспешно начинает чем-то шуршать, затем я слышу, как открывается крышка, и шипение. Похоже на то, что он распыляет на нас и во-

круг что-то с резким цветочным запахом, типа освежителя воздуха. Хоть ветер и милостиво уносит большую часть этого великолепия, дышать все равно противно. Нашим неожиданным гостям эта вонь тоже удовольствия не доставляет, и с недовольными возгласами они спрыгивают обратно в тоннель. Возгласы вполне могут быть человеческими, хотя в их сердитой переключке не распознаю каких-либо слов, разве что их язык состоит из одних гласных.

Лит отбрасывает в сторону опустевший баллон.

– Пора, – шепчет он, как будто и вправду вознамерился спрыгнуть именно в этом месте. – Возьми вот тот мешок, нужно выбросить их один за другим, – к счастью поясняет он, снова включив фонарик.

Лит светит наружу на проезжающий мимо нас перрон. Затем по его сигналу мы выкидываем из поезда два каких-то мешка, причем из моего, кажется что-то выпадает в полете, но фонарик уже снова выключен и вряд ли наш преследователь это заметил. Будем надеяться, он подумает, что это мы выпрыгнули из поезда на ходу, и последует нашему примеру.

Как не прислушиваюсь, не могу понять спрыгнул тот или нет. Мы уезжаем вдаль под аккомпанемент стонов и скрипов, которые внезапно начинают раздаваться с перрона, я даже проникаюсь сочувствием к тому, кто следил за нами. В конце концов я не знаю с какой целью, он или она это делал.

Лит кажется спокойным. С довольным вздохом он снова опускается на пол вагона.

– Не волнуйся, скоро будет и наш выход, – уверяет меня он.

Не то чтобы я волновалась об этом – не вечно же нам кататься, да и в случае опасности Лит похоже знает, что делать. Хотя действие волшебной таблеточки может вскоре улетучиться, а я все еще не продвинулась в своей миссии. Опять-таки отбой не за горами.

Когда мы наконец добираемся до места, остальные сектанты по-видимому все еще находятся там и продолжают свое восхваление дерева-матери. Как только Лит отворяет крышку люка, до нас доносится неприятная монотонная музыка. Лестница вниз хорошо видна в холодном голубом свечении.

Видимо я уже начинаю заметно нервничать, потому что прежде чем спускаться по ней, Лит вздергивает свой рукав и показывает свои механические часы с круглым циферблатом и царапинами на стекле. Приходится напрячься – я давно таких не видела, но вроде бы до отбоя остается еще около часа.

Внизу нас встречает восемь человек и все они молоды: два юноши и шесть девушек. Ничего примечательного, что выдавало бы в них приспешников таинственного культа, в них нет. Самые обыкновенные молодые люди, при нашем появлении они встают со своих мест и с некоторой церемонностью покидают начертанные мелом круги на полу. Вперед выходит девушка, которая сидела ближе всего к дереву – ка-

менные ростки из пола у нее выше всех остальных.

– Приветствую вас в убежище, утвержденном самой Матерью, – напыщенно восклицает она, а ее глаза при этом озорно взирают на нас из-под густой окрашенной в золотой цвет челки, остальные волосы, оставленные распущенными, у нее естественного русого цвета. – Рада, что вам удалось отделаться от нежелательной компании. Мать уверила нас, что с вами все в порядке, поэтому мы провели время в ожидании с пользой.

Я обвожу взглядом остальные лица, но Стоува среди присутствующих не вижу. Хотя я видела его лишь на очень плохого качества фотографии, у меня не остается сомнений, поскольку никто из этих ребят не напоминает его даже отдаленно.

– Меня зовут Чика, я к твоим услугам, – представляется девушка.

– Я надеялась увидеть здесь Стоува, – осторожно говорю я.

– Его больше нет с нами, – ее глаза по-прежнему сверкают в свете оставленных по периметру комнатки фонарей и улыбка все также приклеена к лицу, но настроение ощутимо понижается.

– Может быть, Мать скажет, где его найти, – предполагаю я.

– Мать сказала ему все, что нужно, – говорит Чика, теперь глядя куда-то мимо меня. – Сказала ему, куда нужно идти,

чтобы обрести желаемое. Все в ее руках: если он истинный друг – она защитит его на его пути сквозь тьму, если он враг – он никогда не выберется оттуда.

От волнения у меня начинает чесаться лицо. Так понимаю, Дерево-Мать послала Стоува куда-то еще ниже. Ну и куда?

– Хотелось бы узнать, что именно она ему сказала, – перефразирую я вопрос. Не знаю, могу ли я спрашивать эту девушку о чем-либо. Может сдаться, что она здесь что-то вроде главной жрицы, и рассердится, если я не буду соблюдать субординацию.

– Мы сохраняем все сообщения Матери, – Чика снова смотрит на меня. Она как будто даже встрепенулась, рада, что может помочь.

– И я могу их увидеть? – не выдерживаю я.

– Конечно! – кивает Чика возбужденно. Каждое слово Матери, к кому бы оно не было обращено, бесценно и является общим достоянием ее детей.

Чика грациозно поднимает с пола один из фонарей и ведет нас всех в смежное помещение. Я иду за ней и радуюсь, что в прошлый свой приход сюда случайно потрясла металлическое дерево и меня здесь теперь безоговорочно принимают за свою.

Чика приближается к углу помещения, луч фонаря освещает исписанную цифрами и буквами стену. Символы идут один за другим без пробелов, буквы не складываются в ка-

кие-либо слова, насколько я успеваю заметить, но хотя бы разделяются точками и другими знаками. Чика садится на корточки и пальцем указывает мне на нужную последовательность символов. По-видимому, это адрес.

– Она прислала ему это сообщение на его телефон во время общей медитации, – с блаженной улыбкой поясняет Чика.

– Чудненько.

– Ты еще успеешь туда спуститься, – неожиданно встречает Лит.

На минус двадцать третий уровень?! За сорок или сколько там минут до отбоя?!

– Верно, – соглашается с ним Чика. – Ты можешь спуститься туда на лифте, так быстрее.

– Я бы не хотела светить свою карту, – не соглашаюсь я. Ну действительно, почему бы не подвергнуться смертельной опасности завтра? Куда спешить-то.

– Тебе и не придется. – С улыбкой объясняет Лит. – Искатели забирают последнюю добычу с минус двадцатого почти перед самым отбоем. Лифт спускается за ними в половине одиннадцатого. Без десяти минут одиннадцать он принудительно поднимается обратно. Тебе просто нужно проехаться на его крыше.

Инструктируя меня, вся сектантская тусовка тащит меня к шахте лифта. Им почему-то так нравится идея отправить меня в адские глубины подземелий прямо сейчас, что они не хотят слышать никаких возражений. Похоже они так при-

выкли анализировать все случайные события, что случаются с ними, на предмет завуалированных сообщений от Матери, что видят ее волю буквально везде. И мне не отвертеться. Вторая таблеточка мне в помощь.

Парни раздвигают двери в шахту. Мы уже слышим, как искатели загружаются в лифт двумя уровнями выше, хотя это могут быть и посторонние звуки. Мне в руки пихают фонарик.

– Там внизу, – говорит напоследок Лит, которого я уже наверное никогда не увижу, – свети только себе под ноги. Не разбуди обитателей подземелий раньше времени.

– И не обращай внимания на то, что будешь слышать вокруг себя, – вторит ему Чика.

– Передвигайся с одной скоростью.

– Не шуми.

– И ничего не бойся.

– Они чувствуют страх лучше, чем что-либо еще.

Да без проблем. Что может быть проще? Лифт степенно проезжает мимо меня, и я запрыгиваю на его крышу. Силуэты на фоне света фонарей начинают удаляться от меня.

Когда лифт останавливается внизу, где ему и положено, я оглядываюсь и нахожу на стене лесенку, о которой мне говорили, и замираю. Не смотря на таблетку, я продолжаю чувствовать страх, причем довольно отчетливо. Очень хочется просто просидеть здесь в безопасности еще двадцать минут и поехать уже наверх.

Пожалуй, разумнее было бы именно так и поступить. Вернуться можно и в другой день, когда в запасе будет больше времени. Решив так, успокоившись, хочу все-таки выползти на разведку, глянуть налево-направо, просто чтобы в следующий раз было чуть полегче.

Вылезаю на уровень выше. Свечу ровно себе под ноги на... довольно-таки гладкий пол. Удивительно. Прислушиваюсь, но не слышу ничего из того, на что мне советовали не обращать внимания. Делаю несколько шагов вперед.

Полагаю, безопаснее будет передвигаться примерно по центру коридора. Если тут какие-то чудовища и спят сейчас, то наверное они устроились в сторонке, а не у всех на ходу, в уголке каком-нибудь укромном, привалившись к стеночке. Однако отходя к центру я замечаю, что пол там также покрыт наростами. Не такими плоскими буграми как на минус первом, а скорее такими же росточками, как у сектантов, только покороче. Пупырышки такие.

Внимательно изучив пол вокруг, обнаруживаю, что гладкий пол не только возле шахты лифта. Он там только начинается, а потом вперед идет гладкая дорожка, примерно с метр шириной. Это ли не намек от Материнского Дерева?

Такая находка вселяет в меня достаточно уверенности, чтобы пройти до лестницы и потихоньку спуститься ниже. По-идее, тут в окрестностях, где в данный момент группа искателей загружает лифт своими находками, должно быть относительно безопасно. Они наверное все проверили и за-

чистили, чтобы спокойно заниматься делом. Главное, чтобы никто из них не стоял возле лестницы в темноте, охраняя подступы. На всякий случай, спускаясь, я выключаю свой фонарь и стараюсь ставить ноги настолько беззвучно, насколько могу. Ступеньки одинаковой длины и в хорошем состоянии, на что тут смотреть, верно?

Сбоку до меня доносятся отдаленные голоса, гроыхание и скрипы. Я спускаюсь все ниже, и они смолкают. Теперь я на минус двадцатом уровне и дальше мне не пройти. Как и над землей, здесь заканчивается блок уровней.

По заверениям сектантов, неподалеку в одном из помещений прорублено окно на уровень ниже. Мать не позволяет ему зарости. Казалось бы все просто, но сколько у меня осталось времени? Расстояние я прошла небольшое, но из-за посторонних мыслей слишком медленно.

Ускоряюсь, хотя мне советовали не менять скорость передвижения. Что ж, что бы ни было, остаться здесь на ночь явно хуже.

Планировка подземных уровней хоть и не полностью, но во многом совпадает с планировкой надземных. Ориентируюсь я неплохо, так что быстро нахожу нужную комнату. Опять-таки гладкая дорожка, кое-где пропадая, местами нечеткая, но ведет куда нужно. Вход в комнату рядом с углом, так что в свет фонаря попадает и стена. И школьная доска на ней! Она не валяется среди прочего хлама, пыльная и поврежденная, а висит на стене, так как будто мы находимся

в школьном классе. Не удержавшись я освещаю все вокруг.

На других стенах висят плакаты и схемы. Язык, которого я не знаю. В середине комнаты свалены горой школьные парты и стулья. Не такие, как были у нас, но подобные. В противоположном от входа углу растянута мощная паутина, похожая на пуховый платок. Под ней, ворочается что-то крупное, и я поспешно отвожу луч света. Свечу в то место, где в полу зияет большая дыра.

Школа здесь, под землей? Школьный класс, перенесенный из другого мира? Но почему он расположен симметрично с нашей надземной школой?

Мне некогда разбираться, я подбегаю к канату, привязанному к толстой металлической скобе в полу, и запихнув фонарик в карман поспешно лезу еще ниже. Потом снова лестница, и практически бегом до того адреса, который буквально горит у меня перед мысленным взглядом.

Для местных чудовищ приближается час пробуждения, надеюсь, сон у них сейчас самый сладкий.

По нужному адресу нормальный вход оказывается замурован, я иду вдоль стены и обнаруживаю большой пролом в стене. Он почти залечен материнским деревом, остается узкая щель, в которую можно протиснуться только боком. А там...

У целого ряда помещений почти полностью отсутствует внешняя стена, выходящая на платформу. Я пробираюсь туда и иду вдоль провала в бездну. Все вокруг здесь уставлено

странными скульптурами. Они вроде как человеческие, то есть можно выделить руки, ноги, головы, но они обезображены множеством наростов. Даже не так. Они словно грубо слеплены из множества комочков какого-то глянцевого желто-коричневого вещества.

Если это какие-то спящие монстры, то я не хочу тут больше оставаться. Бросаю последний взгляд, собираясь уходить. Что тут мог искать Стоув, я даже не представляю. Погиб ли он здесь? Трупов вокруг я не вижу, только несколько таких же, но поваленных и разбитых скульптур. Впереди платформа сильно покорежена, словно после взрыва, и начавший латать это место Муравейник, образует тут что-то вроде бассейна. Труба, проходящая в глубине, тоже повреждена, и из нее льется вода, наполняющая эту своеобразную чашу. Решаю быстренько посмотреть там, и уматывать наконец, пока хоть что-то от нервов осталось.

Подойдя ближе я освещаю поверхность воды и...

Меня пронзает ужас. У самого края платформы и самой чаши большей частью в воде, находится человеческий труп. Та часть, что находится над водой, голова и плечи, изъедены до костей. Почти полностью голый череп повернут ко мне лицом. Может быть это лицо Стоува.

Шуршанию за моей спиной я уже даже не удивляюсь. Резко поворачиваюсь, чтобы увидеть, как тысячи поблескивающих в свете моего фонаря насекомых, покидают свои уютные насесты, оголяя белые человеческие кости. Они быстро

ползут ко мне, издавая при этом громкий отвратительный скрежещущий звук, который нагоняет на меня дополнительные волны ужаса.

Жуки эти движутся так стремительно, что я едва успеваю перескочить борт бассейна и плюхнуться в воду. Тут совсем не глубоко, вода едва доходит до колена. Я пытаюсь отойти подальше, а эти твари, едва замедлившись, прыгают в чашу вслед за мной. Они умеют плавать и еще как!

В полнейшей панике, я падаю и стараюсь прижаться к неровному бугристому дну. Жду, пока в легких не начинается заканчиваться воздух. А это совсем недолго, ведь ужас не дал мне даже как следует вдохнуть перед погружением. Понимаю, что вот-вот вдохну воду и мне конец, и тут приходит спокойствие. Лучше уж захлебнуться по собственной воле, но не дать сожрать себя этим тварям. Они конечно потом все равно сожрут, когда я всплыву, но мне уже будет все равно.

Прижимаясь ко дну, я оборачиваюсь и свечу фонарем – отличный фонарь кстати, работает под водой – наверх. Жуки, не добравшись до добычи, плывут обратно. Помирать рановато, поборемся еще!

Стараюсь высунуться из воды как можно меньше и не очень судорожно и громко вдыхать такой прекрасный живительный воздух. Впрочем, жукам похоже нет дела ни до издаваемого мною шума, ни до света фонарика. Они больше не ощущают мой страх, так что ползут обратно, до непонятно каким образом стоящих вертикально человеческих скеле-

тов. Впрочем, они слишком белые, чтобы быть настоящими. А вот тот, что валяется на полу таким вполне может быть. На нем все еще есть одежда, хоть и разорванная в клочья, и среди них есть что-то еще. Возможно, это телефон.

Успокоившись, я потихоньку, продолжая поглядывать, чем заняты жуки-людоеды, подбираюсь к первому трупу в воде. Превозмогая отвращение, пытаюсь хоть как-то определить его личность. Осмотреть его одежду, поднимаю его ужасные разлагающиеся руки.

Что я могу сказать о нем? На нем форма искателей, так что это явно не Стоув. Кроме того, съедена у него не только та часть, что сейчас находится над водой. А самое поразительное состоит в том, что он затыкает собой брешь в бортике, и можно смело предположить, что именно благодаря ему вода в этом своеобразном бассейне сейчас стоит достаточно высоко.

Предположу, что когда этот бедняга прыгнул в бассейн, воды оказалось слишком мало, чтобы надежно укрыть его и жуки таки добрались до него. Не могу представить себе, насколько ужасна была его смерть, однако по некой иронии судьбы позже его останки продвинулись в сторону бреши, из которой выливалась вода, и закупирили ее. Получается, этот несчастный спас меня от сходной незавидной участи.

Впрочем, меня все еще нужно спасать.

Я совсем не уверена, что смогу теперь, зная все это, просочиться мимо жуков назад, не почувствовав ни тени стра-

ха. У меня осталась еще одна таблеточка, но как я уже успела убедиться, она не настолько действенна против леденящего ужаса от предчувствия неминуемой мучительной смерти, как при моей обычной социофобии. Попытаться просто убежать от них, очевидно, тоже не вариант. Единственный выход, который я знаю, находится слишком далеко, а жуки двигаются слишком быстро.

И еще один момент – у меня банально кончилось время! Время отбоя для людей, подъем для монстров. Жуки снова слезают со своих скелетов и рассредотачиваются по полу, залезают на бортик бассейна. Кажется, отсрочка моей смерти оказалась недолгой.

Я сижу в бассейне, почти полностью погрузившись в воду и стараюсь даже не шевелиться. Надеюсь на спасительное чудо, но вместо этого начинаю замерзать.

Жуки окружают меня кольцом, некоторые пробуют воду и неуверенно пускаются в плавание. Мне кажется, они действуют в слепую, однако помнят, что где-то здесь, посреди воды, у них остались еще непочатые запасы провианта.

Постепенно пловцов становится все больше, они подбираются все ближе, что действует мне на нервы. Однако все же им больше нравится недоеденный труп и они медленно скапливаются в той части бассейна, а я осторожно отступаю подальше от него.

Не думаю, что успеваю пройти много времени. Раздается громкий лязг со стороны бедны. Мне плохо видно, но там

явно движется какой-то старый механизм, вроде большого подъемника. Он медленно поворачивается и, ссыпая что-то на платформу, встает перпендикулярно к ней.

Мы с жуками понимаем, что именно ссыпалось на платформу почти одновременно. Очевидно, прямо над нами в надземной части Муравейника находится место, где утилизируют трупы. Мы же не хороним своих мертвецов, мы сбрасываем их в бездну. Некоторым людям интересно, что происходит с ними потом. Теперь я вижу что.

Честно говоря, сейчас я не испытываю никаких эмоций по поводу своего открытия. Выскочив из бассейна, настолько прытко, насколько могу себе позволить, я бегу прочь сквозь молчаливый взвод скелетов, по дороге подбираю телефон второго примеченного мной погибшего и, не оглядываясь, ни о чем не думая, лечу прочь.

Проскользнув сквозь щель в стене и пробежав до конца коридора, я все же останавливаюсь. Сердце бьется как сумасшедшее. Надо мной двадцать три подземных уровня и они сейчас полнятся душераздирающими криками, воплями и завываниями, скрежетом и свистом. Наоборот что-то абсолютно беззвучное вырывается из темноты и проносится мимо, обрызгав меня какими-то едкими каплями. Непередаваемый смрад становится все сильнее. Я даже радуюсь, что не успела прочитать все те книги, которые Фергюс дал Стоуву и я не полностью представляю ситуацию в которой оказалась. И мне не хочется представлять. Я подскакиваю к поко-

реженной машине с треснувшим лобовым стеклом, невесть как оказавшейся в этом коридоре, и, подергав дверцы, забираюсь внутрь. К счастью, там никого не оказывается, и ничего непонятного я нигде не вижу. Поскорее заползаю в пространство между сидениями и затихаю там.

Как бы я не старалась не слушать, что происходит снаружи, не думать об этом, страх внутри все растет и растет, угрожая выдать мое убежище. В отчаянии я вытаскиваю последнюю таблетку, раскрываю пакетик, сберегший ее для меня от воды, и проглатываю ее. Затыкаю уши и надеюсь сегодня не умереть.

8

Понимаю, что всего лишь вижу сон, поэтому продолжаю тревожиться относительно того, где в данный момент на самом деле пребывает мое тело. Сейчас мне хорошо и тепло, хотя на самом деле я, должно быть, замерзаю, съжившись в насквозь мокрой одежде в ржавой банке на ночном холоде глубоко под землей. Вижу я тоже совсем другие вещи.

Все подземелье озаряется мягким желтым светом от круглых вычурных ламп, которые плавают в воздухе. Широкие коридоры и просторные комнаты чисты и прекрасны, все выкрашено в светлые приятные тона. Ни намека на грязь и мусор, ничего лишнего. Они совсем не походят на переходы и помещения Муравейника, хотя я все еще внутри него, и в данный момент он больше походит на дворцы из других миров, слепленные вместе. Прекрасные барельефы, точеные арки, ажурные решетки, мозаики, фрески, росписи – изящество и красоты, которыми Муравейник со своими простыми повторяющимися от уровня к уровню формами не мог похвастаться, хотя в школе мы видели все это в украденных искателями фильмах. Сквозь все то великолепие меня провожает Мэй. Здесь она выглядит здоровой и счастливой, взгляд осмысленный и живой. На ней длинное белоснежное платье, изукрашенное кружевами и жемчугом. Длинные сверкающие волосы распущены и выглядят просто великолепно,

кожа свежая и чистая – вот такой она могла бы быть. Тонкие правильные черты лица, ясные сияющие карие глаза. Ее едва можно узнать и все же это она. В этом мире она счастлива.

Проходя по лабиринту коридоров, Мэй представляет мне своих друзей с длинными труднопроизносимыми именами. Они мало похожи на людей – безглазые великаны с массивными, но очень чуткими руками. Одни из них занимаются обслуживанием техники – терминалов для подключения к сети, летающих машин, лифтов и поездов; другие творческой работой по украшению уровней. Из отрастающих стен Муравейника они прямо своими огромными ручищами выдалбливают новые барельефы или с машинной точностью наносят краски для получения поразительных изображений. По необходимости они меняют свой рост, становясь ровно настолько выше или ниже, насколько удобно.

Мне жаль, что все это всего лишь сон. Хотелось бы думать, что это и вправду тот мир, по которому бродит сознание Мэй.

Прихожу в себя совсем не в том месте, где мне повезло вырубиться. Это небольшое цилиндрическое помещение, слабо освещаемое тремя лампочками на потолке. В нем еще есть окошко, совсем как в той комнатке, в которой сейчас содержат Мэй. В стене есть полностью прозрачная дверь, открыть ее с изнутри конечно же невозможно.

Получается, кто-то нашел меня там, внизу, и, пока я была

в полной по непонятной причине отключке, притащил меня куда? В психушку? Или в какое-то похожее место? Не могло ли того же случиться со Стоувом?

Хотя Стоув скорее всего мертв. Я вспоминаю о телефоне, который стянула у трупа. Конечно, я все еще не знаю наверняка, кто это был, ведь одежду его, и без того разодранную в клочья из-за того, что жуки-людоеды пытались добраться до мяса, мне рассмотреть не удалось. Но искатели не носят телефонов, у них своя техника. Если этот телефон зарядить, можно будет узнать точно, кого я там обнаружила, и может быть вопрос о судьбе Стоува окажется решенным.

Однако телефона у меня больше нет.

Еще не хватает шарфика, которым я обматывала руку. Ну и моей карты, которую я ношу на цепочке на шее. Остальная одежда, как ей и положено после ночных приключений, грязная и какая-то каляная. Коса растрепалась, резинка, стягивавшая ее на конце, потерялась. Все это очень не приятно, но остается только сидеть и ждать. По крайней мере в этой комнатухе не холодно.

Дверь открывается по моим подсчетам примерно через пол часа. У Кейна, который появляется в проеме, впервые обескураженный вид. Он даже не говорит ничего, лишь жестом показывает, чтобы я шла за ним.

Мы проходим помещениями, в которых большая часть встречаемых людей, одета в униформу стражей, значит, подобные комнатухи как в больнице есть и у них. Все так же

в молчании мы выходим на открытую стоянку для машин. Кейн открывает для меня переднюю дверцу, так что мне приходится сесть рядом с ним, а не на заднее сиденье, как раньше.

Он забирается на водительское место и швыряет мне на колени бумажный пакет. Внутри мой шарфик и карта.

– Ты специально прыгнула в бездну? – после некоторого размышления интересуется Кейн.

– Не помню, – искренне удивляюсь я.

– Понятно, – усмехается Кейн и заводит двигатель. – Пристегнись, – командует он, поднимая машину со стоянки. Я поспешно пристегиваю ремень, потому что мне совершенно не хочется свалиться на него, когда он будет поворачивать.

С любопытством смотрю на Кейна, пока он закладывает свои излишне резкие виражи. Лететь нам оказывается недалеко, но я успеваю его этим достать. Он заводит машину в док, сажает ее и сердито вводит меня в курс дела:

– Тебя сняли с крыши автобуса, куда ты приземлилась, возомнив себя дурацкой бабочкой! – рычит он. Ну, это я опускаю несколько ругательств. Около десяти. – Или скорее летучей мышкой, охреневшей от света!

Я в шоке! Выходит, я все-таки как-то дожила до рассвета, поднялась из подземелья и снова спрыгнула вниз, и все это не приходя в сознание! Хотя, хорошо конечно, что никто так и не узнал, что я спускалась под землю.

– Сколько ты приняла?!

Я глубокомысленно молчу.

– Больше одной за раз нельзя, – просвещает меня Кейн.
В смысле, нельзя больше одной в день?

После того как Кейн выпускает меня на свободу, я быстро бегу в душ, надеясь смыть с себя хотя бы часть стресса прошедшей ночи. У курсантов сейчас уже свободное время, но в душевой никого, так что я рискую забраться под теплые струи. Уже успела забыть как это приятно. Неожиданно отрывками начинают приходиться и воспоминания.

Кое-что вспоминается даже о том, как я умудрилась сигануть вниз, действительно решив отчего-то, что после всего произошедшего умею летать. Но лучше всего вспоминается момент, как два барана с совершенно невозмутимыми мордами снимали меня с крыши автобуса, который, к счастью, по ранней утренней поре был пустым.

Почему именно бараны мне мерещатся? Есть ли у того дилера таблетки с другими животными?

Одеваясь в чистую одежду, обнаруживаю, что вторые брючки, те что без завязок, с меня теперь слегка сползают, как будто жуки меня все же понадкусывали в отдельных местах стратегического запаса калорий.

Возвращаясь к себе, я в принципе предполагаю, что взявший паузу Кейн уже достаточно пришел в себя, чтобы начать творить гадости, тем более он на данный момент абсолютно свободен. Так и есть, они на пару с Редженсом переворачивают склад вверх дном, но не просто так, а как будто что-то

ищут. Запоздало вспоминаю про тот пакетик с таблетками, который они подложили Кейт, а я умыкнула. Видимо, они решили, что я воспользовалась ими и решили реквизировать оставшееся.

Хоть у меня и сердце кровью обливается, когда я вижу этот бардак, но могло ведь быть и гораздо хуже. Зато они не догадаются, что я покупала таблетки в нелегальном подземном клубе.

Чисто из вредности, они раскидывают по полу и чистую смену белья, подготовленную для курсантов, хотя там уж я наверняка ничего не могла прятать. Это ж сколько времени уйдет все обратно отсортировать на восемьдесят человек?! Психи! Тихо закипаю, но пытаться остановить разорение моей вотчины не стоит и пытаться, их это только раззадорит. Сажусь в кресло возле двери, подтягиваю сползающие штаны, закидываю ногу на ногу и стараюсь выглядеть безразлично.

Так понимаю, с кладовкой, где лежат мои личные вещи они разобрались в первую очередь. Очень надеюсь, что прачечную, где я спрятала коробку с игрушками, они оставили на десерт и к тому времени, как они закончат здесь, им просто все надоест или занятия начнутся.

Может быть вообще уйти, чтобы перестать испытывать мучительную скорбь по аккуратным стопочкам? Склад выглядит уже почти так же как, я увидела его в первый раз. Сколько же бессмысленно потраченного времени...зла не

хватает у меня!

Даже не сразу замечаю вошедшего на склад Кирилла, хотя его сложно не заметить. Круто, но поздновато – эти два нехороших человека, раскидали уже почти все что можно, осталось разве что все перемешать и может быть извозюкать как-нибудь, чтоб перестирывать пришлось. Переглаживать точно придется.

– Что-то потеряли? – участливо спрашивает Кирилл.

Кейн и Редженс прекращают свое гнусное дело и оборачиваются на него. Что ж, по меньшей мере, весь кураж они точно порастеряли!

Ответом Кириллу стало гробовое молчание, так что он продолжает:

– А я вот кое-что нашел! – он демонстрирует тот самый пакетик с таблетками, который мы с Лексом вроде бы так хорошо спрятали. – Представляете, кто-то нагло протащил это дерьмо прямо сюда, хотя вроде бы зачем? Ведь нужно быть полным придурком, чтобы пользоваться ими во время учебы, правда же? Чтобы никто из стражей не заметил, что человек находится в состоянии наркотического опьянения? Да и бонусов это никаких не дает, снижает концентрацию и прочее. И прикрывать это безобразие никто бы не стал, в условиях конкуренции-то.

Кирилл вроде бы на словах и не обвиняет никого, но впечатление противоположное.

– Разве что, их предполагалось подложить кому-нибудь,

чтобы подставить его под серьезные неприятности, – продолжает рассуждать он.

Кейн с Редженсом хмурятся, ожидая развязки. Кирилл грозно смотрит на них.

– Однако, лежали они у всех на виду, в месте куда их можно спрятать абсолютно любой: офицер или новобранец. Установить преступника не представляется возможным.

Не похоже, чтобы при этих словах у Кейн с Редженсом от сердца отлегло. Они все так же напряжены.

– Но впредь, если в результате обыска у новичков мы найдем что-то интересное, необходимо будет вернуться к этому вопросу. – Кирилл оборачивается уходить, – находку я уже задокументировал, а теперь уничтожу.

Когда он уходит, Кейн с раздражением бьет ладонью по столу.

– И где же они лежали? – он явно еле сдерживается, его аж трясет, хотя не знаю что именно его переполняет: нервное напряжение или желание меня убить.

– В каком-то общедоступном месте, – я когда нервничаю, идиотски улыбаюсь, уж извините.

Лекс тоже мною недоволен и явно дуется, пока помогает искать пропавший телефон. Причина ясна – я же лишила его такой прекрасной и главное редкой возможности трагически погибнуть, будучи облепленным с ног до головы тысячей плотоядных жуков! И главное у нас ведь больше не будет

повода спускаться в подземелье или вообще как-либо рисковать своей жизнью, стоит нам только найти эту коробочку с кнопками. Под тяжелой ношей горькой вины, я тщательно осматриваю край платформы, с которого по моим прикидкам я могла сделать прыжок в бездну. У меня такое чувство, что телефона у меня в этот момент не было, я его куда-то положила, но куда именно в памяти не отложилось.

– Может ты оставила его внизу? – предполагает Лекс.

– Я точно притащила его наверх, – приходится мне разочаровать друга. Этот момент всплыл в моих разрозненных воспоминаниях, чтобы окончательно убить в нем надежду. – Извини, – смотрю на него с самым несчастным и заискивающим выражением, – я была под таблетками, когда они меня уговаривали на спуск.

– Это отягчающие вину обстоятельство, – упрямится Лекс. Он тянет руку и вытаскивает из куста, стоящего позади меня, маленький черный аппарат. – Это он? – с отвращением спрашивает он.

– Ну да, похож.

Не оттягивая, мы сразу идем искать Стеллу. У нее сегодня занятия, но Лекс, переговорив с несколькими людьми, легко находит, где именно они проходят. Мы ловим ее, когда у них перерыв, и уединяемся в одном из многочисленных закутков Муравейника.

– Простите, что я тогда ушла, – начинает девушка, – у меня нервы не выдержали. Не думала, что я такая трусиха.

Вам что-нибудь удалось выяснить? – живо интересуется она. Взор у нее уже не такой потухший, и выглядит она хорошо. Похоже ей удалось таки справиться с собой и как-то пережить потерю брата. Боюсь, наши новости могут снова выбить ее из колеи. Но и молчать тоже нельзя.

Лекс, собравшись с духом, показывает ей найденный телефон.

– У Стоува был такой телефон, не помнишь?

– Нет, точно нет. У Стоува был точно вот такой же, – Стелла вынимает из кармана и показывает нам свой смартфон. – Отец подарил нам обоим такие на закрытие года пару лет назад.

У Лекса в руках нечто значительно проще и дешевле. То, что продается на нижних уровнях. Стоув мог приобрести такой для своих походов по подземельям, и сестре не показывать, ведь о своих дальнейших планах после неудачи с боями он ей вообще не сообщил. Нужно зарядить телефон и вытащить из него хоть какую-нибудь информацию.

Следующие два дня я вынуждена по-новой разбирать склад, прерываясь на свою основную работу и пошив формы для Потапа, то есть для того игрушечного медведя, которого я умыкнула у Редженса. Я решаю назначить его старшим офицером, хотя он наверняка достоин и большего, только я не знаю, какие нашивки у генералов. Всю одежду я ему шью из пришедшей в негодность старой формы офицеров, кото-

рой тут полно, а вот про ботинки еще предстоит подумать.

Мою работу прерывают истошные крики из зала. Не то чтобы тут такого никогда не было, однако подбираюсь поближе к выходу.

Выхожу в зал и вижу поистине жуткую картину. Тут собрались все курсанты и офицеры с нашей половины, кто внизу, кто наверху, а в центре зала беснуется, по другому не скажешь страшная не понятно откуда взявшаяся женщина. Она довольно высокая и отнюдь не хрупкая, одета в комбинезон с короткой юбкой, открывающей ее мощные ноги в резиновых шлепанцах. Длинные сальные волосы, очень яркий макияж на покрасневшем от натуги лице. Довершают образ длинные окрашенные красным лаком когти. Словно выбрав своей жертвой одного из курсантов, она насаждает на него, толкая то сильными ручищами, то животом, и обкладывает его матом с такой громкостью, что мне приходится заткнуть уши. Слюна летит бедняге в лицо, а он лишь с ужасом взирает на свою мучительницу, отходя все дальше и дальше назад. Хотя курсант и сам отнюдь не дохляк какой-нибудь, но кажется что эта рослая фурия сейчас просто разорвет его голыми руками или просто заглочит как есть, начиная с головы.

Суть их конфликта совершенно не ясна. Остальные молча смотрят на все происходящее, кто со страхом, кто с отвращением, а кто с восторгом или любопытством. Никто даже не пытается вмешаться.

– Что-то такое я уже где-то видел, – со смешком говорит

мне подошедший Лекс. Вместе мы возвращаемся ко мне на склад.

– Ничего себе, это кто?!

– Это актриса театра аж с пятидесятого уровня.

– И почему же она так ведет себя? Что он ей сделал? – Я иду вслед за Лексом в прачечную, где все эти вопли не так слышны.

– Здорово, мужик! – Лекс здоровается с Потапом, который сидит на стиральной машинке, помогая мне сортировать белье.

– И почему ему никто не поможет?

– Потому что это упражнение, – объясняет Лекс. – Она играет возмутительницу спокойствия, ведь по большей части в работу стражей входит разрешение бытовых конфликтов, пресечение пьяных драк и так далее. Говорят, у этой тетки большой опыт.

– Опыт пьяных драк?

– Большой опыт доведения новобранцев до слез и заикания. Заметь, у нее даже никакого оружия нет, она даже не дерется, так их в бараний рог сворачивает, – говорит друг как будто с восхищением.

– Давай не будем про баранов, – кривюсь я.

– Сосунки, – отмахивается Лекс, пристраиваясь на стиральной машинке рядом с Потапом. – Не хочешь выйти и показать им настоящего мужчину? – спрашивает он у медвежонка.

– Он здесь на нелегальном положении, – напоминаю я.

– А жаль, – Лекс берет Потапа в руки и проверяет насколько прочно к нему пришиты лапы и уши. – Я кстати смог зарядить тот телефон. И даже выяснить на кого зарегистрирован номер. – Друг вздыхает. – Заодно потренировал новые навыки из книжки.

– Неужели она такая интересная оказалась, что ты ее прочел? – удивляюсь я.

– Интересная, но не настолько, – благодаря Лексу Потап сделал оборот вокруг уха. – Мы с пацанами ее пол ночи читали вслух, даже кто-то из старших офицеров заглянул. Пришлось ему отсканировать. Представляешь, никто из них не знал, что по этой теме есть пособие.

– Прекрасно, вы массово обогатили свой внутренний мир, а номер то чей? Не Стоува?

– Кормэг Старый Хрыч – это имя тебе ни о чем не говорит?

– Нет, кто бы вообще так назвался в девять лет?

– Ну, может, у него изначально было всего одно имя как у нас, а к старости еще и кличка присосалась. – Благодаря Лексу Потап сделал прекрасное сальто, но неудачно приземлился на голову прямо в кучу нестираного белья. – Но в анкете стоит именно это имя. Девушка, с которой мы так хорошо поладили, показала мне его прямо на экране.

– А в этой анкете не указал его возраст?

– Только адрес и куча других цифр, которые мне лично

ничего не сказали.

– И что же нам теперь делать? – я поднимаю медвежонка и поправляю на нем сбившуюся одежду. Он выглядит взъерошенным, но довольным. – От моей находки никакого толку, получается.

– Попробуем навестить Старого Хрыча, – предлагает Лекс и соскакивает на пол, – может какая ниточка и появится. Сейчас в самый раз кстати. Клади все это стираться и пойдем.

Я закидываю то, что осталось, в стирку, а Потапа сажаю в сушилку, жестом показываю, чтобы он сидел там тихо. Через зал мы спокойно проходим, никем не замеченные. Еще бы – актриса пятидесятого уровня восседает на спине одного курсанта и лупит своими тапками двух других. Ее зычный голос разносится далеко по коридорам.

Кормэг Старый Хрыч живет не высоко – всего на тридцать седьмом уровне. В широких тоннелях, ведущих к квартирам, расположенным на двух ярусах, в этот час на удивление много народу. Люди сидят на выставленных вдоль стен складных стульях, разговаривают или слушают радио. Малыши играют у их ног, разбросав игрушки по полу, так что через них приходится перешагивать. В темных закутках тоже кто-то шевелится.

Некоторые подозрительно оглядывают нас, ведь мы здесь чужаки. Но никто не окликает и не преграждает нам дорогу.

Постоянно чувствуя на себе чьи-то взгляды, мы подходим к нужному номеру. Лекс нажимает на кнопку звонка.

Два пожилых мужчины, сидящих очень близко к нужной нам двери, и играющих в карты на застеленной клеенкой табуретке, прерывают свое занятие и хитро смотрят на нас.

– Вы из соц службы? – спрашивает один из них молодежьим голосом.

– Мы сами по себе, – отвечает Лекс.

Мужчина явно собирается продолжить допрос, но нам к счастью уже открывают. За дверью показывается кудрявая женщина средних лет и без каких-либо вопросов пропускает нас внутрь. Как только мы освобождаем проем, сама она ни слова не говоря целеустремленно выходит из квартиры и закрывает за собой дверь, оставив нас на чужой территории в полном одиночестве.

– Какое доверие! – восхищается Лекс и, пожав плечами, уверенно проходит дальше. Собственно перед нами большая комната, плотно заставленная старой мебелью. Одних диванов тут аж три штуки, но не смотря на обилие разрозненных предметов, все аккуратно прибрано и протерто. Спальный модуль обнаруживается слева в алькове. Справа же находится закрытая дверь, дальше за ней поворот и еще одно помещение, отделенное от первого только занавеской. Лекс приподнимает ее и подождав пару секунд, кивает мне. Мы заходим.

На очередном диване сидит очень старый человек. Он по-

что лыс, зато имеет белые кустистые брови, из-под которых он смотрит на нас приоткрыв рот, с недоумением, но без страха, словно думает, что должен бы нас знать, но никак не может вспомнить. Ноги в толстых шерстяных носках опущены на пол, в пределах досягаемости стоит некая металлическая конструкция с двумя ручками и колесиками. Наверное она для того, чтобы старичку было на что опираться при ходьбе.

– Здравствуйте, вы Кормэг? – спрашивает Лекс.

Старичок моргает и опускает голову, потом, словно вспомнив, снова поднимает на нас взгляд, делает пару жевательных движений.

– А??

– Вы Кормэг?! – снова спрашивает Лекс уже громче.

Старичок смотрит на нас так, как будто не видит, и вообще удивлен, что из пустого места доносятся какие-то неясные звуки.

– Да Кормэг он, Кормэг, – вносит ясность вновь появившаяся кудрявая женщина. В большой пластиковой корзине она принесла постиранную одежду и стала разбирать ее на столе.

– На вас... – Лекс все-таки поворачивается к женщине. – На него зарегистрирован телефонный номер, он не давал свой телефон кому-нибудь, не знаете?

– Да на хрена ему сейчас телефон?! – удивляется женщина, продолжая заниматься делом. – Вы только посмотрите на

него!

– Но он мог купить его раньше. – Лекс оглядывается вокруг. Личных вещей в закутке практически нет никаких. На полочке только стоит магнитофон с жалкой стопочкой из трех кассет. Если у старика когда-то был телефон, его мог умыкнуть отсюда практически кто угодно.

– Если бы у него был телефон, я бы знала, – отрезает женщина. – Я же его акбрат. – Она отбрасывает в сторону корзину и упирается руками в бока, вдруг с ненавистью уставившись на нас. – Что это за вопросы? Вы что хотите на старика что-то повесить?! Да как вам не стыдно?! – С каждым словом она распаляется все больше и начинает наступать, прям как та актриса пятидесятого уровня. Я боюсь, что нам сейчас продемонстрируют конфликт как он есть, хотя и не бытовой и не пьяный.

Вижу, что Лексу вспомнилось тоже самое, и он вот-вот начнет смеяться. Она уже угрожающе подобралась к нему почти вплотную, но он так и не отступил ни на шаг.

– Тебе еще и смешно, да?! – вопит она в бессильной ярости.

– Извините, но вы неправильно нас поняли, – встречаю я.

– Да чего тут непонятного?! Убирайтесь немедленно отсюда! – кричит женщина, замахиваясь на нас полотенцем.

Я еще пытаюсь что-то объяснить, но Лекс твердо заявляет:

– Хорошо, мы уходим, – и подталкивает меня к выходу.

Выбравшись за дверь, Лекс так и не успокаивается, про-

должая еле сдерживать смех.

– Ну что, думаешь, она загнала кому-то его телефончик вместе с телефонной картой? – спрашивает он, как только мы отходим подальше.

– Не знаю, – я нервно расчесываю царапины на руке, это как-то успокаивает. – Она хорошо о нем заботится.

– Это да, но может она считает, что заслуживает за это какое-то поощрение. Старику его вещи все равно больше не понадобятся, и после его смерти все разберут соседи.

– Мне не нравится эта мысль, – вздыхаю я. – Хотя все может быть.

– Тогда думай, что ей понадобились деньги на самого старика, – предлагает Лекс. – А нам теперь нужно искать, кому был продан телефончик. Сама женщина нам не скажет...

– Зато могут сказать те двое, – заканчиваю за него, с сожалением обернувшись назад. Два старика продолжают свою игру, рядом с номером Кормэга.

Чтобы не бесить кудрявого акбрата Кормэга, Лекс приглашает двух игроков в соседнее кафе, на что они соглашаются с большим словоохотливым удовольствием. Даже за столом с едой они раскладывают свои старые замусоленные карты, но оказываются способны делать три дела сразу: и играть, и жевать, и говорить.

За ужином, на который уходит не менее четырех часов, мы получаем целое море информации никак к нашему де-

ду не относящейся. Например, семнадцать способов жулить в карты и место, где можно спокойно купить литр медицинского спирта. Но после некоторых мучений, у Лекса все же получается повернуть разговор на нужную тему. К счастью наши подозрения не подтверждаются, Кормэг распродал большую часть своего имущества самостоятельно, еще будучи относительно здоровым. Никакого телефона у него никогда не было.

На следующий день Лекс заявляется ко мне подозрительно довольный жизнью.

– Ты уже наработалась сегодня? – спрашивает он, а я только истерически хихикаю, потому что наработаться успела еще ночью. Чтобы догнать график, пришлось заниматься стиркой и глажкой, а потом разбирать одежду по множеству кучек и все это при свете автономной лампы, которую я таскала за собой туда обратно. Все, что мне хочется теперь – это спать, спать и еще раз спать. Потап со мной совершенно согласен – в изнеможении валяется на полу, раскинув лапы. Но у Лекса новые идеи: – Я тут подумал, что раз Кормэг самостоятельно никогда не регистрировал за собой телефонный номер, то, видимо, кто-то сделал это за него. Полагаю, на минус первом можно купить карты, зарегистрированные и на других подставных лиц.

– И что будет, когда мы найдем этих людей? – раздраженно потираю слипающиеся глаза. – Вряд ли они по нашей

просьбе сразу же выдадут нам имя того, кому они продали номер Кормэга. Это же явно незаконно, так что все скорей всего анонимно.

– Но попробовать-то можно.

– Эти ребята наверняка не потерпят расспросов. Кто знает для каких дел обычно у них закупаются таким товаром? – я с тяжким вздохом поднимаю Потапа. – Они нас просто уроют.

– Ну это смотря с какой стороны к ним подойти, – загадочно говорит Лекс.

– Да с какой угодно, – мы с Потапом все еще не согласны, и вообще мы спать хотим, нас на подвиги не тянет.

– Вижу, ты сегодня не в духе, – резюмирует Лекс. – По-моему, теперь моя очередь побродить в потемках в одиночестве. Да ладно, – добавляет он, видя мое крайне недовольное лицо, – я просто поразнюхиваю, ни во что ввязываться не буду.

– Мы это уже проходили, кажется, – ворчу я.

– Ну, я-то никакую химию глотать не буду, – намекает Лекс на мое фиаско.

– Я тоже не собиралась сначала.

– Вряд ли твой дилер захочет меня поцеловать.

– Вряд ли он там один. Что если у него есть и женская версия?

Такой вариант Лекса несколько не беспокоит, так что спускаться мы все же направляемся вдвоем, выскальзываем на платформу во время обеда. На поезде мы доезжаем почти

до границы с соседним сектором. А в лифте мы успеваем добраться только до плюс первого уровня, и друг тянет меня наружу.

– Я разузнал, бойцовская школа действует вполне легально и находится над уровнем земли, – разъясняет Лекс.

– Зачем она нам теперь?

– Затем, что ты права, – Лекс уверенно заводит меня в один из тоннелей. Снизу по стеночке идут люди, сверху то и дело пролетают машины, в основном грузовые. – Прежде чем нам соваться с вопросами к серьезным людям, стоит заручиться ненавязчивой поддержкой. – С этими словами он открывает передо мной двустворчатую дверь, надпись на которой гласит «Спортивный клуб «Звездочка»».

“Звездочка” представляет собой просторный зал с огромной клеткой посередине. Остальное место занимают спортивные тренажеры и снаряды. Как только мы заходим, на нас тут же оборачиваются все его немногочисленные в этот час посетители: несколько мужчин и две женщины. Вид у них всех одинаково свирепый, как будто они могут (и настроены) пробивать кулаками стены и жевать металлоконструкции. Но для разминки сойдем и мы.

– Что мы тут делаем? – спрашиваю я Лекса.

– Заручиваемся, – друг преспокойно обводит глазами зал. – Сюда, – схватив меня за руку он проходит в дальнюю часть зала, мимо блестящих от пота верзил, на секунду отвлекшихся от избивания человеческих муляжей и за-

интриговано наблюдающих за нами. Полагаю, таких как мы тут давненько не видели. Лекс хоть и набрался сил, ворочая мешки на нулевом, но еще не утратил юношеской стройности и особо мощным на первый взгляд не кажется. А я за последнее время успела только похудеть, а мои спортивные успехи ограничились лишь лазанием по канату туда сюда.

Обойдя клетку, Лекс здоровается за руку с коренастым крепышом, которого я уже кажется где-то видела.

– Это Шальной Буль, – представляет его друг. Точно, я же видела, как Лекс разговаривал с ним возле похожей клетки в подземном клубе, только тогда на нем был ошейник с шипами и он был весь покрыт чьими-то укусами и кровью.

– Стоять здесь нельзя, – разводит руками Буль. – Давайте так.

Он берет в руки какую-то штуковину и поворачивается то ко мне, то к Лексу, чтобы мы наносили по ней удары руками. Лекс пытается одновременно рассказывать нашу историю с телефоном, а Буль комментирует наши неловкие движения. Получается довольно забавно, мы больше смеемся, чем что-то еще, совсем забываем, что в зале мы не совсем одни. Вскоре нашу проблему живо обсуждает весь зал, но с появлением новых людей все разговоры прекращаются.

Судя по всему, мы заявили сюда очень вовремя, пока в зале находились все свои. Но теперь зал наполняется посторонними, к тренерам приходят их клиенты и не похоже, чтобы они были только с нижних уровней, хотя наверняка

наверху есть и свои качалки и клубы.

– В общем, я понял, к кому нам надо обратиться, – резюмирует Буль и отсылает нас ждать его наружу.

Мы с Лексом проходим через тоннель и останавливаемся у края платформы, у самого парапета, отделяющего людей от бездонной пропасти. Обеденное время закончилось, так что по обе стороны от него продолжилась обычная дневная суета. На нижних уровнях она даже заметнее, однако еще чуть ниже, на уровне земли, ее как будто отрубает. Хотя теперь я знаю, что и под землей есть своя жизнь.

– Разве вы так хорошо знакомы, почему Буль так легко согласился нам помочь? – интересуюсь я. Меня восхищает умение Лекса с легкостью заводить новых друзей, для меня это что-то сродни магии.

– А я ему просто книжку отксерил, – признается он, – ту, про женщин, благодаря которой я собираюсь растопить сердце офицерши и выяснить у нее старую кличку Кейна.

– А, помню. Но Булю она зачем?

– А затем, что у них там внизу происходят бои не только между людьми, но и с участием подземных тварей, и одна из таких тварей оторвала у Буля детальку. Скоро он накопит на операцию, ну а пока он решил тоже просветиться.

– Ни фигя себе! С подземными тварями?! И зачем они только таким занимаются.

– Не знаю, надо самим посмотреть, – предлагает Лекс, – как раз анонсировали бой с серой гончей. Через недельку

где-то. Можем сходить, если конечно меня в это время опять персонально не запрягут во что-нибудь.

– Угу, – вздыхаю я, – столько планов и так мало времени. – Сонливость временно покинувшая меня, снова напоминает о себе. Мне удастся прикорнуть на пару минут на плече у Лекса, прежде чем появляется Буль.

В подземном клубе сегодня никаких дополнительных развлечений, и народу мало. Под тихую монотонную музыку все разбрелись по углам и решают какие-то свои дела. Включено обычное дневное освещение. Вслед за Булем мы проходим по полупустым коридорам, он только пару раз у кого-то что-то уточняет, и наконец, мы добираемся до кабинетика, вход в которых такой неприметный, что можно запросто пройти мимо, что мы, собственно, сначала и сделали.

Кабинетик больше похож на кладовку, в которую с большим трудом впихнули письменный стол. За последним сидит усатый мужичок с прилизанными волосами. Учитывая его габариты в случае, если ему приспичит встать и выбраться отсюда, ему придется отодвинуть стол, а потом перелезть через него. Хотя возможно что за длинной вешалкой с пестрыми костюмами позади него скрывается потайная дверка. В остальном кабинетик завален разнообразным хламом на многочисленных полках, который вряд ли может понадобиться этому человеку, чем бы он здесь на самом деле не занимался. Зато, если б кто-то решил устроить здесь обыск и

попытаться что-нибудь найти, он бы вначале прослезился.

– Если б я записывал имена клиентов, то ко мне бы перестали обращаться люди, – ответил мужчина на нашу просьбу. – И вообще, Буль, на сколько хорошо ты знаешь этих двоих?

– Свои люди, Курт. Я гарантирую, что проблем не будет, – поручается наш новый товарищ, – даже если ты случайно вспомнишь, кому достался этот номер телефона.

Усатый Курт с минуту сверлит нас недовольным взглядом.

– А ладно, все равно бизнес закрывать! – он нервно подпрыгивает в кресле и начинает рыться в скопище макулатуры на своем столе. – Шакалы в конец оборзели, совсем работать не дают, – он достает из стопки потрепанный календарь, исписанный всякими ерундовыми заметками. – В случае чего, пусть у них голова болит.

Повернув к нам календарь, Курт ногтем стучит по одной из надписей. Лекс даже не пытается что-либо разобрать. Я склоняюсь над столом и повторяю про себя прочитанное несколько раз.

Полного имени у Курта конечно нет, только одно, да и то скорее всего кличка. Зато есть описание внешности и немаловажная деталь – человек, купивший карту, бывшую в найденном мной телефоне, принадлежит к гильдии искателей. Не знаю, как Курт это определил – но информацию о своих потенциальных клиентах он как-то собирает. Может, и за

нами слежку установил, пока выходим на платформу и поднимаемся наверх, украдкой озираюсь назад.

Так или иначе, телефон не имеет к Стоуву никакого отношения, значит, и труп не его.

– Ну, что? Забуримся к искателям? – Весело предлагает Буль. – Всегда хотел разворошить их гнездо. Эти придурки считают себя единственными хозяевами подземелий и своими уродливыми рожами частенько портят все веселье в клубе. У нас многие согласятся навестить их и навести шороху на их территории.

Ага, правильно, все слишком хорошо шло, чтобы хорошо закончиться. Небольшая войнушка в конце прекрасного дня, что может быть закономернее?

– Здорово, – соглашается с ним Лекс, – но если бы еще это как-то помогло найти нашего неуловимого Стоува.

– Так и поможет, – гогочет Буль. – Искатели – это, конечно, еще те отбросы, но даже они не оставили бы своего лежать там, где свалили.

– Какая разница, все там будем.

– В дыре этой, в бездне, – Буль показывает рукою нырок в пролом, – а не валяться среди всякой потусторонней швали. Они бы забрали труп, если б знали, что он там лежит. А значит, этот труп приперся туда не предупредив начальство и мутил что-то на стороне. Кто-то из его товарищей может знать, чем именно он занимался. Пойдем и порасспрашиваем их вежливо.

– Отличный план, – кивает Лекс. А у меня вот сомнения.

В итоге мы стоим неподалеку от шлюза на территорию искателей – в отличии от остальных гильдий их владения расположены достаточно компактно – и ждем когда кто-нибудь неосмотрительно откроет нам двери. К счастью Буль притащил из своей качалки еще только двоих, так что может быть полномасштабного побоища удастся избежать. Хотя, на самом деле, кто знает, что будет? Весь наш план до сих пор ограничивается фразой: «Ну, мы войдем, а там уж как пойдет». И кроме меня все всех абсолютно устраивает. Буль преспокойно учит Лекса делать жутко вонючие самокрутки для курева, а остальная наша группа поддержки меланхолично ожидает появления какого-нибудь зазевавшегося искателя, поигрывая своими бицепсами, трицепсами и прочим рельефом своих жутко огромных туловищ. Я же пытаюсь представить, что будет делать стража, когда ее позовут усмирять настоящий конфликт. Как это получается, точнее не получается, у новичков, я сегодня уже видела. Теперь предстоит поглядеть на профессионалов. И я не могу сказать, что особо стремлюсь на это лицезреть, но очевидно придется.

На случай, если все же быстро удастся покинуть место действия, и чтобы не видеть потом собственные физиономии на видео с камер, мы все одели кепочки. Кепочки, тьма побери, – это все что мы предприняли для уменьшения последствий катастрофы в которую мы вот-вот вмажемся на

полном ходу! Разве что, нам повезет и у искателей сегодня выходной или праздник какой-нибудь и никто не выйдет и не войдет в шлюз в ближайший, скажем, час. У большинства из них и так основная работа происходит внизу, но есть же новички и обслуживающий персонал. Пожалуйста, посидите внутри чуток, запритесь, пожуйте тортик, устройте себе какой-нибудь жутко важный семинар по безопасности, например, или этике взаимоотношений с представителями других гильдий и подземного мира!

– Ты слишком много думаешь, – отмечает Лекс, а Буль обнимает меня за талию и, мы все вместе вваливаемся в только что отворившийся шлюз. Несчастный, имевший неосторожность, попытаться выйти из него в этот неурочный час, шокировано и слишком быстро отступает обратно внутрь и этим не дает вовремя закрыться вторым дверям. Таким образом мы легко прорываемся на территорию, для начала в широкий коридор, из которого справа открывается выход в большой зал, а слева видны окна офиса, в котором находится кто-то из персонала. Еще один молодой искатель от неожиданности вжимается в стену, когда наша малочисленная, но увесистая команда заполняет собой резко уменьшившееся пространство.

Как только в другом конце коридора появляются еще зрители, Буль начинает вопить хриплым пьяным голосом, что типа кто-то из местных нехороших людей, посмел обидеть его малышку – судя по всему, в роли последней выступаю я

– и подать ему сюда немедленно этого ушибленного. В искателей тут же летят бутылки, они с неприятным шумом разбиваются о пол и стены, покрывая все вокруг самым дешевым пивом.

Искатели в гневе бегут к нам, слегка рассредоточившимся по коридору, кое-кто из них хватается за оружие, о котором мы кстати напрочь забыли. Искатель постарше, с аккуратной бородкой кричит им, чтобы те шли в рукопашную, дескать с нас и так хватит, но качки с легкостью расшвыривают нападающих как мячики в спортзале. Буль, все-такой же веселый, охаживая своих соперников кулаками, орет приметы того искателя, чей телефон я нашла, и который уже давно труп. Но он все равно проговаривает: сиплый, прыщавый, с хвостом как у курицы. А да еще кликуха у него Весельчак!

– Да вот же он! – радостно заключает один из наших верзил, за шкирку поднимая с пола того искателя, которого сам же только что туда уронил. Стриженный почти под ноль парень, задыхаясь, пытается отнекиваться.

– Не, не, не, – пытаюсь вмешаться я. Позади них кстати замечаю висящее на стене расписание смен. Лекс как раз удачно выворачивается из хватки того искателя с бородой и, саданув ее локтем куда-то в лицо, протягивает мне свой планшет.

Успеваю сделать фотографию расписания, как раз когда из офиса появляется вполне спокойный служащий и зовет нас к себе.

– Я могу вам помочь, заходите, – говорит он, распахнув дверь, таким голосом как будто мы до этого три часа смиренно ждали его аудиенции в очереди в кабинет.

– Не, ну а может этот, – предполагает все тот же верзила, подтаскивая ко мне еще одного новичка искателей, размазывающего по лицу кровавые сопли.

– Совсем не похож. Тот был намного целее.

– Вам ко мне, – твердо заверяет нас мужчина из офиса.

Наши верзилы с тоской взирают на недобитых еще искателей, живописной горкой сваленных в коридоре и, пожав плечами, втягиваются в соседнее помещение. По пути, Буль, которому чуть не прилетело электрошоковой дубинкой, выдирает ее из рук молодого парня, нашедшего в себе силы подняться на ноги, но не нашедшего их на прощение и смирение. Заходя последним в кабинет он кидает разломанную дубинку на пол и захлопывает за собой дверь. Из-за нее мы все равно слышим рычание бородатого:

– Я же приказывал, оружие не применять! Черта с два мы деньги за него стрясем с этих... – далее идет грубое витиеватое определение нашей небольшой толпы.

А мужчина перед нами деловито присаживается за стол и, продолжая свое важное дело по раскладыванию бумаг из принтера в папки, говорит:

– Тот человек, которого вы ищете, числится пропавшим, уже больше трех недель. Все это время движения по его картам не наблюдалось. Два дня назад по нему было принято

решение, его дело было отправлено в архив, а место освобождено.

Ну да, вот так вот людей у нас часто и списывают. Знакомые тебя давно не видели, электронных следов не оставляешь, после вскрытия квартиры твое тело в ванной не обнаружили – значит все, тебя больше нет – в архив, в архив. Из освобождаемой квартиры родственники, друзья, а потом и все, кто придет, могут забрать любые вещи на память. Что останется, летит в бездну или сдается в магазин.

– В его апартаментах еще осталось много вещей, – мужчина пишет нам на листочке адрес и отдает Булю. – Может ваша девушка возьмет себе что-нибудь оттуда в качестве компенсации на моральный ущерб, – предлагает он и коротко улыбнувшись, делает жест рукой, означающий, что аудиенция окончена.

Мы вытекаем обратно в опустевший уже коридор, а потом и на платформу. Довольные качки возвращаются к себе на базу, предвкушая ответную потасовку от искателей. И что я, спрашивается, переживала? Народ просто получает удовольствие.

Жилище Весельчака находится на тридцать шестом уровне, а значит, он не был новичком в своей гильдии, но и особо ценным кадром стать не успел. Когда мы подходим к нему, то обнаруживаем закрытую дверь, но она оказывается не заблокированной. Мы спокойно заходим внутрь.

Вообще, я первый раз вижу жилье недавно погибшего, то есть я только в теории знаю, что вещи в таком случае разбираются близкими и другими людьми, но как это организовывается не имею представления. По крайней мере, никаких процедур наследования, которые существуют в других мирах, у нас не предусмотрено.

Снаружи каких-либо опознавательных знаков нет, просто дверь в ряду себе подобных. То, что, в принципе, сюда может попасть любой желающий никак не афишируется, наверное, чтобы побольше досталось торговцам. Надеюсь, на ночь вход все же блокируется и нам не стоит ожидать, что в каком-нибудь темном уголке притаился заплутавший монстр из глубин бездны, а таких уголков полно. Вот в той подозрительной куче тряпья можно устроиться даже вольготно.

В целом планировка квартиры Весельчака совпадает с расположением помещений жилья Старого Хрыча, забыла его первое имя. Только дверь в ванную и боковая комната находятся с другой стороны. Занавесей отделяющих помещения нет, как и какой-либо дополнительной мебели, кроме пары стульев. Впрочем, она особо и не нужна, учитывая все ниши и выросты, сформированные самим Муравейником. Некоторые любят всяческие шкафчики и тумбочки, вроде как придающие уют однотипным обезличенным апартаментам, которыми жители меняются по несколько раз за жизнь, но бывший хозяин этих комнат был явно не из таких.

Личных вещей действительно осталось довольно много,

хотя конечно ничего особо ценного. Но нам ценное и не нужно, нужно информативное, и что же это такое может быть? Я ковыряюсь в скопище различных предметов и одежды, но меня беспокоит одна мысль – если про это место до сих пор знают только близкие Весельчаку люди и они забрали какие-то памятные для себя вещи, для чего они так разбросали все остальное? Мне кажется, даже к ненужным вещам своего погибшего друга или родственника все равно будешь относиться с большим пиететом. А тут словно обыск прошел.

Лекс помогает искать неизвестно что, но ожидаемо застрекает на стопке журналов с изображениями обнаженных женщин. Вот они, кстати, лежат себе в нише почти аккуратно.

– Ух ты, глянь сюда! – зовет он.

Ой, да ладно, что там интересного для меня может быть? Оборачиваюсь, Лекс борется с выпавшей из журнала очень длинной страницей, но кивком указывает на лежащую в нише книжечку.

Хм, книжечка с деревом, которую я так и не успела прочитать. У Весельчака разнообразные интересы, как я погляжу. Она чуть более замусолена, чем та, что дали мне. Не то, чтобы я собираюсь прочитать ее прямо здесь, пока опять не потеряла, но пролистать пролистываю.

– Ого!

– Ого-го! – соглашается Лекс, сосредоточенно рассматривая картинку в журнале. – Такая прям... – странным жестом

он пытается описать, что именно привело его в такое смятение, но моя находка важнее. Я сую ему под нос изрисованную карандашом последнюю страницу из книги.

– И чего это такое? – глубокомысленно говорит он, разглядывая ее из моих рук. Обе его руки снова заняты журналом, я понимаю, так что терпеливо держу книжку перед ним.

– Схема!

– Ой, ладно, не кричи! Вон, вижу, бассейн, в котором ты нахлебалась наглости. А это, видимо, тараканы, которые хотели тебя сожрать.

– Да, они специально повредили трубу, чтобы наполнить бассейн, в котором можно было бы спрятаться от жуков. Но не учли, что стенка повреждена и уровень воды всегда будет недостаточным.

– Кроме случаев, когда сток оказывается забит наполовину обглоданными трупами, – напоминает Лекс о моей удаче.

– И что из всего этого следует? Стоув работал вместе с Весельчаком, или Весельчак украл план, разработанный Стоувом? И собственно для чего был этот план?

Мы оба смотрим на схему, довольно точную, на сколько я могу судить. Там обозначено расположение и примерные расстояния между всеми элементами, включая облепленные жуками человеческие фигуры, созданные то ли из реальных трупов людей, то ли искусственно. Прямоугольник с линиями, похоже отображающий платформу подъемника, вываливающую мертвые тела стервятникам на радость. Стрелки,

обозначающие пути отхода. Какие-то расчеты без внятных комментариев, сделанные явно для себя, а не для того, чтобы кому-то объяснить. Непонятно, какая цель здесь преследовалась.

– Значит, нам надо уточнить, состоял ли Весельчак в секте, и, если нет, то можно будет считать, что мы снова напали на след неуловимого Стоува, – Лекс кладет журнал на место. Освобождаемую квартиру мы покидаем, взяв с собою только сектантскую книжечку, хотя вот как раз ее-то и стоит оставить на месте. Но как-то до нас это не сразу доходит. Идем себе преспокойно к выходу на платформу, обсуждаем дело вполголоса и нападающую на нас неприятность совершенно не ожидаем. Мелькает только какое-то неясное подозрение, когда мы видим прямо перед собой грузовую машину с гостеприимно распахнутыми дверцами кузова. Но это лишь за секунду до. Через секунду после мы уже оба летим вперед в этот кузов благодаря невесть откуда взявшимся силам.

– Это же чертов холодильник! – рычит Лекс. Дверцы захлопываются за спиной, оставляя нас в крошечной тьме и холоде, и только поднявшись, мы снова валимся на ледяной пол, поскольку машина, перекосившись, неуклюже поднимается в воздух. Нет, это уже начинает надоедать! Такое холодное лето выдалось и лично для нас!

– Ну и кто, по-твоему, нам мстит? – интересуется моим мнением Лекс. – Искатели?

– А кого еще мы успели разозлить?

– Ты плотоядных тараканов, а я вчера обклеил все тетради Мина наклейками с феями и котятами.

– Зачем?!

– Ой, не спрашивай, – вздыхает Лекс где-то рядом со мной. Через минуту нас снова начинает мотать между бортами, и машина приземляется. – Все, сейчас нас будут убивать.

Когда дверцы снова открываются, за ними появляется недовольное лицо. Еще один накачанный верзила, но на этот раз не в спортивном костюме, а в деловом, сплошь черном, включая рубашку и галстук. Весь лысый, из-за светлых волос сперва кажется, что у него и бровей нет. Но когда он их хмурит, они сразу появляются.

– Выходите! – советует он нам.

Мы так и делаем, после чего он подхватывает нас под руки и тащит из бокса, в котором приземлился грузовик, по коридору и в зал, где в центре стоит клетка – гораздо меньше тех, что мне доводилось видеть в последнее время, но все же явно рассчитанная на людей. В подтверждение нас запикивают именно в нее. Книжку с деревом у меня грубо выдирают из рук, и дверца запирается за нами на электронный замок.

Не сказав больше ни слова, первый мужчина уходит, но у единственного выхода из помещения стоят еще два похожих на него охранника. У них волосы на головах присутствуют, но сами лица очень похожи, как и выражение на них – смесь безгливости и интереса.

Лекс с минуту рассматривает их, а потом теряет терпение.

– Эй, а общаться с нами кто-нибудь будет вообще? – В ответ ему лишь тишина и нехорошие ухмылки охраны.

Какое-то время мы просто ждем. Лекс с недовольным видом пытается расхаживать по клетке туда сюда, но она в длину от силы метра три, и часть ее занимает деревянный ящик. Друг любопытства ради делает попытку приподнять крышку, но она словно приклеена. Охранники молча стоят на месте с двух сторон от двери. А я без необходимости что-то делать снова начинаю засыпать, причем прямо так, стоя, лишь прислонившись к решетке.

– Как невежливо заставляя себя ждать, – фырчит Лекс. – Так можно и до отбоя не успеть. – Он вытаскивает планшет из кармана и проверяет время. На самом деле еще и девяти нет. Нас еще тридцать раз убить успеют, так что понятно, что никто не спешит. – Ну и ладно, – Лекс достает из кармана мултитул, выбирает небольшой напильничик и начинает невозмутимо пилить решетку.

Охранники сначала презрительно усмеваются, но заметив, что дело пошло, начинают дергаться.

– Эй, прекрати это! – басит один из них, все же не рискуя оставить свой пост.

– Ты только погляди, они говорящие! – язвительно восклицает Лекс, продолжая портить чье-то имущество.

Охранник делает несколько шагов вперед и гневно бьет по решетке ладонью. Дверь за его спиной наконец отворяется и он поспешно возвращается на место. В комнату снова

заходит притащивший нас мужчина в костюме, а за ним появляется белокурая небольшого роста девушка в обтягивающем коротком платьице с открытыми плечами. На самом деле на ней надеты высоченные каблуки, а то она была бы совсем малютка. Худенькая, с длинными волнистыми волосами и миловидным личиком, она уверенной походкой цокает на середину комнаты и разворачивается к клетке, встав в позу как для фотографии в журнал. Прибалдевший Лекс бросает свое занятие и переходит ближе к ней.

– Нравлюсь? – с гордостью спрашивает девушка нежным голосочком.

– Пожалуй, – кивает Лекс, явственно пялясь на нее.

– А мой коллега? – насмешливо интересуется девушка, кивая на сотню килограммов мышц в черном костюме, стоящих за ее плечом. Лекс неопределенно хмыкает, не отрывая взгляда от ее стройных ног.

– Ваш коллега тоже очень симпатичный, – встречаю я, – но хотелось бы знать, зачем мы здесь, – раздраженно говорю, но со всей возможной вежливостью.

Девушка нехотя переводит взгляд на меня, восхищение Лекса ей конечно же импонирует гораздо больше.

– А затем, – говорит она с интонацией настоящей мегеры, хотя выглядит все равно очаровательно, – что вы посмели перейти нам дорогу!

Пальцами с длинными накрашенными в сочный малиновый цвет хищными ногтями, девушка подцепляет висящий

на ее шее свисток и дует в него два раза. С ящика, который к сожалению стоит с нашей стороны решетки, тут же срывается крышка, и из него появляется некое существо с множеством ног, похожее на гигантского волосатого паука. Волосы эти кстати ярко красного цвета, а некоторые из ног заканчиваются острыми на вид блестящими на свету шипами.

– А почему... – Лекс, все же нашедший в себе силы отвлечься от коленок белокурой принцессы, тут же жалеет об этом, потому что повернувшись к пауку, дает ему возможность легко запрыгнуть на себя. Монстр тут же комфортно размещается, уцепившись частью своих ног за его рубашку, плечи и голову, а шипами начинает водить очень близко от его лица. – Э, – друг сразу же забывает, что хотел спросить, – отцепись от меня, жуть мохнатая.

Вообще-то к пауку прикоснуться как-то брезгливо, но мытаки пытаемся оторвать его в четыре руки, но на наши попытки приспособления на его лапах буквально вбуравливаются в кожу, а шипы впиваются в лицо. Более того, паук начинает на нас сердито шипеть и фырчать со все увеличивающейся громкостью.

– Не волнуйтесь! – стараясь перекричать шум, заявляет белокурая стерва, – он не ест людей. Только их глаза.

– Не смешно! – Лекс щурится, когда шипы перемещаются слишком близко к его глазам, и понятно дело, мы ничего не можем с этим поделать. Остается, только замереть и надеяться на милость этой помешанной.

– Что вы знаете о золотых сердцах? – девушка злорадно ухмыляется. Шум от паука постепенно стихает, и она снова может использовать свой тихий бархатный голосочек.

– Вообще ни черта, – выдыхает Лекс.

– Тогда зачем вы пришли за книгой? – сахарным тоном интересуется девушка. Ее коллега, за все время так и не сказавший ни слова, безучастно наблюдает за нами, охранники ехидно улыбаются, наслаждаясь шоу.

– Сама книга нам не нужна, – пытаюсь я объяснить и не сказать лишнего. – Мы ищем своего пропавшего одноклассника, только и всего. Он вроде бы вступил в эту секту и дерево его куда-то послало, но никто там не знает, куда именно и зачем. И знал ли его этот Весельчак, мы тоже не уверены, но, наверное знал, раз у него эта книга оказалась. Еще какие-то золотые сердца при чем-то, – искренне недоумеваю я. – Кто вы такие, мы тоже не в курсе.

– Так вы ничего не знаете? – переспрашивает девушка и огорченно оборачивается на своего коллегу. Он ей просто кивает и все. – Жаль, – она разочаровано дует в свой свисток и красногривая тварь так же недовольно слезает с Лекса и, перебирая своими жуткими ногами, плетется обратно в свой ящик.

Лекс старается смахнуть с себя красные волосинки от лияющего чудовища, когда хозяйка местного заведения подходит к нему поближе. Пару секунд она его задумчиво разглядывает, но все же принимает отрицательное решение.

– Школота, – хмыкает она, – только под ногами мешаются. – С этими словами она неспешно удаляется, не забывая, впрочем, вилять бедрами и оглянуться напоследок на выходе из комнаты.

Мне приходится как следует пихнуть Лекса, чтобы он пришел в себя, а то создается впечатление, что паук ему под шумок каким-то образом мозг высосал.

Выдворяя нас из своей гостеприимной организации, человек в костюме тащит нас другим путем и оставляет на платформе, так что теперь мы, по крайней мере знаем, что оказались у все тех же искателей, только на уровне, где расположены их склады. Чтобы добраться до учебки стражей нам приходится сесть на автобус. Всю дорогу я практически сплю, но перед тем как пройти через шлюз все же разлепляю глаза и с ужасом смотрю на Лекса. У него все лицо расцарапано, а верх рубашки весь в кровавых пятнышках, при этом внешний вид его явно не беспокоит, он мысленно еще там со своей блондинкой-живодеркой.

– Лекс, ты выглядишь ужасно, – напоминаю я ему. Он, словно очнувшись, проводит пальцами по лицу и морщится.

– Да ладно, что ж теперь. Если спросят, скажу, что так спешил выполнить очередное задание, что споткнулся и упал... мордой в куст. – Лекс оглядывается по сторонам, но все растения в кадках уже завезли на ночь в оранжерею. – Не важно, по ходу ориентируюсь.

– Ага, снова где-то весь день шлялись! – в коридоре на нас сразу же натывается наш любезный товарищ Мин. – Я доложу, – восклицает он и радостно убегает прочь.

– Неблагодарный! – возмущается Лекс ему в спину. – Пойду покрошу ему сухарей в постель.

Мне тоже не хочется стоять на месте в ожидании возмездия. Сил нет даже на то, чтобы продолжать бояться Кейна. Родная постелька манит меня, я прямо чувствую ее зов сквозь стены. Возвращаюсь в свой закуток и сразу же падаю на матрас, не раздеваясь на случай появления своего шинарда. Глаза благополучно закрываются, мир перестает ощущаться, сознание утекает и располагается как бы на мягком облачке. Я, наконец, сплю.

Забавно, но, похоже, Кейн не смог меня разбудить, решив отложить взбучку на попозже. Просыпаюсь я только на следующее утро, когда автоматически повсюду включается свет. Я все еще во вчерашней одежде и накрыта аж тремя одеялами, хотя обычно по летнему времени сама накрываюсь лишь одним. К стене надо мною прилеплена записка, в которой мой шинард великодушно сообщает, что оторвет мне голову завтра, то есть, выходит, уже сегодня, как только у него появится на это время.

Надеюсь, сегодня он будет очень занят, хотя он злопамятный и в такой случае припомнит мне вчерашнюю вылазку позже, в любой момент, когда ему будет удобно.

Лекс заявляется ко мне незадолго до обеденного времени, и волосы у него мокрые после душа. Я сижу на полу, сортируя стиранные носки, а он падает рядом на матрас, и что-то в него невнятно бурчит.

– Кейн тебе что-нибудь сделал по поводу вчерашнего? – интересуюсь я.

– Да нет, – Лекс приподнимает голову и кладет ее на бок, чтобы видеть меня. Царапины на его лице кажутся еще заметнее, чем вчера. – Не, поорал конечно, а сегодня заставил несколько часов изображать нападающего на тренировках

курсантов. Типа я набрасываюсь из засады на ничего не подозревающих мирно гуляющих стражей с бутафорским ножиком в руках. В итоге успел совершить наверное с сотню нападений на стражей правопорядка, такой вот маньяк-рекордсмен.

– Устал?

– Ой, да на этих хлюпиков даже лень нападать, вот у искателей нормальное пополнение было, ты видела. А эти что? Прямо даже за гильдию обидно, – ворчит он, помахивая согнутыми в коленях ногами. – Хотя притомился, и плечи ломит. – Лекс смотрит на меня примерно как Потап из своей сушилки.

– Хочешь помассирую?

Друг лукаво улыбается, так что я быстренько сажусь на него сверху и массирую ему плечи и спину. Вообще-то мне нравится это делать, если не слишком часто конечно, да и смотря кого.

– Ты еще не забыла про хранилище книг у отца Фелис? – спрашивает довольный Лекс.

– Куда он спрятал все книги про монстров подземелий? Да оно мне уже снится даже. Призывно. Только как бы нам туда попасть?

– Я все организовал, – заявляет друг, пока я мну его мышцы. – Сегодня ночью пойдем, готова?

– Да-а, – отвечаю не слишком уверенно, но почему собственно. Выспаться я выспалась, рабочий график догнала.

Просто я люблю все планировать заранее, но это мои проблемы.

– Я еще раз поговорил с Фелис, – рассказывает Лекс. – Хранилище – это просто отдельная комната в библиотеке, закрытая на простенький замок. Проблема попасть в самую библиотеку, но тут нам Фелис подсобит. Пойдем где-нибудь после полуночи через внутренние помещения, я все продумал.

Лекс действительно продумал все. Я только на выходе вспоминаю, что нам предстоит подниматься на двадцать пять уровней вверх в условиях, когда электричество отключено, и лифты не работают. По горизонтали нам перемещаться не слишком далеко, но вот этот подъем не осилить по лестнице никак. Лекс же уверенно идет по темным пустым внутренним коридорам, светя нам под ноги фонарем и явно знает, что делает.

– А как мы поднимемся? – беспечно пока что спрашиваю я, наслаждаясь покоем заснувшего Муравейника.

– На аварийном лифте, – говорит друг.

– А, – сомневаюсь, – их перемещения не отслеживают? Весь Муравейник по тревоге не поднимется, если мы его включим?

– Не должны.

Вот тьма, света мало, но по-моему по лицу Лекса пробежало что-то вроде недоумения.

– Ты не уверен?!

– Ну, а в чем в этом мире можно быть до конца уверенным?

Хм, в своей жизни я была много в чем уверена, но все мои уверенности на самом деле не оправдались. Что ж, увидим.

Аварийные лифты оказываются спрятаны в глубине помещений и даже сейчас подсвечиваются красноватым светом. Вызов кабины осуществляется без помощи идентификационной карты, что радует. По крайней мере, на данном этапе мы остаемся инкогнито. Лекс пожимает плечами и жмет на кнопку. Лифт скользит к нам почти бесшумно.

Перед нами кстати, кроме кнопки вызова есть и другие. На большой желтой написано слова «сирена», так что можно надеется, что она сама по себе все же не включится. Приободрившись, заходим в кабину, и Лекс сует в считыватель пустую карту, набирает номер этажа. Двери мягко закрываются и мы начинаем двигаться вверх.

– Вот видишь, а ты боялась, – стыдит меня Лекс, хотя и сам был до этого слегка напряжен. Кто ж знал, что все так просто – плохой знак?

На шестидесятом этаже мы продолжаем двигаться по извилистым коридорам и переходам, я стараюсь тренировки ради не терять себя на мысленной схеме помещений, хотя Лексу в этом плане полностью доверяю. Он останавливается явно раньше, чем нужно.

– Сначала заглянем сюда, – друг заворачивает в сторону

и ищет на стене неприметную дверцу, закрывающую доступ в техническую шахту.

– Что здесь? – Я вижу, как Лекс садится на корточки и, достав из кармана мультитул, начинает отворачивать винты на щите, блокирующем дверцу.

– Хочу обеспечить нам запасной путь отхода, – поясняет он, аккуратно складывая винтики себе в карман.

Понятное дело. Просто попасть по такой шахте в библиотеку мы не сможем – такие щиты можно снять только снаружи шахты. А вот выбраться оттуда у нас теперь есть возможность. Разобравшись со щитом, мы идем ко входу в библиотеку. Здесь Лекс снова запихивает в считыватель пустую карту. Как ни странно, она срабатывает – видимо Фелис успела перепрограммировать замок для нас. Надо же, какая умница – вот я не представляю, как это делается, в школьную программу такое не входит, так что невелика цена моим отличным отметкам на самом деле.

По металлической лестнице мы спускаемся в первый зал. Внутри библиотеки царит все та же уютная атмосфера; великое множество книг по всем областям знаний, пришедшим из множества разных миров, как будто приветливо встречают нас с открытых полок. Однако у нас на двоих всего один нормальный фонарик, так что приходится смиренно проходить мимо всех этих манящих стеллажей, не обращая внимания на выхватываемые из темноты названия секций. Ничего, впереди меня ждет самый лакомый раздел.

Но прежде всего Лекс находит такой же вход в техническую шахту, как мы обнаружили в коридоре, но тут он расположен высоко над полом и частично перекрывается одним из стеллажей.

– И тут у нас возникает проблема, – озабоченно говорит друг.

– Да ничего, он нам наверняка не понадобится, – нетерпеливо отвечаю я.

– Будем надеяться, – кивает Лекс. – Но, видимо, наша удача уже выдохлась и свалила.

– Пошли, – умоляю я.

– Сюда, – сориентировавшись, друг проходит несколько стеллажей в сторону и светит на дверь в стене между ними. Сначала он просто дергает за ручку, но дверь оказывается закрыта на старомодный механический замок. Такой не перепрограммируешь, и умолять его бесполезно.

– Сейчас вот удача бы мне не помешала, – Лекс со вздохом присаживается на корточки перед дверью и передает фонарик мне. – Увидишь эту дуру, сразу зови ее сюда. – Он достает из кармана мультитул и скрепку и начинает копать ими в замочной скважине. И дела у него идут, скажем так, не очень. – Легче было бы ее выбить на хрен, – ворчит друг, меняя положение.

Ну да, легче, но мы оба прекрасно понимаем, что так нельзя. Все же дверь сдается раньше, чем наши нервы.

Уже с меньшим энтузиазмом мы наконец прорываемся в

комнату, где находятся такие же стеллажи, что и в залах, но занимают они только часть помещения. Большую часть пространства отдана старой мебели, сложенной друг на дружку, но есть и свободный стол и потертый стул рядом. На столе стоит автономная лампа, которую Лекс сразу включает. Комнатка сразу становится вдвойне уютней. В противоположном конце комнатки есть еще одна дверь уже с электронным замком, но нам туда похоже не надо.

– Развлекайся! – предлагает друг с улыбкой.

Ага, у меня прямо сердце замирает от восторга, когда я иду вдоль стеллажа, читая надписи на потрепанных корешках книг. Некоторые так обветшали, что утратили корешки и просто подклеены картоном и клейкой лентой, но полагаю их тематика примерно соответствует соседним. Та полочка, на которой стоит толстый фолиант, озаглавленный «Монстры глубин» – явно то, что мне нужно для счастливой дальнейшей жизни без мук нереализованного любопытства.

Лекс предусмотрительно фотографирует полку на свой планшет, чтобы позже расставить все книги так, как они стоят сейчас, на случай, если у библиотекаря слишком хорошая память.

«Фантомы и призраки», «Жизнь без света», «Болезни подземелий», «Адское пламя» – я просматриваю все подряд за столом, а Лекс, сев прямо на пол, разглядывает картинки в «Монстрах».

– Жопа замерзла, – кричит он, поднимаясь, и кладет пе-

редо мной раскрытую книгу: – Это они?

«Пожиратели плоти» читаю я заголовок, а дальше идет статья про тех самых жучков, от которых у меня до сих пор мороз по коже. Я зябко кутаюсь в свою выдавшую виды кофту, которая внезапно перестала греть.

Собственно, малявки эти, оказывается, на удивление хорошо изучены, и описание в книге их жизни и поведения за обеденным столом дано крайне детально. Читать сейчас про них, когда они меня чуть не сожрали, не слишком приятно, но я радуюсь, что не знала всего этого раньше. А самое интересное в тексте – это то для чего их разводят. Да, именно разводят, скармливая трупы умерших в больницах Муравейника. А еще им строят «пристанища» – жуткие фигуры из скрепленных между собой настоящих человеческих костей, поставленные вертикально, дабы собрать в каждой «семье» достаточное количество этих жучков. Каждое такое семейство наслаивает свои специфические выделения и таким образом трудится над своими камешками, которые растут как сталагмиты в пещерах, где-то между ребер скелетов. Получившиеся образования имеют желтоватый цвет, поэтому их называют «золотыми сердцами». Они содержат редкие соединения, использующиеся в частности при создании «начинки» наших летающих машин. «Сердца» растут медленно, собираются раз в год и на рынке стоят очень дорого.

– Предположим, Стоув, – начал рассуждать Лекс, – благодаря щедрой наводке Материнского дерева, что бы оно из

себя не представляло, спустился вниз, обнаружил этих жуков, но, будучи умным парнем, не стал лезть, куда не просят, как некоторые, не будем показывать пальцем, а сначала разузнал все о них в этих книгах, понял, что такое золотое сердце можно выгодно загнать, затем разработал план как это сделать.

– Искатели были бы не в восторге от такого плана, – предполагаю я. – В конце года они не досчитались бы части добычи, которую ждут от них на предприятиях.

– Но не будем забывать о том, что книжка с планом оказалась у одного из искателей, который возможно со своим приятелем попытался его осуществить за спиной собственной гильдии и не преуспел.

– А потом гильдия в лице девушки, одним взглядом покорившей твое собственное сердце, – вредничаю я, – решила выловить тех, кто еще знал об этом плане, положив книжечку с ним на видное место под журнальчики с эротикой.

– Да, это было не красиво с их стороны, – Лекс задумчиво потер глаз. – Надо было взять журналы, а не дурацкую книжку.

– То есть вряд ли сама гильдия устранила Стоува, скорей уж эти его конкуренты по незаконной добыче минералов.

– Если не сами жуки. Как он умудрился выжить, если эти двое сдохли?

– Может ему реально дерево помогло? – делаю я безумное предположение.

– Да что ж тогда из себя представляет это дерево, если оно такое может?! – возмущается Лекс и с подозрением глядит на стену. А уж с каким подозрением оглядываюсь на нее я! Мне наконец вспоминается тот момент, когда мы неслись в раздолбанном поезде вместе с сектантом Литом, и на чудом сохранившемся терминале мы увидели своего преследователя. Тогда я была под действием таблетки, но это было очень странно даже для галлюцинации. Что если то, во что верят сектанты, имеет под собой реальные основания?

– Кажется, я слишком часто ударялся головой в этом году, – Лекс снова трет глаза. Он что, увидел что-то непонятное?

Отмахнувшись от моего вопросительного взгляда, он быстро фотографирует на планшет страницы из книги, касающиеся жуков, и начинает расставлять книги обратно на полку. Я гляжу на них с сожалением, но все не отфотографируешь, тем более что качество фотографий в полутьме получилось низким, едва что разобрать можно.

Наскоро приведя все в исходный порядок, мы глядим на комнатку в последний раз и затворяем за собой дверь. К счастью замок щелкает самостоятельно.

– Ура, а то я уж приготовился потратить на его запираение еще два часа своей никчемной жизни! – радуется Лекс. – Но раз уж у нас освободилось время, предлагаю заглянуть и в кабинет заведующего, бросить еще один заинтересованный взгляд на его коллекцию.

– Глянуть, есть ли там золотое сердце? – понятно усме-
хаюсь я.

– У меня такое чувство, что что-то такое я там видел.

Подойдя к двери в кабинет, Лекс глядит на еще один ме-
ханический замок уже с большим энтузиазмом.

– Ты не знаешь, с кем связался! – заявляет он замку. – У
меня знаешь какой опыт!

Лекс успевает передать мне фонарик, достать мултитул
и облизать губы. В этот момент мы слышим позади себя
какой-то странный шум. Очень-очень странный и неприят-
ный!

Во-первых, мы уже как-то привыкли к мысли, что во всей
библиотеке мы абсолютно одни, и что в принципе весь Му-
равейник сейчас спит сном праведника. Во-вторых, шум был
плохо идентифицируемый. Это не шаги, это не что-то упало,
не шум от, предположим, вентилятора. Какой-то клетот, что
ли.

Обернувшись, я провожу лучом фонарика по простран-
ству между стеллажами. Не то, чтобы я горю желанием уви-
деть того, кто такой шум производит, но надо. И мы, оцепе-
нев от ужаса, видим ЭТО! Оно выходит к нам неуклюжей
переваливающейся походкой, где-то всего метр ростом, но с
длинным опасно выглядящим клювом, подслеповато глядя
на нас через щелочки в двух огромных серых шарах. Чем-то
оно смахивает на...

– Птенчик?! – обалдело восклицает Лекс. – Вот это птен-

чик?!

– Что?! – непонимающе лепечу я.

– Фелис упомянула, что у нее есть любимая зверушка, которого она зовет Птенчиком.

– И он безобидный, да? – чуть истерично уточняю я. Вместо крылышков у птенчика две огромные клешни, и он заинтересованно шагает к нам, расставив их так, что в итоге занимает весь проем между рядами стеллажей.

– Не уверен, – говорит Лекс. – Она обещала его запереть. Хм. А полезай-ка ты на шкаф.

– Ка-как ты себе это представляешь? – Стеллажи же ни к чему не прикручены, свалятся нам на головы и все.

– Аккуратно, – Лекс поспешно стаскивает по несколько книг с полок и страхует меня, пока я лезу по ним наверх. Стараюсь сделать это как можно быстрее, хотя у меня ощущение, что стеллаж вот-вот опрокинется. Все же через несколько секунд я наверху, где дикая пылица, но сейчас это ерунда.

Лекс снова светит на подошедшего совсем близко птенчика и эксперимента ради протягивает ему одну из книг. Тот обхватывает ее клешней и перерубает на двое.

– Все ясно, – резюмирует Лекс и буквально взлетает наверх ко мне. Потом светит вниз.

Оставшийся без общения птенчик сначала крутит головой, будто не понимая, куда все делись, а потом поднимает голову. Взгляд через щелочки добрым не кажется.

– Будем надеяться, что он еще не научился летать, – про-

говаривает Лекс.

Он и не научился. Подняв клешни он хватается ими за полки. Сначала захват соскальзывает, как только птенчик пытается подтянуться, и на досках остаются глубокие борозды, но он быстро приноравливается и начинает карабкаться вверх. Медленно, но верно.

– О, нам конец, – хмыкает Лекс.

– Но он не очень шустрый, – шепчу я, уползая по верхам стеллажей. Оборачиваюсь, а птенчик то вошел во азарт. Лекс теперь светит вперед, куда я ползу, но судя во звукам, птенчик не хило ускорился.

Спрыгнув вниз, я дожидаюсь Лекса, пропускаю вперед и бегу за ним к выходу. И сюрпиз – фонарик высвечивает впереди, перекрывающую нам дорогу фигуру с клювом и расставленными клешнями.

– Он не один! – Лекс ругается, и схватив меня за руку, тащит назад и в сторону. За нами слышатся топот лапок, а с той стороны, где мы уже были, удар и шум сыплющихся на пол книг.

Бежим по соседнему проходу за пятнышком света от фонаря. Ничего страшного, преследователя мы слышим... нет не слышим. Книги резко выбрасываются из стеллажа прямо перед Лексом, и громадная клешня кидается к нему, он еле инстинктивно успевает отскочить, врезавшись плечом в стеллаж с другой стороны от прохода. Вторая защелкивается у него перед носом. Позади снова слышится топот лап. Дру-

гой птенчик проталкивается к нам сквозь полку, раскидывая книги в сторону. Клюв, перехватывает у меня из рук ту книгу, которой я собиралась засветить ему в глаз.

Лекс просочившись под бьющей по воздуху клешне, хватается за ее основание.

– Беги! – выдыхает он, прижимая птенчика к полке. Фонарик Лекса бьет ему по зубам из-за рывков пытающегося освободиться монстра, и светит куда-то вверх, так что я кидаюсь вперед в темноту. Что-то хватает меня сзади за одежду, прихватив заодно и кусочек меня. Я пинаю его ногой.

Снова бегу к выходу, а Лекс явно за мной, потому что снова вижу впереди себя пятно света от фонаря. Добравшись до двери, Лекс судорожно скармливает считывателю пустую карту. Выскакиваем наружу и я бью по кнопке, чтобы дверь скорей захлопнулась за нашими спинами.

Уже медленнее мы отходим к противоположной стене коридора. Пытаемся отдышаться и вспомнить, что натворили. По крайней мере один стеллаж повален, несколько книг повреждены и в одном месте следы побоища. И крови. У Лекса разбиты губы, но хоть зубы целы. У меня на спине вырван клочок и расплзается большое кровавое пятно.

– Может, никто не заметит, – хмыкает Лекс. – Больно?

– Нет вроде, – извернувшись, пытаюсь осмотреть рану. Лексу это сподручнее.

– Выглядит не очень, но жить будешь, – успокаивает меня он. – Если конечно они не ядовиты. Чем это они тебя?

Клешней или клювом?

– Ой, начинает болеть, – хныкаю я. Мы ускоремся в направлении лифтов, но по дороге я нехотя останавливаюсь. – Надо закрыть обратно наш запасной выход, – напоминаю я Лексу.

– Ну да, а я думал, что я такой предусмотрительный, – он с сожалением достает из кармана винтики от щита и идет ставить его обратно.

До своей каморки я добираюсь уже в полуобморочном от боли состоянии, но, думаю, вот сяду и получше будет, так нет. Лекс пытается аккуратно протереть мою ранку чистой тряпочкой, а мне кажется, что он копается у меня где-то во внутренностях.

– Ты уверен, что он меня просто оцарапал, а не отгрыз какой-нибудь орган? Почку например, – шепчу я, судорожно сжимая в ладонях край матраса, на котором сижу, и стараюсь не реветь. Хотя бы не в голос.

– Тут... чуть похуже, чем оцарапал, – признается Лекс. Мы включили автономную лампу, так что мне хорошо видно испуганное выражение его лица, украшенного нехилым рассеянием. Черт, ему и самому нехорошо, а еще со мной приходится возиться! – Правой почки я действительно не вижу. Впрочем, как и левой, так что это ни о чем не говорит, – заканчивает он со вздохом.

Я собираюсь с силами и ногой поддвигаю к себе корзинку

со списанными простынями, они чистые, стиранные, просто протерлись кое-где. Полагаю, бинтиков из них можно надевать и обвязать пострадавшую меня.

– Мне кажется, просто водичкой промыть тут не особенно поможет, предлагаю вломиться в медпункт, – Лекс отставляет тазик с забуревшей водой и собирается подняться, но я отчаянным жестом хватаюсь за него.

– Нет уж, больше никаких взломов! – взываю я. И с испугом пытаюсь вспомнить, а закрыли ли мы дверь на склад.

– Но если не взлом, то придется будить офицеров, что уже само по себе опасно для здоровья, – ворчит друг.

– Не, не, не, – от испуга у меня даже боль стихает. – Давай, сейчас просто ляжем наконец спать, а утром посмотрим.

– Если ты думаешь, что там само все пройдет, то... – Лекс не находит подходящих слов.

– Пару часиков поспим, а? – жалостливо гляжу я на него.

Друг все же с самым недовольным видом разрывает для меня простыню на полоски, так и не дождавшись, когда я смогу объяснить ему, где теоретически могут находиться ножницы. Обмотав меня излишним, пожалуй, количеством импровизированных бинтов, ложимся спать вместе в обнимку, потому что нервы не железные, и мы вообще дико устали.

Первый раз меня будит автоматически включившийся верхний свет. Но, пытаясь разлепить веки, я понимаю, что легче сдохнуть. Лекс, не приходя в сознание, обнимает меня

покрепче, и я снова проваливаюсь в сон.

Второй раз сознание пробуждает требовательный неприятный стук. Такое впечатление, что стучат мне прямо по голове. Пытаясь проснуться, я сначала просто мотаю головой, но это не слишком помогает. К тому же очень жарко. Словно все тело горит, даже лицо и выпроставшаяся из-под одеяла рука.

– Подъем!

Ужас какой! От звуков знакомого голоса глаза открываются мгновенно и даже удается с первого раза привстать на матрасе, чисто инстинктивно прижав к груди одеяло. За мною поднимается и невыспавшийся Лекс.

– С чего это вдруг такой разврат на рабочем месте? – интересуется стоящий возле входа Редженс.

Ну да. Ночнушку-то я вчера забыла одеть, едва от той одежды удалось избавиться, там уж не до хорошего было. Но я на самом деле не совсем голая, да и Лекс мне как брат. Единственное с чем не поспоришь так это то, что на рабочем месте фактически.

Немигающий взгляд серых глаз Редженса как обычно несет с собой пронизывающий холод. Равновероятно, что он взбешен или безразличен. Одновременно его лицо не выражает ничего и очень многое. Словно все его эмоции зашифрованы или я одна никак не могу их прочесть? В любом случае я не могу от него оторваться и смотрю как кролик на удава. Лекс же ругается шепотом прикрывая ладонью нижнюю

часть лица.

Редженс в несколько шагов пересекает комнату и отбросив его руку, хватает его за подбородок, поворачивая его лицо к себе. А посмотреть там есть на что. Рассечение при хорошем освещении выглядит еще хуже, да и царапины от шипов ручного монстра искателей никуда не делись.

– Это откуда? – жестко спрашивает офицер.

Мы с Лексом смущенно переглядываемся. Можно, конечно, сказать, что снова упал, но другу приходит в голову версия попикантнее.

– А это мы с ней вчера поругались, а потом помирились, – выдает он то, что объясняет в принципе всю сцену разом, включая бардак в комнатке, который мы вчера в потемках сотворили. Отличная версия, но черт!.. Я пытаюсь спрятаться под одеялом и исчезнуть.

Тихонечко сдохнуть от стыда мне не дают, резко выдернув одеяло из моих слабых ручек. Ладонь Редженса зачем-то ложится мне на лоб.

– К врачу! Оба! Живо! – командует офицер. Он отходит от нас, и мы уже почти с облегчением выдыхаем, но он от выхода оборачивается: – Сейчас!

Когда мы, быстро одевшись, вылетаем наружу (я ускоренно выползаю по стеночке), занятия у курсантов уже начались и все офицеры, соответственно находятся при деле. Нас никто не контролирует, так что можно было и не спешить так.

– И чего Редженс приперся нас будить? – Лекс сладко потягивается. Благо нас не слышит никто. – И часто он к тебе заглядывает?

– Никогда! – отпираюсь я. – Ну кроме пары случаев...

– Тогда чего он сегодня у тебя забыл?

– Да я вообще не в курсе! Что нам делать-то теперь?! – Я в изнеможении опускаюсь прямо на пол, прислонившись спиной к стене. Спать хочу! А лучше сдохнуть!

– Очевидно, идти к врачу, – говорит Лекс. – Потому что ты сейчас выглядишь такой... уставшей.

Может и надо бы, но как представлю себе этот кошмар, так думаю, а на фига это все? Забраться бы сейчас обратно в постельку и ни о чем не думать. Ну помру, так помру.

– Не хочу, – заявляю я капризно.

– А придется.

– Знаю, но все равно не хочу.

– Тебя хоть чудовище из подземелий понадкусывало, что не так обидно, а я сам себе морду разбил. – Лекс расслаблено прислоняется плечом к стене, но сам на всякий случай следит за выходами из аудиторий. – Мы даже можем подняться на шестидесятый, там не так уж и отстойно.

– Представляешь, какой за неотстойно нам счет выставят? Мы не сможем его оплатить, его пошлют Кейну и он нас убьет. Зачем лишние телодвижения совершать?

– Значит, пойдем в местную больницу, – Лекс решительно поднимает меня с пола и тащит к выходу. – Пошли, пошли,

выспаться в очереди успеешь.

Я действительно успеваю выспаться в очереди, уткнувшись носом Лексу в плечо, и лучше бы вообще не просыпалась. Когда мы вваливаемся в смотровую – сразу вдвоем для моральной поддержки друг друга – на нас нападают сразу три представителя медицинской гильдии и никто из них не знает, что с нами делать. Еще бы! У одного из них за плечами фактически только школьный курс биологии, у второго уже есть дополнительные знания, но их недостаточно, у третьего их вроде бы достаточно, но он не готов их так прямо сразу применить. В такой теплой компании ждем настоящего врача, который и знает, и готов, а поэтому взмыленный носится между смотровыми, пытаясь помочь сразу всем.

– О, тьма! Вы что с монстрами подземелий подрались?! – почти мгновенно догадывается добравшийся к нам доктор.

Вот что значит опыт! Мы в ступоре молчим, но от нас и не ждут никакого ответа. Врач быстро приводит нас в порядок, не без помощи благоговейно взирающей на него троицы, и так быстро выскакивает из кабинета, что кажется просто растворяется в воздухе.

– Вам повезло, что он сегодня дежурит, – говорит один из медиков, отчего-то шепотом.

И правда, я уже чувствую себя намного лучше и вылетаю на платформу с максимальной скоростью, возможной для прохождения забитых страждущими коридоров. Своих де-

нег нам хватило даже на те таблеточки, которые нам без особых объяснений всучили перед выходом. Затем в нас пробуждается совесть и мы идем навестить сестру Стоува. Она находится у себя на месте практики, но сидит в подсобке, в которую категорически нельзя заходить посторонним. Впрочем, мы уже зашли.

Комнатка небольшая и частично завалена товаром. Стелла сидит в одиночестве за столиком, покрытым куцей клеенкой и держит в руке чашку с остывшим чаем.

– К родителям стражи приходили, отдали им смартфон Стоува, – говорит она, не глядя на нас. – Нашли его в белом секторе, понимаете?

Не совсем. Белый сектор – это не цельная часть Муравейника, а все территории, по тем или иным причинам оказавшиеся поврежденными и до определенных мероприятий по восстановлению не пригодные для какой-либо деятельности. На схемах эти места отображаются сплошным белым цветом, отсюда и название. Мало ли где это может быть. Единственное ограничение – это явно над уровнем земли.

– И что там было в телефоне? Или стража все почистила, – заинтересовался Лекс.

– Все на месте, и фотографии и сообщения, записи звонков – все, – Стелла пытается сдерживаться, но ее глаза увлажняются. – Хоть что-то у нас от него осталось. Последнее сообщение было для Фелис. Ни слова про его планы в подземельях, лишь написал, что любит. Ответного сообще-

ния не было.

– А странных сообщений каких-нибудь не нашлось? Например, только с адресом?

– Ничего непонятного, ничего от неизвестных нам адресатов, – девушка отрицательно качает головой. – По нему приняли официальное решение, больше его искать не будут, – трагически заключает она.

– А по-конкретнее они не сказали, где именно нашли устройство? – уточняет Лекс.

– Нет, – Стелла стучит ногтями по кружке, заметно, что слой лака на них кое-где облупился. – Боятся, что мы сами туда пойдем, будем расспрашивать, попадем в неприятности, – говорит она с уменьшающейся громкостью. – Вам тоже нужно перестать искать, – эти слова девушка произносит уже практически шепотом.

– Да, похоже на то.

Мы не рискуем сказать ей что-то еще. Даже если мы будем пытаться искать дальше, Стоува это не вернет, он скорее всего мертв и ей пора начать смиряться с этой ситуацией. Неопределенность сказывается на ней очень плохо. Можно еще долго рассуждать об этом, я же просто надеюсь, что мы правильно поступаем.

– Я написал Фелис, пока мы сидели в очереди, – вводит меня в курс дела Лекс, пока мы возвращаемся обратно в учебку. – Она не злится на то, что мы устроили в библиотеке, даже наоборот извинялась за своих зверушек.

– А как отреагировал ее отец на этот бардак? – беспокоюсь я.

– Он не догадался о том, что в библиотеку нагрянули ночные гости. Решил, что птенчики гонялись друг за другом.

– Отрадно слышать, а то ведь мы там наследили по-крупному. Стража легко вычислила бы, кто туда вломился, как и зачем.

– А еще они бы посворачивали головы самим птенчикам. На то, чтобы вот так вот содержать у себя монстров подземелий, нужно заручиться кучей разрешений, и вряд ли их выдали бы обычному библиотекарю. Какого демона? Чтоб он ими свои книжки сторожил? От кого?

– Тогда как они вообще к ним попали?

– Да запросто. Предположим, маленькие забавные птенчики поднялись с мамой на ночную вылазку в верхний мир. Мамаша надышалась волшебным воздухом свободы, а потом на заплетающихся ногах сошла обратно в душные адские глубины, смутно догадываясь, что что-то забыла. А потом жалостливая одинокая девчушка нашла малышей, грустно свесивших лапки с края платформы, которые не смогли быстренько спланировать к себе домой, обнаружив, что по некоторому недоразумению у них вместо практичных крыльев идиотские клешни. Зато потом они поняли, что могут бегать по библиотеке и щипать ими запозднившихся читателей, и им стало не так грустно.

– Хорошая теория, – улыбаюсь я. – По крайней мере я уже

не чувствую себя такой виноватой. Мы же развлекли малышей.

– И даже оставили им лакомый кусочек из твоей спины.

Снаружи идет сильный дождь. У нас внутри это можно определить по тому, как шумят трубы, но лучше всего наслаждаться им с платформы. Дождь приносит с собой ощущение свежести и этот неповторимый запах. Однако долго так не постоишь, надо и поработать в кои то веки.

Ристика сегодня вызвалась помочь мне перестелить постели и действует она очень споро, напевая на ходу. Таким образом с работой разбираемся довольно быстро, хотя мне все еще больно нагибаться.

У половины курсантов в данный момент занятие в зале, они снова бродят там в шлемах виртуальной реальности, но не все сразу. Часть наблюдает за происходящим, и часть этой части успешно разделяет свое внимание между товарищами и порхающей по спальням девушкой. Офицеры порываются на них время от времени, но без толку. Заканчиваем мы на втором ярусе, где к нам присоединяется Лекс, и мы втроем подходим к ограждению, чтобы также понаблюдать за происходящим внизу.

О том, что видят курсанты мы можем только догадываться, но часть обстановки символически отображают расставленные по залу стулья и набивные мячи из спортзала. Свежие трупы, отработка действий при обнаружении которых, входит в задачу курсантов, мы видим как лежащие на полу

манекены.

Как на зло вскоре наступает очередь Мина и он, надевая шлем, о-очень недобро глядит на нас снизу. Не знает он, что тот, кто изволил плевать в него в прошлый раз, в этот раз стоит прямо рядом с ним и уже не представляет опасности. По крайней мере, в этом смысле.

Беднягу Мина аж передергивает, когда он понимает, что труп, который ему предстоит обнаружить, в реальном мире находится прямо под тем местом, где стоит наша троица. Довольный совпадением Лекс чуть ли не машет ему сверху. Опуская забрало шлема, Мин делает нечеткий жест, как будто перерезает горло, должно быть полагая, что заметить это и правильно истолковать должны только мы. На самом деле веселится по этому поводу половина собравшихся. Прямо нутром чувствую, что сейчас что-нибудь нехорошее произойдет. Да все этого ждут.

Включая самого Мина. Наверное поэтому, подойдя к «труп», он неожиданно поскальзывается неизвестно на чем и падает, причем не абы как, а аккуратно лицом в живот «труп».

Зал взрывается хохотом, кто-то даже аплодирует. Покрасневший от ярости Мин подскакивает и, сорвав с себя шлем, замахивается этим дорогим оборудованием, собираясь то ли шарахнуть им об пол то ли метнуть в Лекса, но подоспевший Кейн вырывает его у него из рук. Затем он пинком отправляет Мина в сторону остывать. А пинать он умеет, хотя как

далеко улетел от этого Мин, нам не видно.

– Курсант, выходной у вас отменяется, – доводит до его сведения надзирающий старший офицер.

Мне уже даже как-то жаль Мина, хотя и понимаю, что за свои неудачи он со всей яростью потом обрушится на нас. Тем не менее мне неприятно и не хочется следить за всем дальше. Подхватив свою корзинку, пробираюсь к прачечной, не дожидаясь пока народ разойдется.

Через полчаса, когда у курсантов идет свободное время на самостоятельную подготовку, я иду помогать Ристике с уборкой, а Лекс соответственно ей с ней мешать. Когда мы втроем заходим в одну из аудиторий, там как раз пусто. Лекс оставляет у входа ведра с водой, которые притащил для нас, а сам забирается на парту с ногами. Я берусь за тряпку, Ристика за веник.

– Да ладно, чего их там так тщательно протирать, – комментирует девушка, поскольку я действительно сильно торможу возле полок с книгами. – К ним все равно никто не подходит.

Заметно, что никто, хотя, казалось бы, пока у курсантов нет планшетов, чтобы читать книги и пособия в электронном виде, их бумажные аналоги должны бы быть достаточно популярны, но нет. Криминалистика вообще стоит новенькая, зато в плотном саване из пыли. Полагаю, никто не заметит, если я ненадолго позаимствую один экземплярчик.

– А это у тебя случайно не тот волшебный цветочек, ко-

торый исполняет желания? – спрашивает Лекс, зачарованно глядя, как этот цветочек метет пол.

Дело в том, что самодельная юбочка у Ристики собрана из разноцветных пришитых к поясу лепестков, сработанных из полупрозрачной материи, и видимо отсылает к сказке, в которой при отрывании каждого лепестка загадывалось одно желание.

– О, у вас на нулевом были те же сказки, что и у нас? – восторженно восклицает девушка.

– Не в таком варианте, – Лекс с большим удовольствием рассматривает цветочек, – но этот даже интереснее.

Ристика, помахивая веником настолько сексуально, насколько это вообще возможно, подходит к Лексу и, когда я в очередной раз поднимаю взгляд от пыльных полок, они уже самозабвенно целуются. Что ж, вполне разумно сейчас с подметанием пола притормозить, так как на полках такие залежи, что к тому моменту как я их всех стряхну, пыль с пола можно будет лопатами собирать.

– Как твои успехи в изучении искусства ублажения женщин? – любопытствует Ристика, оторвавшись от губ моего товарища, но продолжая прижиматься к нему другими частями тела.

– Хорошо, но практики не хватает, – непрозрачно намекает Лекс.

– Могу помочь ее обеспечить, – мурлыкает девушка. – У нас договоренность с девчонками, когда кто занимает ком-

нату.

Они снова сливаются в четырехрукое чудовище, и в этот момент распахивается дверь в аудиторию. Ожидаю, что нашу парочку сейчас шуганут отсюда решившие расположиться здесь курсанты, но несколько секунд никто внутрь не заходит. Тем не менее на пороге кто-то стоит, и даже не представляю, кого могло бы так надолго ошеломить открывшееся зрелище.

– Заходи не стесняйся, – помогает ему определиться Лекс.

В комнату входит Мин, в руках у него стопка тетрадок с оторванными обложками. Вид у него озлобленный и потерянный. Прежде чем что-то сказать, он затворяет за собой дверь.

– Что ты забыла в компании с этими вонючими нулевыми? – выплевывает Мин каждое слово.

Ристика хитро улыбается, не отстранившись от Лекса ни на сантиметр.

– Слышала, тебя можно поздравить с новой кличкой.

Бедный Мин еще больше скукоживается, голова уходит в плечи. Он смотрит на них исподлобья.

– А я пропустил, – удивляется Лекс, продолжая обнимать девушку. – Это с какой?

– Опарыш, – хихикает Ристика.

– Метко! Редкая кликуха, – восхищается Лекс, – с такой легко можно войти в историю! Про тебя теперь даже песни слагать будут, как их там называют? Баллады? Например,

баллада под названием «Опарыш и 100 кг несвежего мяса» или «Опарыш и вздувшиеся вены».

Лекс успевает приподнять Ристика и перенести ее в сторону, с линии, по которой к нему несется взбешенный Мин. Сам он не успевает даже спрыгнуть с парты, так что рухает на пол вместе с ней. Мин едва удержавшись, чтобы не упасть самому, бьет его ногой по голове. Второй раз не успевает, Лекс перехватывает ее и выворачивает, так что Мин резко валится спиной на ножки лежащей парты.

Ристика верещит не хуже пожарной сирены, от возбуждения подпрыгивая на месте, но и в сторону не отходя. Ребята же, и так уже с трудом поднявшись, начинают месить друг друга с таким остервенением, которого, пожалуй, раньше не было. Разнять их теперь может разве что Кирилл, но он, насколько я знаю, находится в тире на другой стороне бездны, так что первым явно не прибежит.

Пока есть такая возможность, я быстренько выливаю на сцепившихся парней ведро с подготовленной для мытья полов водой. Эффект от такого душа сам по себе небольшой, но они хотя бы на секунду отвлекаются друг от друга и замечают, что в дверях появились любопытные физиономии других курсантов. Когда сквозь них проталкивается один из старших офицеров, с громким окриком «в стороны!», наши уже стоят на ногах в паре метров друг от друга, мокрые и злые, я держу в руках швабру, а Ристика затыкает себе рот сразу обеими ладонями.

– Что здесь происходит?! – с раздражением спрашивает офицер, хотя, судя по взгляду, уже и сам успел оценить открывшуюся перед ним постбатальную сцену.

– Пол моем, – говорю я, потому что все остальные молчат. Еще несколько секунд стоит полная тишина, пока офицер, еще раз оглядев побитые лица участников уборки, не выдает:

– А можно потише?!

Скомандовав курсантам разойтись, он уходит и через несколько секунд мы снова остаемся наедине со своими проблемами. Стоим, оценивая про себя открывшиеся перспективы. Первым отмирает Мин.

– Убью тебя! – шипит он гневно. Сжав руки в кулаки, он делает неверный шаг по направлению к Лексу, и я, испугавшись, что все начнется сначала, и уж на этот раз надзирающий офицер не будет столь лоялен, пихаю его в плечо концом швабры.

– Наубивался уже! – пишу я, как самая настоящая жалкая мышь, зато бешеная и тем опасная. – Мало тебе неприятностей?

Мин отступает, и злобно молчит на нас секунд пять, собираясь с мыслями.

– Я вам всем это еще припомню! – выплевывает он и выбегает за дверь.

– Эй, это между нами, девчонок не вмешивай! – восклицает Лекс ему в спину, но Мин на это никак не реагирует.

– Вот, тьма! – Лекс дико расстроен, хотя Ристика и бро-

сается его обнимать.

В день перед выходным я стараюсь сделать как можно больше. Мы не обсуждали с Лексом наши дальнейшие шаги, но хочу быть готовой к активным действиям. Таким образом, встаю с побудкой, забиваю на завтрак и фактически за пол дня разделяюсь почти со всеми хлопотами.

Не знаю, что мне там дали за таблетки, но отсутствующий в спине кусочек плоти меня больше болями не мучает. Что-таки меня бесит так это носки, а именно каждодневное раскладывание их по бесчисленным стопочкам. Они мне уже снятся. Танго белого носка – наиболее часто посещающий меня ночной кошмар. Сначала носки чинно благородно танцуют по прачечной, самостоятельно разбившись на пары, но потом – хлоп – и происходит моментальная смена партнеров, без какой-либо явной закономерности. Они перемешиваются, склеиваются или с противным хихиканьем вылетают в вентиляцию или ныряют в сток. Это уже не говоря о дырках на пятках и носках, которыми они пытаются кусаться словно жуткими беззубыми ртами.

В реальности я собираю этих уставших от жизни, списанных в запас драных товарищей в отдельную корзинку, собираясь позже набить ими мешок и превратить его в носочного монстра, который уже ответит разом за всех.

Когда после обеда изможденная Кейт заходит ко мне в камеру, я как раз занимаюсь этим неприятным делом, сидя

на полу и раскладывая носки по парам. Потап сидит на краю коробки с зимними ботинками и молча наблюдает, чтобы я не ошиблась.

– Зря я выбрала эту тупую гильдию! – подруга со стоном, в который вложила всю мощь своего экзистенциального кризиса, падает на матрас. – Они долбанутые! Больные на всю голову, причем каждый, – она дополняет слова резкими жестами. Ей явно пригодилось бы пнуть моего носочного монстра, но он еще не готов.

– Опять Кейн с Редженсом достают?

– Достают, но к ним я уже привыкла, – отрывисто и злобно проговаривает Кейт. – Это просто чудовищно, – сменив гнев на усталое отчаяние, она зарывается лицом в скомканное одеяло, и, судя по звукам, она в него немного плачет. Так, это уже серьезно.

– Мин против тебя курсантов настраивает? – делаю еще одну попытку догадаться.

– Да не знаю, – Кейт все-таки поднимается и переходит в сидячее положение. Выглядит она забитой и потерянной, и такое состояние крайне далеко от ее обычного. – Нас сегодня возили в центр исполнения наказаний, – убитым голосом начинает рассказывать она. – Показывали, что делают с людьми, совершившими преступления. Я не знаю, как можно там работать, – она качает головой, отгоняя назойливые воспоминания. – Пытки, крики, все эти озлобленные ужасные существа в обличье людей, получающие истинный

кайф от мучений других. Даже не пытайся себе представить! Ты бы не выдержала такого зрелища. Хруст ломающихся костей! – Кейт зажимает себе уши, словно слышит его сейчас.

Да уж, ничего такого я себе представлять не хочу. Мне вида тех обглоданных трупов хватит на всю жизнь. К тому же то сделали монстры, а тут люди – вдвойне страшно.

– Потом нас привели в зал, где были выставлено все их... оборудование для истязаний, – продолжает Кейт, – и нам предложили попробовать все это на себе! Ну ни хрена себе, да? Совсем ума лишились! А эти придурки... ну сначала-то все смущенно хихикали, примеряли кандалы и так далее, но потом все больше стали входить в раж и началось такое, – Кейт всхлипнула и поспешно стерла со щеки потекшую слезу. – Старшие офицеры демонстративно вышли, а младшие сами чокнутые, ты же знаешь! Если б не Кирилл, без увечий не обошлось бы. И что за обучение такое?! Тьма их всех побери... И самое жуткое, ведь нормальные люди с виду, разговариваешь с ними, ешь за одним столом, а сегодня в них словно демоны вселились!

– Жутко, – соглашаюсь я. Действительно хорошо, что я ничего из этого не видела, и Кейт не дает мне конкретного описания их поступков. В противном случае не знаю, как я могла бы на них смотреть и уж тем более дальше обслуживать.

– Я бы не смогла там работать. Делать такое с другими людьми, – с отвращением признает Кейт, – меня тошнит от

всего этого!

– Ну тебе ведь не придется, да?

– Нам все время твердят, что наша конкретная стезя будет зависеть от набранных за время обучения баллов. А я набираю их с большим трудом, мне тут тяжелее всех, ты знаешь почему, – сердито отвечает Кейт. – К тому же сегодня все видели мою реакцию... – она глубоко вдыхает и выдыхает, пытаясь успокоиться. – Если я окажусь на этом поприще, высоко мне никогда не продвинуться. Закончу свои дни в общежитии, – кукуется подруга, – да еще среди этих мразей полоумных и постоянных насмешек.

– Еще ничего не решено. Ты пока и сама прекрасно справляешься, а потом, глядишь, и Лекс уговорит офицершу выдать бывшую кличку Кейна.

– И думаешь эти двое выполнят свое обещание? Они уж найдут, как повернуть все против меня.

Какое-то время мы сидим, размышляя, что еще, кроме усердной учебы, Кейт может противопоставить намерениям своих недоброжелателей, но ничего разумного на ум не приходит. Тем не менее подруга не спешит возвращаться к остальным. Лекс, на авантюры которого все еще остаются некоторые надежды, заходит к нам чуть позже. Вид у него злой и помятый.

– Ты тоже здесь, – говорит он, увидев Кейт, и переводит мрачный взгляд на меня, – замечательно, комнатка полная скорби.

В принципе, правильное замечание. Мы все трое в подавленном настроении и жалкий видок друг друга радости не добавляет. Даже Потап нос повесил, опасно зависнув на краю коробки.

– А с тобой что? – интересуется Кейт с усталым вздохом.

– Со мной-то как раз ничего, – сердито отвечает Лекс, аккуратно растягиваясь все на том же матрасе. – Это у твоих товарищей по играм окончательно крышка съехала.

Устроившись-таки поудобней он рассказывает, чем на этот раз отличились некоторые известные нам курсанты по возвращении с экскурсии на «фабрику боли». Это Кейт сначала ревела в туалете, а потом пришла за моральной поддержкой сюда, а вот Мин с сокурсниками воспылали энтузиазмом и все это время искали себе приключений. А точнее говоря, беспомощную жертву, о которую можно было бы безнаказанно почесать кулаки. Перемежая слова истовой бранью, Лекс описывает сцену, разыгравшуюся в итоге неподалеку от учебки. Возвращаясь с посылкой для главнюка, он увидел, что аж четверо курсантов докопались до одного пожилого алкоголика с нулевого, который забрался повыше и попрошайничал. Они, поколачивая его ногами и выданными недавно хлыстами, заставили его встать на колени и повторять за ними всякие оскорбляющие его гадости. Лекс же как-то пытаться объяснить им, в чем они не правы, не стал, с ходу зарядив ближайшему курсанту в ухо, а выхваченный прямо из рук Мина казенный хлыст зашвырнув в бак с водой.

Курсанты бой не приняли, что, собственно, больше всего и злит нашего друга в данной ситуации. Накинувшись на него всем скопом, что по всей видимости было оговорено заранее, они скрутили его, а уж потом, пока трое удерживали его, Мин оттянулся наконец, избивая Лекса хлыстом одного из своих товарищей.

– Одно радует, – в конце речи голова нашего общего друга оказывается у Кейт на коленях, – этот надменный червяк начисто забыл о своей потонувшей палочке. А даже, когда вспомнит, то он все равно не сможет достать ее из воды, потому что благодаря своему говнистому характеру будет все время всплывать!

– Хорошо, только он не червяк, а личинка, – поправляет Кейт, поглаживая его по волосам. – Опарыш – это же личинка.

– Верно, он замершая в развитии личинка человека! Молодец, что поправила.

– Смотри-ка, они сползлись в одно место! – Воскликает Кейн, первым заходя в мою каморку, которая по совершенно неясным причинам становится все более популярной. Мы все трое вздрагиваем, я прицельно, чтобы случайно садануть локтем по коробке, на которой сидит Потап. Он, тут же поняв намек, ныряет головой вперед за мою спину. Лекс переходит в сидячее положение.

Редженс появляется вслед за своим закадычным дружкой, обводит нас полным презрения взглядом.

– Вам что, заняться больше нечем? Собрались понуть в три горла? – спрашивает он едко.

Если б его оскорбительное предположение не было б верным, можно было бы обидеться, но увы. Меня лично еще крайне волнует местоположение Потапа. Если офицеры его увидят будет совсем неудобно. Заведя руку за спину, я пытаюсь его незаметно нащупать.

– Надо полагать, твой завтрашний доклад уже полностью подготовлен, – Редженс сосредотачивает свое давящее внимание на опухшей от недавних слез Кейт, – раз ты сочла возможным потратить час времени самостоятельной подготовки на то, чтобы распускать нюни в компании приятелей.

– Разрешите идти? – Кейт подскакивает с места излишне поспешно.

– А тебе, – как только она вылетает за дверь, внимание Редженса переходит к Лексу, – пора вернуть Опарышу часть его экипировки, которую, по его утверждению «черти в бездну унесли».

– Так я с этими чертями не знаком, – пытается возражать Лекс, которому конечно же не слишком хочется барахтаться в холодной воде, да еще и разыскивая вещь Мина, которая, казалось бы так удачно потерялась.

– Но если ты в ближайшее время с ними не познакомишься, то с тобой близко познакомятся все товарищи потерянной экипировки, – обещает Редженс.

– Прямо все? – недоверчиво уточняет Лекс.

– Специально всех соберем, чтобы прогнать сквозь строй одного охамевшего щенка, – поясняет Редженс и потом, поскольку Лекс даже после этого не подхватывается выполнять приказ, добавляет: – Разрешаю идти.

– Вот паскудство! – ворчит Лекс все же поднимаясь на ноги. – То есть благодарю покорно. – Едва успев разминуться с назидательным пинком от Кейна, он все-таки уходит.

Больше офицерам некого разгонять и можно им уже и освободить малюсенькое помещение, где теперь не осталось ничего интересного. Даже Потапа я тряпочкой успела прикрыть. Однако Редженс остается и снисходительно смотрит на меня сверху вниз.

– Ну а ты?

– А я свою работу уже выполнила, – сообщаю я, кивая на строй стопочек белых носков по пять пар в каждой. Хотя, если подумать, надо бы придумать себе какое-нибудь дело, пока...

– Отлично, – коротко реагирует Редженс и протягивает мне открытую ладонь. Это зачем?

Посомневавшись – офицер при этом терпеливо ждет – я все-таки вкладываю свою ладонь в его и как в замедленной съемке вижу, как его пальцы смыкаются вокруг нее. Он поднимает меня с пола и выводит в большой зал, где намечается некое мероприятие.

Курсанты – та часть, для которой организуется это занятие в виртуальной реальности – заканчивают таскать мебель,

расставляя ее по разметке на полу. Затем выстраиваются в линию. Старший офицер проходит вдоль строя с каким-то устройством в руках, по-видимому, проверяя как работает экипировка курсантов, в которую они обряжены на этот раз с ног до головы, а не только шлемы и наручи как раньше. Пока я с любопытством за этим наблюдаю, Редженс хватается за руки и стягивает их за спиной. Вот теперь время испугаться по-настоящему! Тем более памятуя о рассказах друзей!

Кейн со стуком ставит рядом со мной стул и сажает меня на него.

– Этот не готов! – заявляет старший офицер, остановившийся возле одного из курсантов. Последний торопливо пытается застегнуть наруч. – Заменить!

– Но я... – расстроено мямлит курсант.

– Выйти из строя! – не дает ему договорить Редженс, заглушив своим голосом его попытку оправдаться.

– Нулевая, на замену! – выкрикивает из аудитории Кейт другой офицер. Подруга выскакивает в зал и бежит одевать экипировку. Не понимаю, в чем смысл такой замены. Уж закрепить одну деталь всяко быстрее, чем одеть все полностью. Разве что, офицеры запланировали очередную подлянку в адрес Кейт. Как бы то ни было все терпеливо ждут, когда она приготовится и присоединится к остальным курсантам.

Затем Кейн надевает мне на голову такой же тяжелый шлем как у остальных, и у меня возникает такое чувство словно я нырнула под воду. Через несколько секунд я вдруг

обнаруживаю себя сидящей совсем в другом помещении. Это очевидно склад с нагромождениями контейнеров, между которых прячется группа вооруженных лиц в масках. Я сижу на стуле и один из этих бандитов стоит позади меня, положив ладонь мне на плечо. Это должен быть Кейн. Кто из этих людей Редженс, я тоже могу предположить. Видимо, я у них что-то типа заложника, вот только я в этой реальности выгляжу очень странно. Глянув вниз, вижу на себе кукольное платье постельных цветов с длинной юбкой, корсетом и объемными рукавами, подозрительно похожее на одежду принцессы из какого-нибудь мультика. Мои удобные ботинки трансформировались в туфельки на высоком каблуке и с бантиками на носках. Боюсь представить, что у меня на голове.

Вскоре в отдалении слышатся выкрики вроде «стража Муравейника!», «сложить оружие» и «все на пол», потом начинается перестрелка. Люди теньями скользят между контейнерами. Стволы так грохочут, что очень тянет упасть на пол и забиться куда-нибудь подальше, заткнув уши руками, но руки связаны за спиной и похоже просто прикручены к спинке стула. Дергаясь от каждого близкого выстрела, я сжимаюсь в комочек и жду, когда уже это все закончится, но заканчивается это сильнейшей болью и потемнением в глазах.

В себя я прихожу от длинного неприятного сигнала, раздавшегося надо мной. Темнота уходит, и я вижу на себе огромное кровавое пятно, напрочь испортившее и без того

жутковатое платье. К его цветовой гамме вообще не подходит.

– Вы заложника пристрелили, – поясняет Редженс для тех, кто не понял. – Заново.

Стражи опускают оружие, выпрямляются или встают убитые с пола и зажав свои быстро затягивающиеся раны бредут обратно ко входу на склад.

– Не хочу быть принцессой, – бурчу я, еще не отошедшая от шока своей внезапной смерти.

– Хорошо, – раздается надо мной. Вообще-то, я не хотела, чтобы меня кто-нибудь услышал, случайно вслух вырвалось. Я поднимаю голову и оборачиваюсь, насколько получается, но бандит рядом со мной такой же безликий как и остальные. Только по комплекции можно догадаться, что там все еще стоит Кейн. Глазами нахожу того бандита, который предположительно Редженс, потом снова смотрю на себя, и мое платье действительно изменилось. На мне колготки в сеточку и черный корсет, одетый сразу поверх нижнего белья.

А дальше все повторяется: крики, грохот, беготня. Но на сей раз громкие звуки меня не настолько выбивают из колеи, чтобы не следить за происходящим, и на каком-то этапе я замечаю Кейт, потихонечку пробирающуюся видимо в тыл к противнику. В отличии от офицеров, играющих бандитов, курсантов можно не только идентифицировать, но и увидеть выражение их лиц, поймать сосредоточенный на задаче взгляд. И вот, когда я вижу Кейт, ко мне приходит мысль ей

немного помочь. В конце концов мне по роли положено же, все честно. Так что я пытаюсь бандитов немножко отвлечь, покачнувшись и грохнувшись на пол вместе со стулом. Судя по раздавшейся ругани, мой маневр хотя бы частично, но удался.

Взволнованный возглас «стража Муравейника!» раздаётся позади секунд через десять. Извернувшись, я вижу с пола как Редженс вздрагивает и поднимает руки, как бы обескураженно оборачиваясь назад. Также недоуменно замирают и другие бандиты. Это все было бы приятно видеть, но в последнюю секунду дуло пистолета наводится на невидимую для меня Кейт и раздаётся выстрел. Я слышу вскрик, и становится ясно, что и теперь дополнительных баллов подруга не получит.

Потап по своему обыкновению располагается внутри одной из стиральных машин, а я встаю на выходе со склада, наблюдая, как после завтрака один за другим покидают учебку курсанты. Сегодня у них выходной, а значит форма одежды свободная, что делает примелькавшиеся уже лица мало узнаваемыми. Каждый тащит на своем горбу набитый рюкзак, предположу, что конспектами. Вот и Кейт вместе с группой своих товарищей уходит зубрить на Солнечную террасу, на которую они записались заранее. Все вместе, то есть нашей троицей, мы позже пойдем к Мэй, но запись на посещение психушки у нас аж на поздний вечер.

Разглядывая проходящие мимо нестройные ряды будущих стражей, я прежде всего высматриваю Мина. Помнится, ему пообещали отсутствие сегодняшнего выходного в связи с досадным инцидентом падения лицом в учебный труп, таким образом он будет находиться весь день где-то здесь, и мне хотелось бы знать, где именно. Но на данный момент мне его еще не удалось увидеть даже в столовой. Должно быть, торчит где-нибудь в укромном месте в ожидании, пока его ехидные сокурсники не свалят отсюда, и строит дальнейшие планы мести. Нам конечно. Если мы с Лексом никуда не пойдем, надо будет запереться на складе изнутри и сидеть тихо как мышка.

Когда вокруг становится совсем тихо и безлюдно, я уже совсем было собираюсь пасть духом и последовать собственному решению, но наконец появляется Лекс – неожиданно запрыгивает в дверной проем, пугая меня до чертиков.

– Все чисто, маньяки-садисты рассосались, пошли я покажу какую прикольную штуку у них нашел! – выпаливает он на одном дыхании.

– А дежурный офицер не будет против? – шепотом уточняю я, тащась за ним, потому что он уже выскочил в зал, ухватившись за шлевку на моих брюках.

– Нет, он заперся от нас в игровой и вполне счастлив, – не понижая голоса информирует друг.

– А Мин?

– В спальне и если он не спрятал под матрасом еще пару-тройку своих прихлебателей, то... в принципе начхать на его присутствие!

Лекс затаскивает меня в аудиторию, где обычно проходят занятия для младших офицеров, и заботливо усаживает меня на один из стульев, неровно расставленных перед большим экраном на стене. Сам он устраивается за преподавательским столом и принимается там шуровать на терминале. Экран загорается, на нем с большой скоростью начинают мелькать картинки.

– Вот, – говорит Лекс глубокомысленно.

Я тщетно пытаюсь понять, на что мы смотрим, и когда уже собираюсь возмутиться, картинка наконец останавлива-

ется. Перед нами явно схема одного из уровней Муравейника, Лекс увеличивает участок, на котором находится большое белое пятно.

– Вот, – повторяется Лекс. – Стелла нам этого не сказала, но стража могла перестать поиски Стоува, если решила, что он спрыгнул. Я как раз случайно проходил мимо, когда у них была лекция про места, популярные у самоубийц, вот это одно из них. Белый сектор и ниже тридцатого уровня, то есть Стоув мог туда добраться самостоятельно, используя только свой доступ.

– Только этот вариант?

– Нет, есть еще один. Ща.

Лекс какое-то время ищет свой второй вариант, пока я в отдельном окне имею возможность рассмотреть первый. Это крупное белое пятно, затронувшее много помещений и часть платформы на углу и переход в соседний блок. Судя по цифрам, это семнадцатый уровень, напротив расположены склады. Рядом – бар и игровые автоматы, а с другой стороны офис социальной службы.

– Вот, – снова говорит Лекс, ставя на экране оба варианта белых зон рядом. Вторая поменьше и повыше, рядом детский сад и представительство гильдии фуражиров.

– Мне первый вариант больше нравится, – говорю я.

– Да, со вторым как-то тухло, может я перепутал чего, – неуверенно смотрит на экран Лекс.

– А там у тебя нет каких-нибудь пояснений к схеме?

– Хм, смотри сама, – щедро предлагает Лекс, подпуская меня к терминалу. А там действительно все очень круто. Можно щелкнуть по каждому объекту и появится сноска, в разных режимах разная. Куча информации, и пока я в ней радостно плаваю, Лекс хватает со стола степлер и кидается им в кого-то, появившегося в дверном проеме. Я вижу все это краем глаза. Когда поворачиваюсь, дверь уже захлопывается.

– Что скажешь? – как ни в чем не бывало интересуется моим мнением Лекс.

– Э, – сообразив, что вряд ли друг запустил степлером в офицера, я мысленно возвращаюсь к нашим делам. – Первый вариант удобнее. Здесь отмечено много выходов. Кроме того, окружение такое, что особо никто не обратит внимания, кто мимо шастает.

– Можно обтяпать какое-нибудь дельце, а не только счета с жизнью свести.

– Точно.

– Значит, надо будет навестить этот бар, – в дверь снова пытается кто-то войти, так что Лекс быстро сворачивает окна и выключает терминал. – Хотя Кейн и запретил тебе ходить по таким местам. Или он обоим запретил?

Отчего-то заевшая дверь все же отворяется и в комнату входит Крис. Удивленно оглядывает помещение и спрашивает:

– Чего тут у вас?

– Ничего, а ты чего приперся? – вполне дружелюбно интересуется Лекс.

– Да я ж на дежурстве, – ухмыляется Крис. – А тут Мин снова с помятой рожей. Иди, говорит, посмотри, что там творится.

– Мы тут творимся, – пожимает плечами друг, как будто так и надо.

– В терминал не лезете? – с подозрением прищуривается Крис.

– Он запаролен, – с абсолютной честностью отвечает Лекс.

– Вот пусть таким и остается, – строго напутствует нас Крис и уходит.

– Как скажешь, – со вздохом произносит друг и снова поворачивается ко мне. – А сейчас предлагаю затуситься в клуб. Помнишь, я говорил тебе, что намечается бой с одним из монстров подземелий? А я заодно поспрашиваю народ, не скупает ли кто всякие нелегально добытые камушки. Ты же можешь поискать кого-нибудь из своих сектантов и выяснить у них, был ли все-таки Весельчак сам вхож в их маленькую тусовку или нет.

Только потому, что в этот раз мы решаем добираться до известного нам спуска на минус первый немного иначе, на первом уровне мы встречаем Стеллу. Она также не ожидает нас увидеть, но заметив издали, первая бежит к нам. Тепло обнимает как родных.

– Это я вас перед клубом перехватила, да? – весело интересуется девушка.

Выглядит она совсем по-другому и явно одета для какой-то тусовки. Корсет, ажурные колготки с короткой атласной юбочкой, голые плечи осыпаны блестками, а волосы закручены в такие кудряшки, что прическа кажется непомерно объемной. Уж не говоря о том, что она находится в нехарактерном для себя радостном возбуждении.

– Я все еще не готова спуститься еще ниже, – Стелла косятся на пол под нашими ногами, – но я над этим работаю. Здесь я уже почти как дома. Мы с подругами присмотрели здесь один клубешник, – она указывает на дверь, возле которой испуганно жмутся друг к другу еще трое разодетых девушек, – но они открываются только через три часа. А ты чего-то совсем грустно выглядишь, – Стелла нервно хватается меня за руки. – Пойдем, сделаем тебе нормальную прическу и мейкап, а то даже как-то неудобно. Я все оплачу, ведь вы для меня так много сделали! К тому же в том салоне у меня нехилая скидка! Сейчас только своих предупрежу! – Вернув мне ненадолго мои верхние конечности, Стелла упархивает к своим подружкам, на которых пялятся все проходящие мимо, что очень даже можно понять – приделались они не для этого уровня. Девушки трогательно держатся друг за дружку и стараются не встречаться ни с кем взглядом. Ничего не смущает только саму Стеллу, она резко жестикулирует и хочет.

В общем, я в ужасе, Лекс растерян.

– У нее что, истерика? – предполагает он, склонившись к моему уху.

– Может она хотела как-то облегчить свои страдания по брагу и использовала что-то не то?

– Короче сходи с ней, успокой как сможешь, – он наклоняется еще ближе, – и уговори не ходить в этот клуб.

– Неужели, здесь проходят еще более разнузданные мероприятия чем внизу?

– Да, нет, все гораздо приличнее. Тут всего лишь собираются поклонники вампирской тематики, но уж больно эти девки аппетитно выглядят. Пусть лучше со своими шейками и кружавчиками на дискотеку сходят, на двадцать третьем уровне, например. Ристика говорила, что там очень миленько. Надоест танцевать, рядом мультики показывают и есть фитобар. – С последним словом он толкает меня в объятия возвращающейся Стеллы, так что мне хана, а сам Лекс сваливает смотреть бои с монстрами. Еще и нагло рукой машет на прощание.

После путешествия в дебри двадцать седьмого уровня мы со Стеллой и ее группой поддержки, которая заметно воспряла духом, входим в зал салона красоты, разделенный пластиковыми перегородками на отсеки как магазинчики в торговых центрах. Посередине широкого коридора между ними стоят диванчики и стойки с журналами. Все конечно недо-

рогое и старое, но удобство здесь своим клиентам создать явно постарались. В некоторой степени радует глаз множество растений, хотя они и не живые, по крайней мере большинство, и не очень хорошего качества.

Все тут знают друг друга, по-новой обмениваются приветствиями, хотя встречались тут уже сегодня и совсем недавно, да и в целом атмосфера такая сладко-дружелюбная. Остальные девушки тут же находят чем заняться, а Стелла отводит меня к мастеру, которая несильно старше нас обеих, но у той, по ее словам, неизмеримый талантище. У меня при виде этого талантища ноги подгибаются. Не то, чтобы у нее какая-то особо вычурная внешность, но я то с собой вообще ничего делать не хочу!

Еле отвоевав свое право на заурядность, я все-таки соглашаюсь на минимальное вмешательство в надежде, что меня выпустят отсюда живой. Сначала разнообразные действия производят с моими волосами. После этого другой мастер малюет мне новое лицо. Все это время Стелла сидит рядом со мной и болтает без умолку, при этом к теме исчезновения Стоува не подбирается даже близко.

– Пока мы жили с отцом, все было иначе, – делится она. – Последние шесть лет его апартаменты располагаются на семьдесят шестом уровне, и два года назад он взял четвертого агбрата. У нас было весело и каждые выходные мы ходили куда-нибудь, и часто всей толпой! Или просто в кино, или на концерты, спортивные состязания, в интерактивные

музеи. Но больше всего мне нравились виртуальные квесты, в одном из них мы плавали в открытом море! Представляешь коралловый риф, стайки ярких рыбок! Правда, когда мы после этого пошли в настоящий бассейн, оказалось, что при плавании ощущаешь не совсем то, что в симуляторе. Я наглоталась воды и это было просто мерзко! Стоув так смеялся, – Стелла делает паузу, прогоняя невольные воспоминания о брате. – Здесь внизу совсем иначе с развлечениями. Да и со всем остальным. – На секунду став грустной, она затем снова улыбается. – Вчера вечером мы ходили в кино на двадцать третьем. Оказалось, что это всего лишь широкоэкранный телевизор, а зрителей посадили перед ним на полу. – Она смеется, прикрывая рот ладонью, зато глаза как будто на мокром месте. – Мы словно снова оказались в детском садике! В довершении рядом продавали сок в маленьких пакетиках! Или сок или очень плохое пиво! – Стелла хохочет.

– А это не там, где рядом танцпол и фитобар находятся? – интересуюсь я, вспоминая инструкции Лекса.

– Ага. Только от фитобара одно название! Всего три наименования травяных чаев и все то же гадкое пиво! А освещение какое! И запах жженой резины – он вообще откуда?

Короче говоря, предложенный Лексом вариант – не вариант. И как же мне теперь ее от спусков вниз-то отговорить? Она заговаривает об этом сама.

– А у вас на нулевом что-нибудь интересное есть?

– Есть. Фабрики, склады, пункт разгрузки поездов со сво-

бодных территорий. Романтика. Но я все же посоветовала бы тебе смотреть вверх, а не вниз.

– Что ты имеешь в виду? – хмурится Стелла.

– Зачем тебе спускаться вниз? – неосторожно спрашиваю я. Очень неудобно говорить с ней, когда вокруг мечется третий посторонний и постоянно трогает мое лицо.

То есть я, конечно, понимаю, что поглядеть на самые нижние и подземные уровни очень интересно, особенно если не надо оставаться там жить, и я помню свои ощущения от спуска, но у самой Стеллы для этого совсем другие резоны, и, боюсь, вина там не на последнем месте.

– Я должна, – действительно вырывается у нее. Она осекается и смотрит на свою подругу – мастера, которая делает мне макияж. Та, без особой охоты, но все так же дружелюбно, как и все здесь ведут себя, заканчивает со мной и поворачивает к зеркалу.

– Ну как?

– Потрясающе, – неискренне говорю я, не узнавая себя в отражении. Стелла поспешно расплачивается и мы выходим из секции, отходя в сторонку ото всех.

Ни одна из нас не знает, как продолжить разговор, но обеим понятно, о чем мы молчим. Так и мнемся на месте с минутой или две.

– Стоув не захотел бы, чтобы ты подвергала себя опасности, – говорю я, так и не найдя нужных слов.

– Я знаю, – у Стеллы наконец прорываются слезы, и она

аккуратно вытирает глаза. – Но что еще я могу для него сделать? Уже поздно вообще что-то делать, знаю, но меня не было рядом с ним, когда он нуждался в помощи. Он даже не понимал, что я бы все для него сделала, если бы он только попросил, в лепешку бы расшиблась! Но он этого не знал. Кем мы были друг для друга? Просто людьми, выросшими рядом, пути которых разошлись, когда для этого пришло время. Все детство мы играли, шутили друг над другом, смеялись, просто проводили досуг. Близкие люди, но... Он не видел во мне человека, с которым можно было бы поделиться любой проблемой, обратиться за поддержкой. Вот он и умер один. Он не смог получить Фелис, отчаялся и покончил со всем, не понимая, что у него всегда был и будет родной человек, который любит его! Он даже не подумал обо мне! И кто в этом виноват, если не я сама?!

Мои жизненные обстоятельства во многом отличаются от жизни Стеллы и другой молодежи, выросшей в когардах верхних уровней, но мне очень хочется понять ее. Всю свою жизнь они с братом принадлежали к одному кругу, к тому, что в некоторых мирах называют семьей. Они считались самыми близкими родными людьми. А потом вдруг одновременно произошло отделение их друг от друга, все связи принудительно оказались разорваны. Они все еще родственники, но формально вдруг перестали быть своими людьми. Отдалились и в итоге потеряли друг друга. Это должно быть действительно чудовищное чувство.

Спускаюсь в подземный клуб, когда все самое интересное уже явно закончилось, хотя я не особо жалею об этом. Из бойцов никого не видно, и возвышение для важных персон опустело. Большая клетка в центре зала также пуста, только подозрительные пятна поблескивают внутри нее в свете прожекторов. Не знаю, обошлось ли сегодня без отрывания «деталек», но толпа вокруг как-то подозрительно перевозбуждена.

Стараясь высмотреть какого-нибудь из сектантов или найти Лекса, я прохожу чуть в глубину зала, борясь с желанием зажать уши руками. Громкая музыка бьет по ним молотком, а блуждающие пятна малинового, красного и синего света выхватывают из полутьмы искаженные словно в предсмертной судороге лица дергающихся в танце людей. В душном помещении нестерпимо воняет чем-то приторно-сладким, ну и потом.

У меня такое чувство, что пропустила я не только бой с монстром, но и газовую атаку, причем распылили газ не боевого, а крышесносного назначения. А может бой и вовсе отменили, потому что никто на него не смотрел. Или потому что зверюга, с которой бойцам предстояло драться, сдохла раньше времени от удушающей смеси запахов: химии и сотни утанцевавшихся до умопомрачения тел. Хотя людей сейчас на самом деле не так много и можно было бы спокойно дойти, скажем, до бара, если бы меня то и дело не пыта-

лись ухватить чьи-нибудь шаловливые ручки. Я продираюсь сквозь них, как сквозь заросли колючки, пытаюсь не оставить в них клоки собственных волос, которые после посещения салона красоты не предусмотрительно оставила распущенными.

Добравшись до стены, ощущаю себя в более-менее безопасности, но, боюсь это ненадолго. Отчего-то я сегодня устаиваюсь слишком большого внимания, пьяные и пустые взгляды не скользят мимо, а запинаются на мне и вот уже несколько человек за каким-то фиггом чешут ко мне сквозь толпу. Грешу только на макияж, который разительно изменил мою внешность. Но мне прямо сейчас от него никак не удастся избавиться – не умываться же по-кошачьи собственной лапой – так что решаю двигаться и таким образом как-то избежать нежелательных знакомств, неумолимо надвигающихся на меня со всех сторон.

Вроде бы счастливо миновав своих загонщиков, потерявших меня из виду и вроде бы переключившихся на другие цели, я кое-как прорываюсь вперед, старательно мониторя окружающую обстановку и случайно с размаху напарываюсь на совершенно чистый вмняемый взгляд. От неожиданности забываю отвести свой.

Чертов вездесущий Кейн стоит и внимательно вглядывается в мое лицо и мог бы наверное меня и не узнать, если б я так четко не продемонстрировала узнавание и не остановилась в ступоре всего в нескольких метрах от него. Опомнив-

шись, я делаю слабую попытку раствориться в редкой толпе, но он как коршун, бросившийся на добычу, моментально преодолевает эти несчастные метры и рывком поворачивает обратно лицом к себе.

– Что это ты, Мышатина, задумала? – рычит он мне на ухо, одной рукой прижимая меня к себе. Другую руку он запускает мне в волосы и, ухватившись, оттягивает голову назад, разглядывая с каким-то странным интересом.

– Ничего, – лепечу я, стараясь не думать о том, к чему меня, собственно прижали. Так неловко. И куда только мне свои руки деть? В стремлении не касаться его поднимаю их выше, как будто сдаюсь.

– Ну это мы сейчас выясним! – обещает Кейн хрипло и легким усилием закидывает мою тушку себе на плечо. Вот так еще более неловко. В полной прострации я замираю, пока он тащит меня куда-то, а потом, когда он проходит мимо возвышения рядом с клеткой, я как-то не особо отдавая себе отчет, что же я такое делаю, хватаю с этого возвышения оставленный там кем-то стакан. Внутри еще осталось немного какого-то темного пойла, но по большей части там один лед. Его я и закидываю Кейну за шиворот.

Рубашка на нем не форменная и довольно узкая, так что лед вытряхиваться из-под нее совсем не спешит. Но хотя, судя по всего-то тихому рычанию, особого дискомфорта Кейн не ощущает, все же он опрометчиво ставит меня обратно на пол и быстрым движением освобождается от освежающего

прикосновения. А дальше его пальцы ловят воздух – я рухаю на пол и моментально оказываюсь под ступенчатой конструкцией, где вообще-то довольно мало места, но мышь я в конце концов или нет? Кейну же здесь точно не пробраться. Быстро-быстро заползаю поглубже, но даже не представляю что же делать дальше. Попытаться вылезти с какой-то другой стороны и скрыться в толпе? А шансы? Могу выползти прямо на Кейна, а даже если нет, все это возвышение не настолько большое, он преодолет его за считанные секунды где бы не находился сейчас.

Пальцы левой руки вдруг нашаривают неровность в полу, а за нею пустоту. Люк! Так и не включив фонарик, я подтягиваюсь к нему и соскальзываю вниз. Хуже все равно не будет.

Приземляюсь я на твердую поверхность, которая находится не так уж глубоко. Подбитая после прошлого спрыгивания пятка даже не очень сильно возмущается по этому поводу. Прежде чем куда-то двинуться, включаю свой маленький фонарик и правильно делаю.

Оказывается, я спрыгнула на крышу подъемника. Внутри него закреплена еще одна клетка, наступив на запор в двери которой, мне удастся аккуратно и без повреждений спуститься на пол зала минус второго уровня.

Слабого света едва хватает, чтобы ни на что не наткнуться в окружающей меня темноте. С опаской шагая вперед, я вожу фонариком по сторонам. Светлое пятнышко падает на пересечения металлических прутьев, бродит по ним, и начи-

нает казаться, что я попала в бесконечный лабиринт из решеток. В поисках выхода я отхожу все дальше от подъемника и от шума, доносящегося сверху из клуба, и темнота позади решеток постепенно как бы оживает. Я все отчетливей слышу возню и чье-то дыхание, но по-прежнему никого не вижу.

Приблизительно сориентировавшись в просторном помещении, добираюсь до стены, где уровнем выше, помню, находится выход на платформу. Но там он прикрыт лишь занавесом, здесь же луч фонарика упирается в металлическую дверь. По кусочкам освещая ее, стараюсь понять как можно было бы ее открыть, при этом явственно ощущаю движение позади себя. Там явно ходит какой-то крупный зверь и мое присутствие похоже беспокоит его намного больше, чем остальных обитателей лабиринта из многочисленных клеток за моей спиной.

Обнаруживаю считывающее устройство сбоку от двери, но такого я раньше не видела, и, боюсь, моя карта к нему не подойдет, даже если я решусь ее использовать. Таким образом можно уверенно заключить, что у меня большие проблемы. Крупные неприятности.

Зверь за моей спиной нервно реагирует на начавшуюся у меня панику. Он рычит и бьется о решетку. Я его не вижу, но в ужасе вжимаюсь в стену, желая одновременно и бежать и не отходить от с трудом найденного выхода, хотя мне через него никак и не выйти.

Смутно вспоминаю что-то на счет того, что чудовища под-

земелий могут распознавать страх и реагируют на него. Судорожно пытаюсь унять эмоции, хотя бы потому что они словно придают зверю сил, и клетка, в которой он находится, дребезжит все сильнее.

Толку может от этого и никакого, но я хочу увидеть его. Хотя страхи во мне еще не окончательно улеглись, все же делаю несколько шагов к клетке, поднимая фонарь. Зверь в клетке тут же замирает, как будто удовлетворившись произведенным впечатлением. Его глаза дают оранжевый отблик и, кажется, взглядом протыкают насквозь. Тяжелый внимательный взгляд.

Зверь не уходит вглубь клетки. Он сидит на задних лапах, положив передние с длинными почти человеческими пальцами на решетку. В таком положении он почти одного со мной роста. Весь покрыт короткой и густой угольно-черной шерстью, включая вытянутую морду. Никакой агрессии в нем больше нет, только беспокойство осталось.

С минуту мы согласно рассматриваем друг друга, оба постепенно успокаиваясь. Потом зверь поворачивает свою большую массивную голову, чуть раскрыв пасть, и пальцем указывает куда-то в том же направлении. Я перевожу луч света туда.

Неподалеку стоит большая канистра с водой, к которой прикреплен шланг. Предположив, что зверь просто хочет пить, просовываю конец этого шланга сквозь решетку и открываю вентиль. И он действительно с видимым удоволь-

ствием начинает по-собачьи пить хлещущую из шланга воду, только чуть придерживая его одной рукой. Да, передние лапы у него действительно очень похожи на человеческие руки с противопоставленным большим пальцем, а вот задние вполне себе собачьи.

Пока зверь утоляет жажду, я снова подхожу к канистре, на которой лежит большой пульт. Когда я беру его в руки, то перестаю слышать характерный плеск. Посмотрев обратно на клетку, встречаюсь взглядом с ее узником и тот начинает с энтузиазмом мне кивать. Может, мне кажется, но на его морде я вижу вполне себе человеческие эмоции.

Без колебаний я отыскиваю на клетке номер на слегка погнутой табличке и, выставив его на пульте, разблокирую дверцу. Наружу зверь выходит сам, щелкнув замком и отворив дверцу. Двигается он уже на всех четырех лапах, и именно в этом движении видно на сколько он на самом деле мощный и ловкий. Красивый.

Когда он грациозно подходит ко мне, страха больше не возникает. Поздно уже, сама выпустила. Хотя зверь такой огромный и явно находится здесь для боев, со своей мощной мускулатурой, развитой челюстью с опасными клыками и страшными острыми когтищами на лапах, но шерсть такая... прямо руки тянутся. Его теплое дыхание касается меня. Зубы перехватывают мою руку и тянут в сторону. Несколько секунд я торможу, прежде чем понять чего он от меня хочет.

Карабкаюсь ему на спину, обхватывая толстую шею рука-

ми. Пахнет от него... плохо. Ну а как можно пахнуть после длительного заключения?

Когда зверь снова приходит в движение, я сосредотачиваюсь лишь на том, чтобы удерживаться на его спине, освещать дорогу уже не получается, но ему это и не нужно. В темноте он как дома. Можно было бы задаться вопросом, почему же у его вида зрение не атрофировалось за ненужностью, ведь эти существа вынуждены по идее жить в вечной тьме, однако некогда. Зверь взмывает куда-то вверх, прыжок, еще прыжок, и он проламывается сквозь что-то наружу. Вскоре мы уже выбираемся на платформу, где он без промедления бежит к самому краю и снова прыжок. Неужели в самую бездну?!

Не успеваю как следует испугаться. Не знаю, за что он там умудрился зацепиться, но он в два прыжка оказывается на уровень выше, совсем недалеко от того места, где освещенный лампочками висит канат.

У меня едва хватает силы воли, чтобы расцепить руки и освободить от своих судорожных объятий его шею. Слезаю с его спины и пытаюсь что-нибудь сказать. Но слова ему конечно же не нужны. Он в последний раз смотрит на меня говорящим взглядом и снова исчезает в бездне.

От избытка эмоций я бы с удовольствием упала где-нибудь в сторонке, но, боюсь, на истерику у меня просто нет времени. Подбегаю к канату и ползу наверх. Кейна не видно, может быть он все еще караулит меня у того возвышения,

маскирующего люк вниз, а может уже давно плюнул на это дело. В любом случае, здесь меня никто не ловит, то есть я вроде как счастливо сбежала от Кейна и меня никто не поймал на незаконном спуске на подземные уровни, только вот теперь что? Какой в этом побеге был смысл? Мне все равно теперь возвращаться фактически к нему, больше-то некуда. Разве что диапазон того, что он теперь может мне сделать, несколько уменьшился. Не убьет же он меня прямо в учебке стражей? И вряд ли он расскажет о том, что я нарушила закон, ведь он его тоже нарушил. В целом, жить еще как-то можно. С такими мыслями я возвращаюсь на тридцать пятый.

В учебном блоке, когда я возвращаюсь в него, по-прежнему тихо и безлюдно. Судя по часам, время едва перевалило за обеденное. Собираюсь быстренько добраться до склада и, может быть, даже закрыться там изнутри, но на пол пути слышу ускоряющиеся шаги за спиной. Не трата время, чтобы обернуться и посмотреть, кто там, сразу перехожу на бег в надежде успеть скрыться за спасительной дверью, и мне не хватает всего пары секунд. Кто-то вцепляется мне в волосы, чуть не выдрав приличный клочок. Приходится остановиться, чтобы не остаться без них.

– Попалась! – победно восклицает Мин, выкручивая мне руку. Одновременно продолжая дергать меня за волосы, он тащит меня куда-то в сторону.

– У тебя опять будут неприятности, – напоминаю я, вынужденно перебирая ногами в заданном направлении, хотя двигаться таким образом очень неудобно. Я не вижу куда иду, уже не говоря о том, что каждый шаг отдается болью.

– И кто мне их устроит? Ты что ли? – самоуверенно интересуется Мин.

– Камера, – срывающимся голосом пишу я.

Мин на секунду останавливается и нагло смотрит прямо на висящую над нами камеру видеонаблюдения.

– Не надейся, я ее выключил, – информирует он самодовольно. – И другие тоже. А неприятности будут у того балбеса, который должен сейчас за нами следить, а вместо этого устроил себе развлекаловку в комнате отдыха.

Через пару минут Мин вталкивает меня в другой большой зал, в котором раньше я никогда не была. Почти все огромное пространство здесь перегорожено решетками и разнообразными конструкциями и все сооружение похоже на адский лабиринт, приподнятый над полом метра на полтора. Таким образом внизу, под все этим, можно, хоть и пригибаясь, но спокойно ходить.

– Это лабиринт препятствий – тренажер такой, – поясняет Мин, удерживая меня теперь только за локоть. Незанятой рукой он вынимает из крепления пистолет и наводит дуло на меня. – Сначала, я хотел вставить мозги только Лексу, но он мой посыл не понял и продолжает борзеть. Так что теперь я подойду к решению проблемы вашей тупой компашки с

другой стороны. Скажи за это спасибо своему другу! Лезь туда!

Мин толкает меня к сооружению. Вообще-то вход в него находится примерно в двух метрах над полом и как туда предполагается забираться не понятно. Не знаю как в этом может помочь поставленный вертикально деревянный щит, но больше ничего рядом нет.

Я с недоумением оглядываюсь обратно на Мина. Если он хочет, чтобы я как-то подтянулась до входа на руках, то это мертвый номер.

– Сделаем так, – с противной ухмылкой проговаривает Мин, – я дам тебе фору в двадцать секунд. Успеешь выбраться из лабиринта раньше меня – твое счастье. Но если нет, это будет уроком для всех вас, вонючих нулевых! – выплевывает он злорадно, в уме уже явно смакуя, что он там со мной собирается сделать.

– А не пошел бы ты... – сердито выпаливаю я, но Мин без дальнейших слов целится мне в ногу и нажимает на курок.

Снаряд ударяет меня в бедро. Шок от осознания того, что он вообще в меня выстрелил – мне до конца не верилось, что он это сделает – быстро сменяется дикой разрывающей болью. Ощущения примерно такие же как при попадании пули в симуляции боя, но интенсивнее и моментально не проходят.

Из глаз начинают предательски литься слезы, лишая меня последней возможности сохранить жалкие крупички гор-

дости. Зажав ладонью раненый кусочек собственной плоти, я наконец понимаю, что пистолет в руках у Мина тренировочный, и ранение мое далеко не настолько серьезно, чтобы тут реветь, однако ни на какие разумные уговоры мой организм не реагирует.

– Девятнадцать, восемнадцать... – отсчитывает Мин. Мой взгляд затуманен, и я не вижу выражения его лица, но могу представить.

Боясь, что он выстрелит снова, я все же иду на приступ лабиринта. Подпрыгнув, я дотягиваюсь до входа и повисаю на руках. Подтянуться у меня не получается даже со страху, ноги скользят по доскам, не находя опоры, и я падаю на пол.

– Время почти вышло, – ехидно уведомляет Мин между отсчетами.

Я не смотрю на него, смотрю на щит. Между некоторыми досками есть небольшое расстояние, но в него точно не вклинить тупые носы ботинок. Скидываю их, и снова подпрыгиваю, хватаюсь пальцами за верхний край щита. Ноги в носках быстро обнаруживают малую опору и мне удается кое-как вытолкнуть себя наверх. Когда я с трудом полностью забираюсь на лежащую наверху решетку, Мин уже заканчивает счет.

– Я иду за тобой! – предупреждает он радостно, и мне хочется остановиться, дождаться, когда его башка появится в проеме между решетками лабиринта, и со всей дури садануть по ней кулаком. Однако в следующую секунду по-

нимаю, что я все еще не настолько зла, чтобы решиться на такую вольность, так что вскакиваю и начинаю карабкаться дальше. Вариант передо мной всего один – наклонная лесенка со складывающимися под моим весом ступеньками. Собственно, нужно всего лишь двигаться достаточно быстро, или упадешь куда-то вниз, а что там я даже не смотрю. Подгоняемая страхом, я быстро преодолеваю это препятствие, потом следующее из вертикальных столбиков. Нужно держать равновесие и не слишком спешить, аккуратно переставляя ноги. Следом идет черед подвесных мостиков и ступенек, все раскачивается и нужно понять, куда стоит двигаться дальше. Они приводят к разным узким ходам между решетками, и хотя вроде бы лабиринт просматривается на некоторое расстояние, все эти бесчисленные прутья сливаются и практически невозможно проследить, куда ведут эти пути – вверх, вниз, назад или вообще в тупик.

В какой-то момент мы с Мином подходим вплотную друг к другу и нас разделяет единственная решетка.

– Я совсем рядом, Мышка, – говорит он ослабившись. Я показываю ему язык и спешу дальше. Он торопится в другую сторону.

Дальше передо мной либо подъем по лесенке еще выше, либо спуск по трубе. Пытаюсь рассмотреть сквозь прутья, что там внизу – не выход ли – но это сложно сказать. Слева от трубы какая-то конструкция из дерева. Решившись, я ныряю в эту трубу головой вперед, немного проезжаю, потом

приходится подтаскивать себя руками.

И вот я в самом низу лабиринта, ближе к противоположной от входа стороне зала. Ниже, в полутора метрах от решетки, на которой я стою, уже каменный пол, и если бы я могла просочиться сквозь жалкую преграду, все было бы кончено. Однако ячейки этой нижней решетки, хотя и существенно шире, чем у остальных, но это лишь доставляет дискомфорт ступням. Сквозь них можно просунуть руку, но не более. Никакого люка рядом тоже не видно.

С этого места, на котором я застопорилась, можно либо подняться обратно по трубе, либо попытаться пробраться через коридор со стенами из досок. Пол коридора представляет собой невысокий деревянным помост, не внушающий никакого доверия. Полагаю, наступать на него не стоит. Можно было бы перебраться, цепляясь за решетку наверху и перенося вес с одной руки на другую, но это не мой вариант. Силенок не хватит.

Подцепив боковую стенку помоста, я отодвигаю ее и заглядываю внутрь этого деревянного короба. Рассмотреть толком не успеваю, но там внутри некий механизм. Полагаю, если наступить на помост сверху, нога просто провалится и возможно застрянет. Тут-то мне конец и придет.

Возвращаться обратно по трубе опасно, но, боюсь, это мой единственный шанс. Стараясь больше не мешкать, я поворачиваюсь к ней и натываюсь взглядом на злобно ухмыляющегося Мина. Он стоит всего в нескольких шагах от меня, и в

первый момент я не замечаю, что между нами все же находится спасительная решетка.

Ну что же ты дальше не идешь? – спрашивает он противным голосом. – Я же жду тебя.

Кое-как справившись с нахлынувшим на меня ужасом, я почти уверенно шагаю вперед к нему. Вход в трубу совсем рядом от решетки, но он не сможет даже дотронуться до меня. Я могу проскользнуть у него прямо под носом, и он ничего не сможет со мной сделать. Разве что снова выстрелить, но новый удар можно и пережить. Надо просто сделать это.

Собравшись, делаю еще шаг, но Мин, победно глядя мне в глаза, пропускает пальцы сквозь ячейки и с некоторым усилием отодвигает чертову решетку в сторону.

– Сюрприз! – ухмыляется он.

Это действительно сюрприз. Настолько шокирующе неожиданно, что какая-то часть меня – наверное та, что способна думать и принимать осмысленные решения – удаляется или падает в обморок, оставляя меня бессмысленно пятиться на Мина и по чуть-чуть пятиться от него назад.

Впрочем, далеко мне все равно не уйти, но он следует за мной, а потом резко пихает ногой в бедро. Я падаю, ударяясь спиной об находящийся позади меня помост. Охнув от боли, пытаюсь хотя бы привести себя в сидячее положение. Мин подходит вплотную и наступает мне на пальцы, лежащей на решетке левой руки.

– Знаешь, эта игрушка на самом деле не такая уж безобид-

ная, – говорит Мин взволновано, – если стрелять прямо в упор. – Он подносит дуло пистолета к моему лицу, водит им из стороны в сторону, наставляя то на левый, то на правый глаз. Я невольно жмурюсь, но отворачиваться не смею. – Ты никому не скажешь, как так получилось, поняла?! – рычит он на меня, – или я такое устрою вашей больной на голову подружке, – он на секунду прерывается и облизывает губы, – что она быстренько научится говорить, чтобы умолять о пощаде. У меня есть связи, ты знаешь.

На самом деле не знаю и сильно подозреваю, что тут он блефует, а вот на счет намерения выбить мне глаз не уверена. В любом случае, смотреть на дуло пистолета в таком ракурсе я не в состоянии и, не выдерживая, зажмуриваюсь окончательно.

– Да, это точно научит вас, как со мной связываться, а тебя наверняка отправят обратно в ту дыру, из которой вытащили. И я тебя больше не увижу.– продолжает Мин нервно, и то, что он нервничает беспокоит меня больше всего. Если бы он был спокоен, еще можно было бы надеяться, что он просто хочет поиздеваться надо мной, а ничего действительно страшного делать не собирается. Но нет, его и самого, кажется потрясывает от напряжения.

– Открой глаза! – орет Мин.

Я бы и сама открыла, но организм сильнее моей силы воли, а он на это безобразие смотреть очень не хочет.

– Да по фиг! Левый или правый?!

Центральный, тыма тебя раздери! Я бью свободной рукой по пистолету, а ногами, куда придется. Не думаю, что у меня выходит нанести какой-то реальный ущерб, но его нога хотя бы сходит с моих пальцев, и я в следующее мгновение уже ныряю под помост.

Там темно, и я даже не знаю, открылись у меня глаза или нет. Но вокруг какие-то металлические штуковины, места очень мало, и у меня получается ввинчиваться между ними, только благодаря мощному выбросу адреналина. Мин за мной точно не полезет и, если заползти достаточно глубоко, то и вытащить не сможет.

Так и выходит. Остановившись где-то на достаточном расстоянии от начала, я слышу его ругань снаружи. Хорошо было бы, чтобы он, забывшись, вступил на помост, провалился и застрял. Но это был бы слишком удачный расклад. Остается разве что пролежать здесь достаточно долго, чтобы Мину пришлось уйти.

Однако вместо этого, я слышу его мрачное сопение надо мной, потом как он спрыгивает на решетку с другой стороны помоста. И судя по звуку, это не далеко. Так понимаю, он перебрался туда, цепляясь за верхнюю решетку, а теперь собирается снять боковую доску помоста передо мной. А что если я с испугу пробралась слишком далеко и почти проскочила помост насквозь? Пока он работает над выламыванием доски, пытаюсь отползти обратно назад и это у меня даже начинает получаться, но волосы дергают меня и не пускают.

Да чтоб я еще когда-нибудь в жизни распускала волосы!

– Опарыш, хватит ломать тренажер! – звучит командно-насмешливое.

Редженс! Принесла нелегкая! Какой сегодня день то неве-
зучий!

– Чего ты тут вытворяешь на камеру?! – доносится рычание совсем близко. Это уже Кейн. Ну, ясно. Эти двое пришли меня убивать, а тут Мин этим уже занимается. Теперь, полагаю, он уступит это сомнительное удовольствие старшим по званию, так что мои шансы на спасение падают до нуля. Вот зачем я только сюда вернулась? Почему до вечера было не подождать?

Прежде чем меня позорно выволокут отсюда, пытаюсь хотя бы высвободить волосы, магическим образом обмотавшиеся вокруг каких-то винтов. Слышу, как с грохотом где-то открывается люк.

– Камеры выключены, – говорит Мин расстроено и не слишком громко.

– С чего это им быть выключенными? – интересуется Кейн неприятным тоном. Судя по звуку, он уже забрался в лабиринт и уже находится совсем рядом, не проходя через все его витки и испытания. – Из-за того что один придурок попытался их отключить, пока другой за ними не следил? – Кейн тоже шипит на него понизив голос.

– Вали сочинять объяснительную, – грубый голос Редженса раздается, кажется, прямо надо мной, хотя как же это мо-

жет быть?

– Она должна оказаться очень увлекательной, чтобы Кирилл не сделал из тебя отбивную, – уточняет Кейн.

– Причем здесь Кирилл? – растеряно шепчет Мин, видимо, от расстройтва потеряв голос. Звучит так, как будто он разговаривает сам с собой.

– Инвентарь не забудь на место положить, – напоминает Редженс таким тоном, будто ставит точку в разговоре.

Несколько секунд я слышу треск прогибающихся решеток, потом Мин явно спрыгивает через люк на каменный пол зала. Очевидно, выход из лабиринта находится совсем рядом, и я его просто не смогла обнаружить, так глупо попавшись в мышеловку, из которой меня теперь будут выуживать два довольных кота. Ну хоть котенка отослали подальше.

– Что, Мышка, куда же ты теперь забралась? – елейным голосом интересуется Кейн. – Может, сама вылезешь? Нет? Ну так мы сейчас поможем, выкурим.

У меня от этого голоса дыхание перехватывает. Сказать я ничего не могу, да и выбраться тоже. Единственное, что мне доступно, постараться добраться рукой и выдрать волосы из механизма. Но здесь так тесно, что я даже не знаю как подлезть, лишь на ощупь определяя как все устроено. Пытаюсь выгнуться как нужно, рука бьется о масляные детали, а у меня чувство, что я сунулась в большую мясорубку.

Не дождавшись моей капитуляции, эти двое собираются придать ситуации драматизма и начинают шуровать по по-

мосту чем-то вроде палки. Они тыкают ею в разные места и на несколько секунд внутрь падает пятнышко света. Вижу, как вокруг такого места приходят в движение механизмы, лопасти на винтах смыкаются, захватывая палку, но офицеры относительно легко вынимают ее обратно. Но вот что будет с моей рукой, если окошко откроется слишком близко? Да и волосы могут еще сильнее намотаться, и тогда, по всей видимости, я останусь тут жить. Панически дергаясь, я пытаюсь экстренно высвободиться и пропускаю момент, когда офицеров громко окликает кто-то третий.

– А мы тут молодость вспоминаем, – слышу я пояснения Кейна, уже после того, как мне удастся вытащить руку и немного сместиться в целом. – Как мы лазили тут нашей группой.

– Ага, молодость, – насмешливый бас точно принадлежит Кириллу. – Лично ты уже давно впал в детство. Раздобыл себе парочку живых кукол и деградируешь потихоньку. Если так дальше пойдет, придется тебя вместо очередного звания в ясельную группу обратно сдавать.

Сдавленные хрипы похожи на смех Кейна. Пусть себе радуется, лишь бы только Кирилл забрал этих двоих отсюда, а я уж как-нибудь за часок выберусь.

– Кир, а может и вправду тряхнем стариной, давай наперегонки, а?

– Я не сомневаюсь, что твоя тощая задница и сейчас везде без мыла пролезет, а вот меня эта рухлядь допотопная вряд

ли переживет.

– Да, помнишь, как ты в этой трубе тогда застрял?

– Помню, как я выбрался, показать? – Кажется, тут прозвучала угроза, но потом последовало примирительное: – Вылезайте уже, оставьте игрушку салагам.

– Ладно, Кир, тебе б расслабиться, – слышно как трещат и лязгают решетки, – раньше ты почище всех отжигал, – удаляется голос Кейн.

– Да, пойдёмте обсудим это, – с энтузиазмом предлагает Кирилл, – я вам заодно видюшку веселую покажу. С вашим протеже в главной роли.

– Так мы ее уже видели, и... – конец фразы Кейна мне уже не слышно.

Я успокоенно вздыхаю и кладу голову немножечко отдохнуть. Остается только возблагодарить Вселенную за то, что в ней есть вездесущий Кирилл. У меня такое впечатление, что у него статус несколько выше, чем у остальных младших офицеров. Но, возможно, их отношения с ним исходят чисто из того факта, что он, дружески приобняв оппонента, может случайно сломать ему несколько костей.

На то, чтобы выбраться из плена, у меня уходит намного меньше часа, но я радуюсь, что этого интимного зрелища никто не видел. Надеюсь, через камеры тоже, все-таки они далеко и там куча решеток и прочего. Вывинчиваюсь на свободу я вперед ногами и всклокоченная почище любого монстра подземелий. Волосы я в итоге частично обрезаю лезви-

ем, а уже потом вытаскиваю из механизма, иначе никак не получается. Ну и тьма с ними, все, я от них избавляюсь! Достаточно меня за них таскали как скотину на веревке.

Все еще под впечатлением от произошедшего я выбегаю из зала, продолжая переваривать это в голове, и никак не ожидаю встретиться в дверях с Мином. При этом какая-то часть меня, вряд ли та, что упала в обморок, при нашей предыдущей встрече, резко поднимает правую руку со сжатым кулаком. Кулак совершенно случайно попадает Мину в глаз. Он некультурно взывает, но никаких контр мер предпринять не успевает, по крайней мере, я, не оборачиваясь, преспокойно добегаю до склада и закрываюсь там в маленькой ванной.

Небольшое квадратное зеркало над умывальником и не думает мне льстить – я похожа на взволнованного дикобраза. Ни у ладно. Пару раз плеснув себе холодной водой в лицо, аккуратно выбираюсь на склад, подозрительно оглядываясь и прислушиваясь, но никого не вижу, даже когда подбегаю к столу и выхватываю из ящика ножницы. Мин, похоже, все же решил оставить меня в покое или у него возникли дела поинтереснее.

Снова закрывшись в ванной на щеколду, я с большим удовольствием захватываю прядку волос возле уха – побольше, чтобы потом уже не передумать – и отрезаю ее примерно на уровне подбородка. Отлично. Уже легче становится. Поспешно, не заботясь особо о том, чтобы было ровно, отре-

заю со всех сторон, и пряди одна за другой летят в мусорное ведро. Через пару минут на меня из зеркала смотрит уже совсем другое лицо. Не думаю, что короткая стрижка мне больше идет, но чувствую я себя с ней намного лучше. Голова словно избавилась от лишнего груза, и я лишь удивляюсь, зачем таскала его на себе столько лет. Одновременно ощущаю азарт и мстительное удовольствие, хотя не понятно, кому я могу таким образом сделать хуже, кроме самой себя. Разгадка приходит сама.

Хлипкая дверь сотрясается от мощных ударов.

– Мышь, опять прячешься?! Открывай давай, – почти вежливо просит Кейн.

– Секунду, – я чуть-чуть все же подравниваю волосы, чтобы хотя бы возле лица было симметрично. Потом пытаюсь расчесать обнаружившийся колтун на затылке.

– Долго! – изнывает за дверью Кейн.

Опасаясь, что его жалобы в любую секунду могут перерасти в разрушительные действия, наскоро умываюсь с мылом, стараясь смыть с лица косметику, и отодвигаю щеколду. Прятаться от него здесь дальше все равно бесполезно.

Услышав лязг щеколды, Кейн тут же распахивает дверь, и хмурое выражение на его лице тут же сменяется удивленно-недовольным.

– Что ты с собой сотворила?!

Он заходит и в маленькой комнатке тут же становится очень тесно. Тем не менее он делает еще шаг и мне прихо-

дится прижаться к кафельной стене, чтобы сохранить между нами хотя бы минимальную дистанцию.

Потрясенно Кейн мусолит в пальцах обрезанные прядки, потом его взгляд падает вниз и обнаруживает остальное в мусорке. С руганью он ударяет ногой по ведру.

– Ты не имела права делать такое без моего разрешения! – рычит Кейн.

– Но это же мои волосы, – перечу я, хотя наверное этого мне тоже нельзя.

– Волосы твои, но распоряжаюсь ими я! – Его руки вцепляются в меня, а он нависает сверху, чуть не стучаясь лбом о кафель. – Попробуешь еще раз с ними что-то сделать, пожалеешь, – шипит он.

Кейн выглядит устрашающе, но не кажется взбешенным или контролирующим себя. Его пальцы, плотно обхватившие мои плечи, не доставляют боли, разве что не дают сдвинуться ни на миллиметр.

– Можно хоть подравнять? – пишу я, чуть ли не уткнувшись носом ему в ключицу.

– Нет, пусть отрастают быстрее, – отрезает Кейн. Одну руку он все же освобождает и ерошит ею остатки моих волос, не зря я расчесала колтун. Потом он утыкается мне в макушку, вдыхая их запах. Я просто стою замерев, обескураженная неожиданной близостью его тела.

– Внизу олдсатик сбежал, не видела его? – неожиданно спрашивает Кейн, не отстраняясь.

– Не знаю, кто это. – Вообще не понимаю о чем он, мои мысли заняты совсем другим.

– Чудовище подземелий, похожее на большую собаку. Челюстями может перегрызть берцовую кость за несколько секунд, но предпочитает отрывать головы, – уже спокойнее поясняет офицер. Кажется, с темы моей внезапной стрижки мы уже слезли, что радует, но к теме подземелий вернулись, что печально. И тут у меня в голове наконец все складывается.

– Кто-нибудь пострадал? – вырывается у меня вопрос, но Кейна это не напрягает.

– Мог бы, – назидательным тоном отвечает он. – Но тому, кто его выпустил несказанно повезло. На сегодня ему соперника не нашли, так что в боях он не участвовал, был не ранен, спокоен, сыт и его даже успели напоить, а иначе он бы не сдержался и напился крови того, кто так опрометчиво выпустил его из клетки погулять.

Ну, если вспомнить, отнюдь не слепое везение мне помогло, ведь чудовище само недвусмысленным образом попросило его напоить, прежде чем выпустить. Вполне разумное существо, сразу же вошедшее в мое положение без малейших попыток объяснения с моей стороны. Помогло мне без колебаний, хотя не должно было по идее испытывать ко мне дружественных чувств, раз уж мои соплеменники пленили его и возможно в конце концов собирались убить для развлечения.

– Пошли, ты должна убедить Кирилла в моей благонадеж-

ности, – прерывает мои размышления Кейн, который по виду уже полностью пришел в себя после постигшей его утраты. Он за руку вытягивает меня из ванной комнаты.

– Я не справлюсь! – ужасаюсь я и пытаюсь притормозить.

– А ты постарайся, – Кейн неумолимо прет вперед, сжимая мое запястье. Приходится быстро-быстро семенить за ним следом. До выхода в зал уцепиться все равно не за что, а на выходе он ловит меня за вторую руку и выпихивает вперед себя.

– Это вообще возможно?

– Если нет, то тебе же хуже будет, так что сделай все возможное, – ядовито шепчет Кейн. Мы подходим к открытой двери одной из аудиторий. Там кроме Кирилла находится один из старших офицеров, один из младших офицеров и еще один молодой мужчина в форме рядового. Только Кирилл сидит, причем в расслабленной позе, хмуро глядя на экран монитора, остальные стоят и выглядят взволнованными и растерянными.

– Все свободны, – резко произносит Кирилл, отпуская собравшихся, и все послушно выходят, включая старшего по званию, что лично меня приводит в замешательство.

– Он?... – порываюсь спросить я, но Кейн резко дергает головой, вроде как говоря «заткнись немедленно». Мы заходим.

– Решили вопрос? – фамильярно интересуется Кейн, что окончательно запутывает меня в вопросе их взаимоотноше-

ний.

– Один решили. Осталось понять, что с тобой делать.

– А мной-то ты чем не доволен? – вздыхает Кейн.

– А ты никакой вины за собой не чувствуешь?

– Ну, начинает припекать.

– А я тебе напомню, – несколько угрожающе произносит Кирилл, поднимаясь со стула, что производит подавляющее впечатление, потому что человек он действительно большой. Разве что качки из клуба порадовались бы такому противнику. – Когда тебя послали за кадрами, ты из каких-то своих извращенческих соображений зарулил за ними на нулевой уровень, а не туда, где их обычно берут.

– Да какая разница, – отмахивается Кейн.

– Перепутал наверное с игрушечным магазином или секс-шопом.

– Что за грязные намеки? – притворно возмущается Кейн.

– Ты сделал этих двоих своими акбратами, что было совершенно не обязательно, к тому же без их согласия.

– А разве я не спрашивал? – Кейн делает вид как будто лихорадочно вспоминает. Я, было, собираюсь ему напомнить, но, полагаю, это бессмысленно.

– Решил, наверное, что бедные сиротки будут тебя трогательно бояться и подчиняться безоговорочно, – делает предположение Кирилл. – К тому же здесь они все время у тебя под рукой, так удобно.

– Да ну если бы, – Кейн неодобрительно косится на меня.

А я действительно боюсь. Боюсь, что сейчас разговор зайдет о наших с Лексом частых отлучках.

– А чтобы было веселей, подогреваешь их давний конфликт с одним из курсантов.

– Ну здесь они сами справляются.

– А по-моему это твоя ответственность. С одной стороны два твоих акбрата, с другой – курсант, которого вы задействовали в вашей маленькой войне против нулевых среди стражей.

– Все офицеры согласны, что отбросам среди нас не место, – Кейн раздраженно ухмыляется. По лицу Кирилла не заметно, что это высказывание хоть сколько-нибудь его задело. А меня вот задело.

– Ты хочешь уйти от Кейна? – когда Кирилл спрашивает меня об этом, я как раз сверлю своего шинарда с ненавидящим взглядом, и не сразу понимаю, что он обращается ко мне. Кейн же нагло приобнимает меня за плечи.

– Конечно же она не хочет возвращаться в ту клоаку, из которой я ее вытащил, – отвечает он за меня.

– Я пока не заметила разницы, – я пытаюсь скинуть его руку, схватив ее за большой палец. – Но нет, пока не хочу, – отвечаю я все же. Хочу иметь хотя бы крохотную возможность придушить Кейна подушкой.

– Ты в любой момент можешь передумать, – уведомляет Кирилл. – И повторяю, – обращается он снова к Кейну: – если у их конфликта будут весомые последствия, к чему все и

идет, ответственность будет лежать на тебе. Если не можешь разрулить отношения своих подопечных, то и командовать своей группой тоже не будешь.

– Это не тебе решать, – выплевывает Кейн, а Кирилл уже выходит из аудитории. Не желая больше оставаться наедине с шинардом, я спешу также покинуть комнату. В итоге мы оказываемся в зале одновременно с Мином, появившимся со стороны коридора. На его лице вокруг левого глаза уже оформился большой кровоподтек, и он лоснится на свету, видимо Мин его густо обработал специальной мазью.

– Эта дрянь долбанула меня в глаз! – ябедничает Мин, совершенно не просекая ситуацию.

– И что?! Хочешь получить второй фонарь для симметрии? – предлагает Кирилл на ходу. – Твоя проблема, – напоминает он Кейну.

Когда Лекс появляется в прачечной на следующий день, я как раз заканчиваю озадачивать новой порцией работы все стиральные машины в комнате.

Никто не знает, кто разукрасил Мина, – жалуется друг с порога. – И еще он почему-то со мной не разговаривает. Вообще ни слова. Ни на что не ведется.

Тебе стоит перестать его подначивать, – пытаюсь предупредить.

Да я не подначиваю, общаюсь просто, – пожимает плечами Лекс и пытается пристроить уведенное из столовой яблоко в лапах Потапа.

Кирилл наехал на Кейна, а Кейн наехал на Мина. И все из-за ваших драк, – капельку привираю я. Это даже не ложь, я просто опускаю некоторые незначительные детали, на которые Лекс может отреагировать слишком бурно.

И как нам теперь развлекаться?

Например, можно продолжить разбираться с пропажей Стоува, – предлагаю сразу же. Потап просто покрепче обхватывает доверенный ему фрукт. – Мне вчера не удалось повстречать сектантов, а ты информацией так и не поделился.

А нечем делиться было, – разочаровывает меня Лекс. – Говорят, есть на нулевом человечки, скупающие всякую незаконно добытую в подземельях ерунду, но к ним так про-

сто на кривой козе не подъедешь. Надо, чтобы кто-то за нас поручился, а таких знакомств у нас пока не водится.

Честно говоря, я немного удивлена, что у Лекса нет нужных знакомств и он опрометью не бежит их заводить, не смотря на всевозможные преграды и возможное отсутствие у них желания заводиться.

А как же библиотекарь? – вспоминаю я. – Каким-то образом он достал для дочери двух монстриков подземелий, может через как раз нужные нам третьи лица.

Почти уверен, он пошлет нас куда подальше. Особенно, если догадался, кто устроил разгром в его владениях.

Давай, все же навестим его, – неожиданно смело предлагаю я.

В библиотеке шестидесятого уровня в это время дня оказывается довольнолюдно. Отца Фелис мы находим в одном из больших залов. Он стоит у парапета второго яруса в не самой популярной секции и разговаривает с двумя рядовыми стражей. Один из них делает пометки в планшете и оба они увлечены разговором. Сам Фергюс замечает наш приход почти сразу и коротко кивает в знак приветствия. По его лицу сложно понять, какие чувства у него вызвал наш приход.

Пока ожидаем, чтобы не бродить без дела и не привлекать внимания, мы присаживаемся за один из немногих свободных столов, и я кладу между нами первый попавшийся увесистый том. «Почвообразование и почвенная структура» –

очень занимательно, хотя и не очень для Муравейника актуально. Чтобы не нервничать утыкаюсь в текст, случайным образом выбрав статью про гранулометрический состав почвы. Успеваю узнать о размерах пылеватых, глинистых и песчаных частиц, когда Лекс толкает меня локтем.

Стражи уходят. Фергюс спускается к нам и не дожидаясь, пока мы обратимся к нему и скажем за чем пришли, сразу приглашает к себе в кабинет. Закрыв за нами дверь, он садится за свой стол. Я присаживаюсь напротив, Лекс сразу же прилипает к шкафу с выставленными за стеклом образцами минералов. Беспokoюсь, что разговор придется начать мне, но Фергюс меня опережает:

До вас дошли сведения о тех выводах, что сделали стражи касательно смерти Стоува?

Нет, – Лекс поворачивается к нему. – А перед вами они отчитались?

Не то чтобы отчитались, но в силу обширности моих интересов, стражи часто приходят ко мне за различными консультациями. Так что я счел возможным поинтересоваться ходом расследования, все-таки он занимал важное место в сердце моей дочери. – Фергюс глубоко вздыхает, глядя на фотографию на столе. Я тоже обращаю на нее внимание. С того места, на котором сижу, я вижу ее под углом. – Они установили, что Стоув покончил с собой, спрыгнув в бездну в одном из белых секторов.

Но с какой стати, у него была цель в жизни, свои мечты, –

говорю я, пока Лекс ходит вдоль стены, всматриваясь в образцы. Фергюс несколько секунд наблюдает за ним, потом резко встает.

Сейчас я вам кое-что покажу. Страхам я этого конечно не говорил, но для них это лишняя информация. Они уже закрыли дело. – Фергюс выходит из-за стола и подходит к стеллажам с книгами. А я быстренько наклоняюсь, всматриваясь в фотографию. Не нравится она мне. По-моему, это другая фотография – не та, что стояла тут в наше прошлое посещение. – Вот оно. – Вернувшись к столу, Фергюс кладет на него уже раскрытую на закладке книгу.

Лекс садится рядом со мной, едва заметно дергая головой в сторону. Ясно, золотого сердца в коллекции библиотекаря нет. Тянусь к книге и читаю строки, на которые указывает Фергюс.

Яд стофана – рукокрылого обитателя подземелий, – озвучиваю я для Лекса.

Он вызывает кратковременный, но очень яркий эпизод депрессивного состояния, – поясняет библиотекарь. – Оно быстро нарастает и суицидальным мыслям практически невозможно противостоять.

О! – вырывается у Лекса.

Увы, – горько качает головой Фергюс. – Установлено, что прямо перед смертью Стоув послал Фелис сообщение, как теперь можно догадаться, прощальное. Но она не успела на него ответить. По несчастливому совпадению, у нее разря-

дился телефон и она даже не заметила, хотя обычно часто проверяет его. Но именно в этот день так получилось. Однако, я не думаю, что даже если бы она вовремя получила это сообщение, то смогла бы понять что происходит и как-то повлиять на решение Стоува. Яд стофана очень сильный, он затуманивает разум и взывать к нему практически бесполезно. Обычно жертву укуса, и то только если рядом с ней оказываются достаточно опытные и понимающие люди, просто механически удерживают от опрометчивых решений. Связывают или просто держат за руки, за ноги в течении нескольких часов. Больше ничего не помогает.

То есть вы полагаете, Стоув налетел на этого стофана, пока прогуливался по подземельям? – скептически спрашивает Лекс.

Скорее наоборот, стофан налетел на Стоува, – поправляет Фергюс, – но в принципе да. Поэтому я не стал рассказывать свою версию стражам. Полагаю, он шел по подземным уровням со слишком ярким фонарем, и случайно свет упал на какой-нибудь укромный угол, в котором спал стофан. Я предупреждал его о необходимых мерах предосторожности, но не думаю, что он понял всю серьезность моих увещаний. Таков был Стоув, что ж поделать. Свою голову не приставишь.

Я вижу, что Лексу эта версия не слишком нравится, и все же она неплохая. Теперь уговорить библиотекаря свести нас с контрабандистами будет еще сложнее. Мы с ним перегля-

дываемся.

И все же мы хотим еще кое-что проверить, – начинает Лекс уверено. – Не знаете, к кому можно обратиться по поводу нелегалыщины, поднятой из подземелий? Посредник по продаже?

Не то чтобы у библиотекаря челюсть от такой наглости отваливается, но рот слегка возмущенно приоткрывается. Мы сразу понимаем, что ловить нам тут нечего, еще до того как Фергюс начинает высказывать свое мнение по этому вопросу. Я еле удерживаюсь от того, чтобы сразу встать и откланяться, но раз уж спросили, надо вежливо выслушать ответ.

Я ни в коем случае не помогу вам связаться с этими людьми, – отчеканивает библиотекарь. Мы порываемся уйти, но он еще не закончил. – Мне и так придется провести остаток жизни в осознании того, что именно своей помощью Стоуву я разрушил ему жизнь, а возможно и жизнь моей дочери! – эмоционально произносит он. – Полагая, что он уже достаточно взрослый, чтобы самому принимать решения, я фактически подтолкнул его незрелый разум на путь саморазрушения!

Пока библиотекарь в разных вариациях обвиняет себя в гибели Стоува, мы с Лексом молча слушаем. Я мучаюсь в попытках понять, как надо вести себя в такой ситуации, куда деть взгляд. Смотреть в буквально искаженное страданием лицо Фергюса как-то неловко, в сторону невежливо. А какие эмоции должно выражать мое собственное лицо? Со-

чувствие, вежливое внимание или раскаяние в том, что мы завели этот разговор? Или может ужас осознания в какую жуткую ситуацию мы пытаемся снова его втянуть? Лекс выбрал раздражение и упрямство.

Если вы нас сведете с кем-то, кто может заинтересоваться золотыми сердцами, это нам очень поможет прояснить это дело до конца, – говорит Лекс, как будто пропустил все излияния библиотекаря мимо ушей.

Яростно взглянув на моего друга, Фергюс тяжело вздыхает, стараясь удержать себя в руках.

Мое содействие убило Стоува, и я не собираюсь вновь... – жестко проговаривает он.

Да мы не знаем, что убило Стоува и убило ли! – возражает Лекс. – Одни непроверенные предположения! Ни одного долбаного факта!

Значит так! – Фергюс подскакивает с места и мы тоже. Очень похоже, что пора отсюда бежать! Пора было до того, как Лекс заговорил. – Я не только не посодействую вам в этом вопросе! Если я узнаю или мне покажется, что вы не бросили свое любительское расследование, я сразу же уведомлю о нем стражу и ваши гильдии! Предупреждаю, уши у меня везде!

Мы с Лексом выскакиваем из кабинета библиотекаря, при этом Лекс тщетно пытается скрыть наглую ухмылку, которая разозлила бы Фергюса еще сильнее, хотя не уверена что это возможно. Этот тихий интеллигентный человек чуть не за-

пулил нам вслед ту толстенную книгу, только в последний момент сдержался и просто грохнул ее об стол. Мне самой легче – у меня выражение благоговейного страха на лице появляется само и по любому поводу. И вот оно тут как раз к месту.

Когда мы вылетаем на платформу и останавливаемся в стороне от входа в библиотеку, чтобы обсудить впечатления, Лекс прежде всего тщательно оглядывает все вокруг.

Не видишь, уши библиотекаря нигде не торчат?

Они могут выглядеть как угодно, – смотрю я на веселящегося друга.

Помнишь, я предупреждал, что он нас пошлет? – Лекс непринужденно облокачивается на ограждение платформы. На этом уровне оно из толстого крашеного в золотистый цвет пластика. Рядом в кадке стоит пушистая ель, ветви которой украшают блестящие шарики.

Мне кажется у него на столе стоит другая фотография.

Лекс перестает разглядывать елку и снова смотрит на меня.

Я не обратил внимания.

Она находилась к тебе спиной. Но это была почти такая же фотография. Фергюс с дочерью на фоне шкафа с коллекцией, только лица крупнее.

Ха, – лицо Лекса становится серьезнее. – Интересно. Он счел необходимым поменять фотографию.

В коллекции не было золотого сердца, ведь так?

Не было. Сегодня по крайней мере, – уточняет Лекс. – Если оно было там раньше и попало на старую фотографию, дело принимает интересный оборот.

Само по себе это ни о чем не говорит. Могло статься, что такой камушек был у Фергюса раньше, а теперь, узнав что Стоув погиб, охотясь за чем-то похожим, библиотекарь спрятал свой, чтобы не навлекать на себя подозрения.

Или, – выделяет голосом Лекс, – библиотекарь убил упертого любовника своей дочери, чтобы тот не забрал ее к себе с шестидесятого уровня на тридцатый, где бедная больная девочка не смогла бы получать привычного ухода. Заодно, уделав одного зайца, Фергюс прибрал другого в свою коллекцию.

Проверять-то мы это как будем?

Я бы предложил сходить поглядеть на белый сектор, в котором Стоув якобы самоубился. Не знаю, правда, что это нам даст, – Лекс задумчиво чешет оставшиеся после допроса у искателей болячки прямо сквозь рубашку. – Но вдруг на месте основных событий на нас вдохновение нападет.

Давай, только мне нужно стирку вынуть и в сушилку перебазировать.

Да, мне тоже нужно кое-что для главнюка сделать, – кивает Лекс.

Что? – возмущаюсь я. – А нельзя этим было сначала заняться? С походом в библиотеку можно было и подождать, – нет, ну Лекс доиграется когда-нибудь.

Да с главнюком тоже. Он и не настаивал, чтобы я сразу куда-то бежал, – отмахивается друг.

Через полчаса мы уже снова встречаемся на двадцать первом уровне и, судя по тому, что голову Лексу никто не оторвал, его промедления с выполнением задания никто не заметил. Кроме того, он переоделся в цивильную одежду. Вместе мы проходим через пропускной пункт на двадцатый уровень, где расположена школа, и здесь все как обычно: кто-то один проводит своей картой через считывающее устройство, а затем вместе с ним толпой проходят все, кто успеет за четыре секунды, пока дверь не захлопнется. В это время дня толпа правда состояла из нас и еще одного паренька, который спешил наверное на дополнительные занятия. Потом мы сразу идем на следующий пропускной пункт на уровне с нулевого по девятнадцатый. Он находится прямо в соседнем помещении, и тут уже попутчик нам вряд ли светит. Проходя в ту комнату, я вижу, как Лекс достает из рукава пустую карту и сразу же жестом фокусника заталкивает ее обратно. У нужной нам двери стоят два скучающих патрульных.

Они без слов проверяют наши карты, прежде чем пропустить к заветной двери, причем не только визуально, а проводят через портативные считыватели. Не знаю уж, для чего это делать здесь, может ищут кого-то.

В общем, инкогнито нам просочиться сегодня никак не удастся, остается надеяться, что никому не придет в голову

проверить наши подозрительные перемещения.

На семнадцатый уровень мы спускаемся по лестнице и в итоге оказываемся практически у края белой зоны. Здесь он проходит почти посередине большого зала, а дальше режет коридоры и другие помещения.

Крупноячеистая решетка перекрывает доступ в закрытую часть зала. Она приварена к потолку, полу и стенам зала в нескольких шагах от края зоны в сторону нетронутой части Муравейника. Потолок с другой стороны от решетки обрывается неровным краем и сверху свисает непрозрачная пленка, не дающая увидеть, что происходит в зоне. Пол под ней усыпан белой крошкой.

С нашей стороны вдоль стены также под пленкой находятся скорее всего не нужное пока оборудование и мебель. За прозрачной стеной зала через проход находится бар, из которого, по идее, все хорошо просматривается. Естественно никакого нелегального прохода в зону здесь не проделали. Лекс проходит в коридор и прямо оттуда спрашивает:

Как туда попасть, не подскажете? – указывает он на зону. Все, и бармен и трое посетителей, лениво машут куда-то вправо.

Шикарно, теперь, случись что, уже четверо знают, что мы направились нарушать закон. До официального входа отсюда далеко, да мы и не похожи.

Мы идем вдоль края зоны, постоянно натываясь на нетронутую решетку, закрывающую проходы или секущую раз-

нообразные помещения, и чуть не пропускаем место где она аккуратно разрезана. Приподняв ее, мы проскальзываем внутрь.

Круто! – взволнованно шепчет Лекс, взявшись за край пленки. Ага, мне тоже крайне любопытно.

Позади пленки открываются полуразрушенные внутренние помещения. Вперед, сквозь завалы, сплошь засыпанные белой крошкой, смешанной с грязью, ведет вытоптанная тропинка. Стены зияют дырами, но крупных обломков не видно. Кромки этих дыр покрыты чем-то похожим на мох, только черный, покрытый белыми частицами. Наклонившись, чтобы рассмотреть получше, я ощущаю едкий химический запах.

Только не ковыряйся в этом, – просит Лекс. Я отдергиваю руку, которую сама не осознаю, как протянула. – И дыши через раз.

Чем глубже в зону мы заходим, тем сильнее кажутся разрушения. Они простираются и на уровень сверху, потолок так же изъеден. Свет идет от ламп выше, так что на этом уровне остается много темных углов. Проводка свисает как попало. В некоторых местах стены все же разломаны до конца и установлены поддерживающие конструкции.

Каких-либо вещей, мебели, устройств практически нет, удастся увидеть только покореженную тележку со сломанными колесиками, обломки инструментов, ни и конечно же пустые бутылки и банки, куда ж без них. Несколько раз в от-

далении мелькают чьи-то силуэты и тени, но заслышав шаги они отходят подальше с нашего пути.

Начинаю сомневаться, безопасно ли здесь, – вдруг шепчет Лекс, останавливаясь. У меня тоже тревожное чувство, что вовсе не все местные обитатели пытаются избежать столкновения с нами. Может быть даже кто-то притаился за изломом стены дальше по курсу. – С дорогой техникой в карманах сюда приходиться точно не стоит.

Я сначала вспоминаю про его планшет, удивляюсь, что это вдруг озаботился его сохранностью, ведь обычно Лекс просто нагло прет вперед и будь что будет. Но потом все же до меня доходит, что он имеет в виду. У Стоува был дорогой смартфон, забитый фотками и перепиской с любимой девушкой, наверняка он не хотел его лишиться. Именно поэтому он мог его спрятать, подумав об этом уже забравшись на территорию зоны.

Я киваю, в знак того, что поняла его мысль, и мы начинаем пробираться дальше, изменив правда направление. Мы просто пролезаем через выдавленное окно, оставив между собой и тем, кто там прятался, пару лишних препятствий. Остановить они его конечно не остановят, но бесшумно подобраться к нам не получится.

Сориентировавшись, мы продолжаем путь в направлении выхода на платформу. Ведь, собственно, только там и можно покончить с собой, сбросившись в бездну.

Мы в очередной раз останавливаемся у выхода в зал, ес-

ли его еще можно так назвать. Впереди отчетливо по каменной крошке слышны запинаящиеся шаги. Лекс жестом предлагает на этот раз самим притаиться в темном углу, и мы едва успеваем пригнуться за пошедшей трещинами перегородкой, как по проходу мимо проносится человек. Он торопливо переступает босыми ногами и резко останавливается в нескольких метрах от нас. На нем только старые грязные штаны, перемазанные веществом, которым тут все посыпано. На голой спине множество красных шелушащихся пятен. Они поднимаются по шее на затылок и занимают часть головы. Там где их нет остались темные волосы с проседью. Смотрится жутко.

В том положении, в котором я застыла, крайне неудобно, но, боюсь, из-за малейшего движения захрустит крошка под ботинками и нас выдаст. Больной мужчина между тем переминается с ноги на ногу, очевидно жадно вслушиваясь в тишину. В итоге хруст таки раздастся, но не от нас. Тем не менее, мужчина разворачивается и мы видим его распухшее искаженное донельзя лицо. Волосы из бороды почти все выпали и только из небольших островков выходят длинные пряди. Глаза очевидно слепы. Неровной походной он снова проходит мимо нас и слышно как он удаляется почти бегом.

Я уже видела такое, – вспоминаю я, огибая укрытие. – В психиатрическом отделении. Тот несчастный, в камеру которого я по ошибке заглянула. Только у того еще не было пальцев.

Мы смотрим как бедный человек на всех парах несется прочь. Наверное, все же стоит сообщить о нем, может его все-таки как-то смогут вылечить или хотя бы облегчить его участь? Едва успеваю задаться этим вопросом, как мужчина вдруг исчезает.

Удивленные, мы с Лексом бежим в ту же сторону и торозим перед большим прямоугольным провалом в полу. Заглядываю вниз, и дна мне увидеть не удастся. Лекс тут же достает фонарь, луч ощупывает стены глубокой шахты. Посмотрев же вверх, мы видим такой же четырехугольник, но закрытый пленкой.

Но самое странное пожалуй то, что по стенкам этой шахты змеятся похожие на гигантские вены, толстые гладкие на ощупь шнуры. Более тонкие, ответвляющиеся от основных сосуды, покрывают стены плотной сетью, делая ее почти черной. Самые тонкие сосудики, кажется, уходят внутрь камня.

Заброшенная шахта лифта? – предполагает Лекс. Мы трагтим много времени на то, чтобы осмотреть разрушения вокруг и представить, частью чего эти обломки могли быть, потом сориентироваться на схеме в планшете Лекса. – Я так понимаю, это часть замурованных ходов, которые ни для чего сейчас не используют, – резюмирует друг наконец.

И куда же этот человек тогда упал?

В бездну, – предполагает Лекс.

Пока мы сидели на месте, выясняя этот вопрос, мы слышали разнообразные шорохи вокруг. Кто-то несколько раз

подходил и снова удалялся, но так и не вступил с нами в контакт, уж не говоря о том, чтобы попробовать причинить нам вред. Это как-то успокаивает.

Так толком и не разобравшись с шахтой, идем дальше и через несколько минут выходим на платформу. Здесь все выглядит так, как будто платформу уровня выше кто-то откусил гигантскими челюстями. Повсюду горы каменной крошки, и плесень засыпанная химией. Конструкции, подпирающие следующий уровень, смотрятся чуждо, намекая на то, что Муравейник строил совсем не тот народ, что населяет его ныне.

Лекс первым перебирается через насыпь, образовавшуюся из остатков верхней платформы и сразу выходит на небольшой выступ обгрызенной нижней. Он находится примерно посредине разрушений и высовывается как язык изо рта. Напротив, через рукав бездны видны лишь бесконечные ряды складских помещений.

Наверняка, это и есть то место откуда все прыгают, – друг разводит руки, подходя к самому краю, словно собирается спланировать оттуда на воображаемых крыльях. Я тоже подбираюсь к краю и смотрю вниз на предмет пролетающего мимо автобуса. Сейчас мне и представить тошно, как вот так вот можно броситься в бездну, а ведь совсем недавно именно это я и сделала. Но тогда мне неожиданно повезло, и мое падение в никуда прервал вовремя появившийся обществен-

ный транспорт. – Отличное место для самовыпиливания, – продолжает Лекс. – Много воздуха, тихо, без зрителей. Никто не торопит, можно спокойно постоять подумать.

Действительно, шикарное место, и ясно, почему оно приобрело соответствующую популярность. Но не понятно, что нам это дает в контексте нашего дела. Что можно предпринять дальше? Попытаться поговорить с теми странными шныряющими по зоне личностями?

Пока стоим и думаем, пялясь в бездну, слышим позади себя уверенно приближающиеся шаги. Можно не сомневаться, что они по нашу душу.

Обернувшись, видим спускающегося по насыпи мужчину средних лет. На нем хорошо сидящий деловой костюм и начищенные ботинки, которые он бережет, внимательно глядя куда ставит ноги. У него нетипично для Муравейника загорелая кожа и располагающее лицо, блестящие черные волосы, зачесаны назад. Вид в целом не угрожающий, но решительный, и похож он, пожалуй, больше всего на преуспевающего представителя торговой гильдии. Ну, такой, какой с легкостью продаст вам ваше же время и дополнительную гарантию к нему. Как только он подходит достаточно близко, его губы растягиваются в открытой улыбке.

Видимо, вы именно те ребятки, которые ищут неприятностей? – говорит он, продолжая улыбаться и по очереди разглядывая нас.

Нет, это не мы, – отнекивается Лекс, копируя его слаща-

вое выражение лица.

А очень похожи, – не уступает мужчина, – вот посмотрите, – он достает из внутреннего кармана смартфон, демонстрируя кобуру под своим пиджаком. Убедившись, что мы ее заметили, на экране он одну за другой показывает наши фотографии, снятые скрытно с небольшого расстояния. Если б он дал их рассмотреть получше, можно было бы наверняка вычислить, где это мы попались кому-то на камеру, но он быстро пролистывает их и убирает смартфон обратно. И мы снова видим, что он вооружен, спасибо. – Ну, что, поговорим?

Мы переглядываемся и пожимаем плечами. Пока мы не знаем, кто это и что ему нужно, было бы странно предпринимать какие-то другие действия, так что мы конечно согласны.

Можете называть меня Эбнер, – разрешает наш новый знакомый. – Я работаю на одного очень хорошего человека.

Повезло вам, – говорит Лекс.

Безусловно, – недовольно скалится Эбнер, игнорируя издевку. – Он какое-то время наблюдал за вашими действиями и полагает, что вы могли бы быть полезны друг другу.

А этот хороший человек случайно не миниатюрная блондинка? – интересуется Лекс.

Определенно нет.

Жаль, тогда вряд ли.

Я бы на вашем месте выслушал его предложение, – Эбнер

поправляет прикрепленную под подмышкой кобуру. – Ну, вы понимаете.

Я всегда был туповат, – продолжает ломаться Лекс, хотя и так ясно, что мы пойдем, куда скажут.

Потому что люди, которым повезло обратить на себя внимание моего босса, делятся всего на две категории: полезные и те, о которых никто больше ничего не слышал.

Это конечно же аргумент, – наконец признает Лекс.

Прекрасно, значит мы сейчас без криков и слез пройдем к моей машине, правильно? – улыбка Эбнера уже не такая сладенькая, а в глазах ее вообще не стало.

Если вы хотите поплакать, я не возражаю, – разрешает Лекс.

Эбнер с небольшим раздражением закатывает глаза, но улыбка приклеена слишком хорошо, ее видимо нужно отдирать с мясом, так что мы под вооруженным конвоем, но радостно улыбаясь друг другу, следуем по платформе к одному из официальных выходов.

Прошу, – мужчина приподнимает край защитной пленки и пропускает нас вперед. Мы выходим через дверцу в решетке и, слегка перетрухав, проходим мимо находящегося в нескольких метрах от нее патруля стражей. Двое патрульных, провожают нас заинтересованными взглядами, но задерживать не спешат. Последовавшему за нами Эбнеру они даже дружески салютуют.

Загрозив нас на заднее сидение своей машины, стоящей

неподалеку на общей стоянке, наш провожатый расслабленно залезает на водительское место.

Хотелось бы поинтересоваться, какая связь между вами и стражей, – Лекс обескуражен таким поворотом.

Никакой, – Эбнер поднимает машину со стоянки и направляет ее в ближайший тоннель. – У меня есть разрешение находиться в белой зоне, как подростковому психологу. Участвую в программе по уменьшению уровня суицидов в молодежной среде.

И каким же образом? – на этот раз не удерживается от вопросов Лекс. – Стреляете им по ногам, чтобы они не успели поползти до края?

Можно и так работать. В условиях ограниченности ресурсов все средства хороши.

Лекс, насупившись, отваливается на спинку кресла. Психологов он не любит с тех пор, как его направили к одному из них, после семнадцати нарушений школьной дисциплины. Тогда они с ним знатно поцапались, и все закончилось нервным срывом. Естественно не у Лекса.

Машина опускается все ниже, и мне снова удастся ощутить тот азарт, который помог пережить самую первую поездку, в которой нас тогда изрядно помотало. Однако в этот раз возбуждение вызывает не само передвижение, а то куда мы направляемся. Чувствую, что сегодня удастся увидеть нечто кардинально новое, так что страх перед теоретиче-

ской опасностью нашего путешествия не просто ускользает на второй план, а исчезает вовсе.

Но это никак не влияет на выражение моего лица.

Стражи жестко проверяют тех, кто их хоть чем-то заинтересует, – предупреждает Эбнер. – Так что постарайтесь не выглядеть так, как будто я вас похитил.

Машина залетает в вытянутый док и зависает в левом ряду позади выстроившихся в две шеренги самых разных средств передвижения. Прямо перед нами летающий мотоцикл, сбоку автомобиль с затонированными стеклами. Позади пристраивается грузовик, и док с той стороны закрывается.

По приподнятым над полом каменным дорожкам идут стражи, цепким взглядом осматривая машины и находящихся в них людей. Я пытаюсь сделать выражение лица спокойно-отрешенным, Лекс сам оглядывает стражей так, словно в чем-то их подозревает. Смутить их этим не удастся, и добравшись до конца дока, они дают отмашку. Огромная створка ворот перед нами медленно начинает ползти вверх. Солнце сперва кажется ослепительным, его постепенно становится все больше, свет все дальше проникает в док.

В одно прекрасное мгновение все приходит в движение. Наш автомобиль неспешно вылетает вслед за остальными и некоторое время движется на приличной высоте над землей. По большей части покрытой искусственным покрытием и все же это земля! Над головой больше не нависают каменные джунгли, кроме потолка машины, который кажет-

ся самой несущественной преградой, только голубое небо с распластавшимися по нему легкими облачками. Видно далеко-далеко вперед! Железная дорога, вынырывающая из Муравейника, уходит в сторону и теряется среди деревьев. Теперь мы движемся над их кронами словно над водами океана с зеленой водой. Он омывает горы и другие города вдали. А на небольшом расстоянии от нас из зелени показываются верхушки неких шарообразных конструкций, похожих на фасеточные глаза насекомых.

Защитный крем вам не понадобится, – комментирует Эбнер.

Увы, и правда, снизившись возле одной из конструкций, машина садится на огороженную площадку и нас с нею вместе затягивает вниз, в очередной искусственный тоннель с не менее искусственным освещением. Транспортная лента уносит нас дальше к платформе, рядом с которой Эбнер делает знак выходить. В лифте мы втроем поднимаемся на площадку под прозрачным куполом, сквозь который на нас льется солнечный свет. Пространство вокруг максимально заполнено выращиваемыми здесь полезными для людей растениями, в основном это грядки с овощами и травами, но есть и плодовые деревья и ряды ягодных кустов. Между всем этим протянуты узкие дорожки, по которым можно ходить вдвоем. С дальней стороны виден выход в стеклянный коридор, соединяющий этот павильон с соседним. Кроме нас здесь есть еще люди, по виду они неспешно прогуливаются и разговарива-

ют. Есть и скамеечки, с устроившимися на них отдыхающими, столики с настольными играми.

Эбнер отводит нас к краю купола. По другую сторону от него мы видим зеленую лужайку, отделяющую павильон от леса. На ней пасутся, кажется, гуси.

Подождите здесь, скоро к вам подойдут, – говорит Эбнер напоследок и неспешно удаляется по тем же дорожкам, по которым мы дошли сюда, и скоро исчезает в лифте.

Ну убивать здесь нас вряд ли будут, – предполагает Лекс, – так что можно расслабиться. Смотри какой важный! – он кивает на громадного гуся, недружелюбно плящегося на нас с той стороны.

Настоящие птицы, настоящий лес, природа хоть и через стекло, но ближе нам еще не доводилось с ней сталкиваться. В одиночестве мы в итоге проводим минут двадцать, и за это время наши восторги успевают поутихнуть. Словно дав нам время на то, чтобы насладиться солнцем, к нам наконец направляется еще один человек. Это явно не босс Эбнера – он молод, едва ли сильно старше нас, безоружен и не столь слащаво дружелюбен, как его коллега.

Рад, что вы нашли время на эту встречу, – приветствует он нас. – Можете звать меня Лис, проследуйте, пожалуйста, за мной.

Недоуменно переглянувшись, мы идем за этим молодым человеком к одному из выходов из купола. Я чувствую себя глупо. Мне серьезно показалось, что мы попали в беду, но

пока что к нам относятся лучше чем официальная организация в составе гильдии искателей. Все очень мило и вежливо.

По стеклянному коридору мы проходим в вытянутую оранжерею, где среди цветов находится каскад неглубоких искусственных водоемов. Добравшись примерно до середины строения, Лис останавливается и поворачивается к нам. Кроме нас троих людей здесь нет.

Предположив, что нам снова предложат подождать, я опускаю взгляд в ближайший водоем. Сначала кажется, что его плоское дно покрыто почти идентичными гладко отполированными камнями, однако эти камешки подергиваются, попинывая друг друга, и неожиданно позевывают круглыми ртами с кучей мелких, но на вид острых зубов.

Я должен сделать вам предложение, – предупреждает Лис, немного волнуясь. Над его головой висит камера наблюдения, и можно предположить, что, тот или те, кто хотели нас видеть, уже нас видят.

Делай, раз должен, – разрешает Лекс, стоя у самого края водоема. По его позе видно, что больше всего ему сейчас хочется поэкспериментировать с повадками этих живых камней, посредством бросания в них других камней – они даже есть у него в кармане, я знаю, однако наши новые знакомые вряд ли согласятся немножко обождать с общением.

Вы знаете человека, который работал на нас, – уже увереннее продолжает Лис.

Стоува?

Лис не подтверждает это даже простым кивком.

Он взял на себя обязательство достать некий объект и передать его нам. По нашим данным получить этот объект ему удалось, однако после этого он исчез вместе с ним. Нас интересует либо информация о местонахождении его и объекта, либо вы можете сами раздобыть объект и принести его нам.

Лекс раздраженно фыркает.

Где Стоув, мы и сами хотели бы знать, а новая работа нам не нужна. Так что, по ходу, вы и мы друг другу совершенно бесполезны. – Он машет мне рукой: – пошли отсюда.

Такая работа всем нужна, – пытается остановить его Лис. Он заметно нервничает, боится, должно быть не справиться с поручением прямо на глазах у своего босса.

Да неужели?

Очевидно, вы и сами не представляете, в каком шатком положении сейчас находитесь, – быстро говорит Лис, возможно, повторяя за кем-то – у него в ухе маленькая телесного цвета капелька, анатомически с ним не связанная. – По прихоти безответственного человека вы заняли места, которые предназначались для других. Меньше чем через год с началом новых перетасовок эта недоразумение будет исправлено, и вы окажетесь никому не нужны. Вы даже назад на свой уровень вернуться не сможете. А знаете, что бывает с людьми, которых выкидывает из системы? Ничего! Их выбрасывают как мусор. – Лис пытается выдать соответствующую словам интонацию, но его голос дрожит. – Работа на

нас позволит быстро, уже в молодости, подняться наверх и достичь успехов в гильдии.

В какой гильдии? – уточняет Лекс.

В любой гильдии.

В любой?! – удивляется Лекс. – Если ваши связи столь обширны, – он смотрит то в камеру, то на молодого человека, – и вы так легко добываете нужную информацию, – то почему не собираете этих объектов сами. Мы лично вам на фигура сдались?

Лис кажется напуганным, но тем не менее говорит:

Достать объект без официального привлечения всех ресурсов искателей достаточно сложно. Недавно был найден другой путь, и он оказался доступен благодаря связям нашего пропавшего работника. Мы полагаем, что этим путем сможете пройти и вы.

Я конечно не могу быть до конца уверена, но предположу, что тут он имеет в виду помощь со стороны секты поклонников материнского дерева, а значит, эти господа тоже в какой-то степени верят в Мать. И даже возможно именно кто-то из них преследовал меня и Лита, когда мы пытались оторваться от слежки на полуразвалившемся поезде.

Однако вы правы, – продолжает Лис. – Вы важны, но не настолько важны, чтобы в случае вашего отказа сотрудничать не принять соответствующих мер. Всегда есть другой способ вести бизнес.

С этим сложно спорить, – мягко соглашается Лекс и улы-

бается даже. Наверное, это нервное, но Лис, дабы окончательно убедить его в серьезности не своих слов, предлагает поближе познакомиться с обитателями лужи. Из вытянутой коробки рядом с собой он вытягивает нечто похожее на большую вилку, к зубьям которой привязаны сосиски. Парень подносит вилку к поверхности воды, крепко держа ее двумя руками. Едва она касается воды, ближайшие к этому месту камни словно выстреливают вверх, молниеносно вытягиваются и их жуткие рты смыкаются на сосисках и откусывают их вместе с зубьями. Лис делает усилие, чтобы остаться на ногах, когда вилку резко дергает. Остальные камни, которым не достался перекус недовольно булькают, когда их более удачливые собратья опускаются обратно на дно и начинают переваривать пищу.

Круто, – Лекс нагибается над водой, поближе рассматривая довольных обедом монстров. Я же отхожу на шаг и заглядываю в соседний бассейн – но там ничем не примечательные рыбки гоняют стайкой туда-сюда.

Они любят мясную продукцию этого производителя, – кивает взбледнувший Лис. – Но еще больше они любят человеческие пальцы. Очень назидательно получается.

Если при этом сравнивать выражение лиц Лекса и Лиса, то становится совершенно непонятно кто кого запугивает.

Хорошо, с этим все ясно, – все же вынужден признать мой друг. – Но у меня, прежде чем мы уйдем обдумывать продуктивность сотрудничества с вами, назрел еще один вопрос. Я

так понимаю вы имеете дело и с живыми объектами тоже? В смысле не только с продуктами их жизнедеятельности. А такими крупными птичками с клешнями вместо крыльев вы занимаетесь?

Птероморфами? – Лис делает паузу в ожидании подсказки. – Их берут в качестве сторожей обычно, хотя они довольно безобидны.

Безобидны?! У меня даже спина от возмущения зачесалась в том месте, куда меня безобидно клюнули, отщипнув отнюдь не лишний кусочек плоти.

Как же они тогда сторожат? – также удивляется Лекс.

Птероморфы панически боятся громких звуков, но если вор будет вопить, то его же поймают.

После того, как разговор заканчивается, нас провожают назад под купол, где мы снова некоторое время ждем Эбнера, глядя на пасущихся гусей. Главный гусь, снова увидевший наши лица, явно возмущен. Очень хочется по свежачку обсудить все услышанное, однако мы терпеливо молчим.

Эбнер приходит за нами еще через двадцать минут, точно также доводит и сажает в машину, везет обратно в Муравейник.

Может, у вас остались какие-то вопросы, которые я смогу прояснить? – пытается он прекратить это тягостное и неинформативное молчание.

Да о чем тут говорить, – с тоскою вздыхает Лекс.

После всех этих разговоров с демонстрацией фотографий и прочего у нас обоих включается легкая паранойя, оправданная или не очень. Вернувшись в учебку, мы некоторое время неуверенно бродим по складу и наконец закрываемся в маленькой ванной комнате.

– Ну и кто на тебя произвел большее впечатление? – спрашивает Лекс, предварительно придирчиво с фонариком рассмотрев вход в вентиляционную шахту на случай прослушки или прослушивателя, который теоретически мог бы там за решеточкой уместиться. – Те или эти?

Конечно, эти! Они много знают – это пугает, – признаюсь я.

А на меня больше те, – задумчиво произносит Лекс.

Из-за блондинки? – Ничуть не сомневаюсь я – длинноногая представительница службы безопасности искателей сразила его наповал.

Не могу выбросить ее из головы, – признает друг и тут же ухмыляется: – впрочем, мы так и не увидели боссов местной мафии. Давай будем их называть девятой гильдией для удобства, – предлагает Лекс.

А ведь действительно! Бедные наивные бандиты не догадались, чем можно пронять Лекса. Уж точно не завуалированными угрозами. Кстати о них.

Может это и просто совпадение, но прозорливые камни мне кое-о-чем напомнили! – Я нервно кусаю ногти, пытаюсь воспроизвести в памяти уже довольно отдаленный момент. –

Они могут откусить у человека пальцы, если его руку засунуть в бассейн, а тот несчастный в белом секторе, с раздутым лицом и наростами, помнишь? Когда мы с Кейт первый раз после окончания школы пошли навещать Мэй, я перепутала ее камеру с чужой и там увидела человека, который был явно болен чем-то похожим. И когда он потянул ко мне руки, я заметила, что на них нет пальцев.

Лекс просто смотрит на меня несколько секунд.

Я понял, что ты имеешь в виду, – кивает он. – Но если предположить, что у Стоува в этом бассейне сожрали пальцы за то, что он, предположим, отказался отдавать золотое сердце или рассказывать, как он его добыл...потом он что, поднялся в белый сектор, заразился там болезнью и набрал, скажем, носом сообщение для Фелис. Или один палец у него еще оставался?

Тогда уж наоборот, он сначала заразился в белом секторе, но болезнь проявилась не сразу. Его забрали из зоны, так же как и нас, сожрали пальцы и выкинули куда-нибудь. Потом он при прогрессировании болезни обезобразился, сошел с ума и его забрали в психушку.

Ну да, так проще. Тогда вопрос, что он делал в белом секторе.

Встречался с кем-нибудь.

Почему не в месте поцивильнее? Пусть это было что-то незаконное, и в этой зоне, конечно, нет камер, но ведь таких свободных закуточков по Муравейнику можно множе-

ство найти. В подземельях тоже проверить можно все, что угодно.

Может, тот, с кем Стоув собирался встретиться, не мог спуститься в подземелья, – предполагаю я.

Типа Фелис.

Для свидания можно было найти местечко и почище, – скептически морщу нос. – И как бы она на инвалидном кресле через дыру в решетке лезла?

Ладно, кандидатура снимается.

А что если попробовать все-таки прорваться к этому пациенту? – предлагаю я, вообще-то полностью в этом плане рассчитывая на безграничные таланты моего друга. Сама-то я даже не знаю с какой стороны браться за это дело. – Узнать у Стеллы, если вдруг у Стоува есть какие-нибудь особенные приметы.

Вообще, полагаю, у стражей даже с того момента, как ты увидела этого страшила, было достаточно времени, чтобы установить его личность. Так что, видимо, этот человек все же не Стоув, – вполне разумно отмечает Лекс. – Но других причин, чтобы не сходить и не глянуть на него я не вижу, – уже менее логично заканчивает мысль он.

Когда я записывалась на очередное посещение Мэй в больнице, меня мучило множество страхов. В основном они касались предположения, что после того, что мы собираемся здесь натворить, нас к Мэй больше никогда не пустят. Тем не менее мы все равно с Лексом сюда приперлись.

В этот раз нами занимается очень приятный молодой человек, который явно относится к своей работе с энтузиазмом. Быстро передвигаясь по коридорам и помахивая зажатым в руке планшетом, он проводит нас к одиночным камерам или, по-другому, к индивидуальным палатам не сверху, а снизу. Таким образом мы имеем возможность увидеть нашу подругу не через маленькое окошко в потолке ее тесного места заключения, а через прозрачную дверь в него же. Более того, нам эту дверь отпирают.

Не вижу смысла ограничивать ее в общении, – поясняет молодой врач. – Даже наоборот, уверен, оно будет ей полезно. Правда же, Мэй? – улыбается он, и Мэй поворачивает лицо на его голос. Восторг! Мне хочется обнять этого прекрасного человека, но я конечно же этого не делаю.

Следующие сорок минут рассказываю Мэй все последние новости, сидя рядом с ней на полу ее небольшой цилиндрической комнатки. Она крепко держит обеими руками мою ладонь, но смотрит в стену. Лекс кругами ходит перед нами,

но на середине разговора тихо выходит наружу. Его нет довольно долго.

Стараясь не волноваться за него, чтобы не нервировать Мэй, я продолжаю говорить. Новости, конечно, давно кончились, и я рассказываю о всяких интересных вещах, о которых успела прочесть за последнее время. Заглядываю ей в лицо, пытаюсь прочесть ее мысли. Не надоела ли я ей своей болтовней? Но Мэй выглядит умиротворенной. Ее взгляд сфокусирован, зрачки двигаются так, словно она смотрит невидимый телевизор. А может и правда смотрит. Видит образы моих слов на своем мысленном экране.

Лекс возвращается всего на несколько секунд раньше, чем снова в комнатку входит доктор.

О, прекрасно! Мэй смотрит видео от своих друзей! – восклицает последний, глядя на нас. Похоже, мое «кажется» совпадает с его «кажется». – К сожалению, время вашего посещения подходит к концу.

Дрогнув, моя рука ощущает, насколько сильно на самом деле ее удерживают. Я кладу вторую ладонь поверх сцепленных рук Мэй.

А не подскажите, куда делся тот неизвестный из соседней камеры...э, палаты? – интересуется Лекс.

С чего вы взяли, что он неизвестный? – брови молодого доктора вопросительно взлетают вверх.

Нам так сказали. Что его личность не удалось установить. Вообще-то, – доктор удивленно глядит в свой планшет и

что-то там перелистывает, – неизвестных у нас никогда не было. Да и трудно ли в наше время установить личность, – пожимает он плечами.

Ясно, – кивает Лекс, – ну того чувака вы не можете не вспомнить. У него такое вздущшееся лицо, бельма на глазах и еще у него нет пальцев.

По лицу доктора ясно, что он понимает, о ком речь, и чувствует в связи с этим некий дискомфорт и неуверенность.

А мы его тут видим каждый раз и уже практически сроднились с бедолагой, – продолжает Лекс. – У Мэй с ним вообще сильная эмоциональная связь, так что нам очень важно узнать...

Я не могу дать сведения о пациенте, – прерывает его доктор.

Мэй, попроси доктора, как ты умеешь, – неожиданно для всех просит Лекс, хотя не думаю, что он ожидает от нее какой-то реакции на самом деле.

Не смотря на наши общие ожидания, Мэй медленно поворачивает голову и останавливает свой тяжелый мертвенный взгляд на переносице доктора. Прямой взгляд морозит холодом и потусторонней жутью. Тот поднимает планшет, как будто инстинктивно пытается им прикрыться, но все же берет себя в руки и останавливает это движение на уровне шеи.

Мне очень жаль, но ночью этот пациент скончался, – выдает он испуганно.

Мэй поворачивает голову обратно и снова смотрит в свой

«телевизор».

Уходя, мы старательно благодарим опечаленного доктора за его заботу о Мэй и отмечаем явный прогресс. Все что угодно, чтобы он вернул свое приподнятое расположение духа и не попытался свалить на хрен с этой работы.

Выходит, это не Стоув, – говорю я, когда мы выходим наружу.

Как любят повторять инструкторы в учебке: никому нельзя верить, все показания нужно проверять, – заявляет Лекс.

Следующий, кому мы идем портить день, это наш бывший одноклассник Джем, работающий в приемном отделении больницы. Нервно оглядываясь, он запикивает нас в маленькую комнатку с застеленной простыней кушеткой и столиком на колесиках со стопкой других таких же простыней.

Туда вам никак не попасть, – Джем отрицательно мотает головой, выслушав наши пожелания по поводу проникновения в морг.

Хотя бы объясни, где это, – и не думает сдаваться Лекс. – Судя по тому, что я видел, у вас планировка не стандартная. Вам схемы помещений раздавали? У меня на карте она показана как монолитный блок, а внутрь доступа нет.

Конечно нет! – раздраженно ворчит Джем. – Так, провели вокруг для порядка. Кто успел запомнить тот молодец.

А ты молодец?

Морг я показать могу. Он мне в кошмарах снится после

того, как нас на вскрытие водили. Сказали, типа, чтоб мы одумались, пока не поздно.

Но поменять гильдию можно раз в год вроде?

Да, но начинать с низов с каждым годом будет сложнее, очевидно же.

Ага, – закрывает тему Лекс. – Так, куда нам идти?

Все просто на самом деле. Из этой двери налево по коридору мимо поста охраны до самого конца. Легально туда я вас провести никак не могу. Вдобавок все прекрасно просматривается камерами, тот кусок коридора по крайней мере.

А как на счет охраны? Бдят?

Ну так. Вполглаза, все-таки морг. Его посетители обычно не бедокурят и жалобы не строчат, так что охранники обычно тусуются где-то еще.

Значит, проблем нет.

Я бы так не сказал, – упрямится Джем и не успевает остановить Лекса, когда тот подходит к столику и хватается за простыню.

Что ты творишь?!

Лекс разворачивает простыню, и она оказывается довольно старой и тонкой на просвет, так что он без промедления нахлобучивает ее себе на голову.

Ну чего, я вполне сносно вижу сквозь нее, – сообщает друг из-под своего прикрытия. Ну, ясно, сегодня грабить морг пойдут два застиранных привидения. Надеюсь, никто видео

с камер просматривать не будет.

Но я все равно могу тебя опознать, – рычит Джем. Мы все смотрим на выглядывающие из-под простыни форменные брюки и ботинки.

Ах, точно, – Лекс наклоняется и стаскивает с себя ботинки, носки и подворачивает брюки выше колена. Немного понаблюдав за ним, начинаю делать тоже самое со своими.

Как, ты его не остановишь?! – удивляется Джем. – Ты же всегда была самой разумной из всей вашей компании!

Стоя в этот момент на одной ноге, я едва не падаю. Как же превратно можно истолковать чужие поступки или слова! Принять трусость и неуверенность за разумную осторожность к примеру.

Так, куда бы это деть? – ухватив с пола ботинки, Лекс все же приподнимает простыню, чтобы осмотреться. Его внимание привлекает защитный экран в стене, на половину прикрываемый столиком на колесиках. Сразу же принявшись за него, он откручивает винты, отставляет его в сторонку и заглядывает в отверстие за ним. Эта квадратная дыра не очень большая, но наверняка позади нее много места как во всех технических шахтах Муравейника. Жаль, что прямо по ним нельзя пробраться сразу в морг. То есть пробраться то можно, но выбраться не получится, поскольку экраны всегда прикручены снаружи.

Ну что, идем? – припрятав нашу обувь, предлагает мне Лекс.

Ага, идите конечно, но, может, поделитесь все-таки, как вы собираетесь открыть дверь? – со всем возможным скепсисом интересуется Джем.

Не вдаваясь в объяснения, Лекс демонстрирует ему пустую карту.

Спорим не выйдет? – Джем ничуть не впечатлен.

А если не выйдет, – друг немного раздраженно запикивает карту обратно в рукав, – дождемся кого-нибудь, кто нам эту дверь откроет, и проскользнем за ним.

Джем нервно покусывает губу, не решаясь что-то предложить.

А как думаете, что вам будет, если вас все-таки поймают? – переживает он.

Да ерунда какая-нибудь, – отмахивается Лекс. Такие детали его никогда не интересовали. – Но ты по-любому не при делах.

Спасибо, конечно, – вздыхает Джем. – Короче там несколько помещений за той дверкой. Тела хранят внизу, а сверху гистологией занимаются, и тетка которая это делает довольно пунктуальна, так что с обеда возвращается минуту в минуту. Ну, в общем, можете подождать.

Ну, в общем, мы ждем, отпустив Джема дальше набирать свои баллы. На случай, если комнатка кому-нибудь понадобится, мы забираемся в шахту к своим ботинкам и прикрываем дыру столиком. Внутри сесть приходится прямо на каменный пол, зато спину греет обернутая во что-то мяг-

кое труба. Пока я развлекаюсь, разглядывая уходящий вдаль прямой тоннель, Лекс, уставившись в свой планшет, обмозговывает возможные пути отхода.

Когда подходит означенное время, мы по очереди выбираемся обратно в комнату и надеваем простыни. Из-под такой завесы видно вообще-то довольно фигово, но в хорошо освещенном коридоре, надеюсь, будет получше. Вместе с Лексом мы встаем у двери, готовясь к выходу. Тут-то меня и пронимает нервная дрожь.

Ты – привидение с моторчиком? – спрашивает друг, вспомнив мультик.

Д-да, но летать не умею...

Главное не тарахти, мы под прикрытием, – сообщает Лекс довольно, и тут дверь открывается.

М-мать вашу! – восклицает заходящий Джем и хватается за сердце. – Хорошо, мы в больнице!

У-у-у! – Лекс протягивает к нему руки. – Мы пришли за твоей душой! – говорит он нараспев. – Надеюсь, ты помыл ее?

И обеззаразил, так что прочь от нее ваши грязные ручки! – отмахивается Джем. – Между прочим, если вам все еще интересно, один охранник сейчас на посту, а Панера уже прям сейчас будет возвращаться!

Та тетка, которая нас пропустит?

Да-да-да, – нетерпеливо тараторит Джем, – я бы отвлек охранника, если вы быстренько придумаете как.

А чем он там на посту занимается?

Не знаю, рубится во что-то по сети.

Так, собственно, он уже отвлекся. Крикни нам, как твоя тетя мимо пройдет.

Ладно, – Джем выходит за дверь и тут же машет нам рукой, пока она еще не закрылась. Мы тут же выскакиваем в коридор.

Действительно, здесь сквозь простыню видно получше. А именно виден удаляющийся от нас одинокий силуэт. Однако коридор длинный, прямо очень. За четыре секунды, которые будет открыта дверь можно не успеть, а если начать бежать к двери до того, как тетя в нее войдет, она может заметить нас боковым зрением. И я себе слабо представляю, что она почувствует и как громко будет орать, увидев несущиеся на нее босоногие привидения в развевающихся простынях. А может она решит, что мы трупы, вышедшие проветриться, а теперь желающие вернуться на свои места?

Примерно из этих соображений мы сокращаем дистанцию до двери, пока женщина впереди нас еще идет по коридору. Стены и все вокруг белое или светлое, может мы сольемся с фоном. Прямо спиной чувствую ошарашенный взгляд Джема, когда мы вразвалочку как два серовато-белых гуся на корточках проходим мимо пункта охраны. Надеюсь, он знает, где камеры, и стоит так, что они его не видят. Как только женщина заходит в дверь мы подрываемся и несемся вперед со всей возможной скоростью, считая в уме: четыре, три,

два, один. Дверь захлопывается ровно за моей спиной.

Нельзя даже восторженно вздохнуть. Недалеко от нас лестница, по которой не спеша поднимаются две ноги на высоких каблуках. Дождавшись, когда стук копыт заглохнет где-то в комнатах наверху, мы подбегаем к большому холодильнику с несколькими дверцами. На них, кстати, отмечено, есть внутри постояльцы или нет, так что выбор сужается и нам удается сразу выбрать нужную.

Тот, кто нам нужен, обнаруживается в средней ячейке. Что-то вроде металлического стола с негромким лязгом выдвигается вперед и мы видим на нем обезображенное мертвое тело. Стелла передала нам еще одно фото своего брата, на котором тот хвастается своей новой татуировкой в основании шеи, но она оказывается не нужна. То ли врачам все же удалось его немного подлечить, то ли смерть так повлияла на его облик, но лицо достаточно разгладилось, чтобы можно было его узнать. Перед нами действительно лежит мертвый Стоув, хотя и почему-то под чужим именем.

Наши поиски очевидно закончены. Мы молча стоим рядом с ним, и ни одна мысль в голову не лезет. Это какой-то неправильный конец.

Что ж, – с грустью в голосе говорит Лекс, – наверное, я его сфотографирую для Стеллы. – Он делает несколько фото его лица на планшет, после этого мы снова просто стоим рядом, не зная, что делать.

Скоро, хотя и не знаю точно когда, тело Стоува сбросят

в бездну, и если мы хотим, чтобы его близкие успели с ним попрощаться, нужно каким-то образом сообщить страже об ошибке. Но даже если мы признаемся, что хитростью проникли в морг, не отмахнутся ли от нас?

Размышляя, я с интересом опускаю взгляд на нижнюю ячейку.

Смотри-ка, – прерывает меня Лекс. Он делает еще одно фото, на этот раз руки Стоува, а потом указывает на его отгрызенные пальцы. Хотя нет, отрезанные, ровненько по линии.

Может, это сделали врачи?

Типа подровняли?

А что если это сделали птенчики своими клешнями? – пронзает меня нехорошая догадка. – И отравил его тоже один из монстров, нелегально купленный библиотекарем?

Ну что, мотив у него есть.

Мы оба задумчиво качаем головами и ближе всматриваемся в обезображенное тело, склонившись над столом. Замечаем громкие шаги по лестнице слишком поздно. Впрочем, прятаться тут все равно некуда, разве что в холодильник лечь.

Мы оба просто замираем, надеясь неизвестно на что. Лекс стоит спиной к лестнице, а я вижу, как молодая женщина в халате поверх модных нынче коротких шортов и ярких лазерного цвета чулок осторожно спускается по крутым ступеням. Тыц, тыц, тыц. Она конечно, смотрит себе под ноги

на таких каблучищах то, но в любой момент может остановиться и глянуть в бок, там где над трупом склонились две подозрительные личности в накинутых на плечи простынях. Или доберется до конца спуска и...

... и она выходит за дверь.

Мы синхронно выдыхаем. Я бросаюсь к другой дверце холодильника, а Лекс к экрану, загораживающему выход в шахту.

Распахнув дверцу с пустой нижней ячейкой внизу, я обнаруживаю, что под столиком там есть внизу пустое пространство. Мало, но есть. Отвинтив экран – у друга это получается все быстрее и быстрее – Лекс подбегает ко мне.

А, у них тут запасная полочка! Думаешь, тут они Стоува не найдут?

Может, они не будут его искать, если решат, что мы умыкнули труп? Попадем на камеру с чем-нибудь в руках, – предполагаю я, хотя звучит это все по-дурацки, сама слышу.

Или и вправду умыкнуть труп? – делает контрпредложение Лекс.

Сможешь его пронести? Прямо сквозь шахту? – Места там вроде бы много, но куча отведений от труб, предполагает бег с нехилыми препятствиями.

Без проблем, – дергает плечом Лекс, видимо тем, на котором собирается нести Стоува.

Но проблемы все-таки возникают. Мало того, что трогать мертвое тело оказывается не слишком приятно, оно к тому

же твердое, несгибающееся и мы его даже толком в простыню, которой оно прикрыто, завернуть не можем. Помучившись так и сяк, под давлением неумолимо утекающего времени мы все же меняем план и сообща перетаскиваем Стоува под нижнюю ячейку другой секции холодильника и даже более менее сносно его там устраиваем. Приведя все в порядок, мы снова слышим цоканье каблуков, которое, честно говоря, сильно действует на нервы.

По шахте мы поспешно пробираемся обратно к комнатке, где мы оставили себе выход. Взяв в руки ботинки, мы вылезаем наружу, все еще держа простыни, накинутыми на плечи. Внутри нас встречает Джем, который тут же жестом показывает соблюдать молчание, а потом бешено жестикулирует в сторону койки. Повернувшись к ней, мы видим лежащего на ней врача.

Врач этот то ли дремлет, то ли просто прикрыл ненадолго глаза, и судя по тому, что это именно тот врач, который при нашем прошлом посещении больницы носился тут и делал работу чуть ли не за всех сразу, отдых ему действительно не помешает. Хотелось бы оставить его в покое, но нам на камеры нужно выходить вместе с трупом. Это Лекс жестами пытается объяснить Джему. Его пантомима явно достойна какой-нибудь награды. Когда врач все-таки просыпается и принимает на кушетке сидячее положение, его сонный взгляд обращается на двух условных привидений, одно из которых бугрится, потому что зажало в руках две пары

ботинок, а второе держит на плече что-то длинное и спеленутое тремя простынями.

Спите, спите, – успокаивающе говорит ему Лекс. – Вы отличный врач! – похвалив его, мы выбегаем из комнатки и несемся по приемному отделению наружу. Видно плохо, но судя по шуму, мы повсюду вызываем фурор и, поскольку нас никто так и не останавливает, глубокое замешательство.

Благодаря тому, что Лекс заранее продумал путь отхода, бежим мы не просто так, а продуманным маршрутом. Засветившись на камерах, мы залетаем в закуток на платформе, где уже без свидетелей, можем обуться и освободить несчастного Джема от сковывающих его пут. После такого, мы ему всю жизнь обязаны будем, это точно!

И, пожалуй, можно надеяться, на отсрочку – еще немного времени, за которое мы сможем понять, что же произошло со Стоувом и каким-то волшебным образом найти этому доказательства.

Мы почти только что встали в очередь на раздачу обеда в столовой, когда в меня прилетает яблоко. Задумавшись, я инстинктивно ловлю его и продолжаю думать дальше, разглядывая его в своей руке. Потом, до меня доходит, что прилетело оно неспроста. Включившись обратно, оглядываюсь и вижу офицеров, приближающихся к нам. Кейн по дороге вытягивает прямо из-за стола ничего не понимающего Мина и тащит его за собой.

– Пошли, – бросает Редженс, выхватывая Лекса, но от его командного тона пойти готова вся очередь. Хотя поняв, что к ним приказ не относится, все с облегчением остаются. Я иду вслед за Лексом, хотя меня не приглашали.

Все вместе выходим в общий зал, сейчас он абсолютно пуст. Офицеры подводят ребят к огороженному канатами возвышению и надевают на них специальные перчатки для боя.

– Кирилл хочет, чтобы вы разобрались со своими проблемами, вот вы и разберетесь, – комментирует Редженс. Кейн запикивает Лекса за канаты.

– Но ведь это не честно, – Мин тормозит, уже поставив одну ногу на возвышение. – Я ведь владею техникой боя, а он просто курьер.

– Владеешь техникой?! – усмехается Редженс. – Да ты к ней даже еще не прицелялся. Не проводи время. Тебе лишние свидетели не нужны.

Мин с неудовольствием оглядывается на меня, но я уходить не собираюсь – мой интерес к его чувствам с некоторых пор охладел. Тем более, что остальные мое присутствие вообще игнорируют.

Ребята встают на возвышении напротив друг друга и продолжают неловко стоять. Мин нервничает, а Лекс всегда не против подраться, но и ему парочка оскорблений для затравки нужна.

– Чего застыли?! – недовольно интересуется Кейн, удоб-

но облокотившись о столб. – Отмутузьте уже друг друга как мужики, или собираетесь и дальше зажиматься по углам?

Насупившись, Мин принимает боксерскую стойку, но через секунду просто наскакивает на Лекса, и у них начинается их обычная потасовка. Не вижу какой-то особой техники, они так еще в школе колошматили друг друга. Судя по лицам офицеров, это совсем не то, что от них ожидали.

Офицеры перелезают через канаты и растаскивают сцепившихся ребят в стороны.

– Это что за дурацкие обнимашки?! – Кейн отвечает Мину затрещину. – За такое все баллы поснимать! Покопайся в своей дырявой голове и вспомни хоть что-нибудь из того, чему тебя учили!

Редженс просто молча выставляет руки Лекса, видимо, в нужную позицию и толкает его обратно к Мину. Тот снова начинает первым. Старательно наносит один удар за другим. Лекс уворачивается или парирует, постепенно отступая к канатам. Уже оказавшись в углу, подныривает под руку и обходит Мина сбоку. В этот же момент он вдруг решает перейти в атаку, наносит несколько резких ударов, два из которых в конец растерявшийся Мин благополучно пропускает, от чего валится на канаты. Лекс отсекает, Мин падает на пол, побарахтавшись, поднимается на колени и получает еще пару ударов сверху, загораживаясь от них руками. Судя по виду, он ничего не собирается с этим делать, так что Лекс просто отходит назад, давая ему возможность подняться. Но тот

не поднимается, тяжело дышит, продолжая заслонять голову руками.

– И че, это все? – лениво спрашивает Кейн и через канаты спрыгивает с возвышения.

– Нет, не все, – Редженс сам надевает перчатки и подталкивает Лекса к центру ринга. Их бой начинается без проволочек. Офицер наносит удары в гораздо более агрессивной манере, Лекс отбивается, но теряет равновесие, падает на колени. Вскакивая, почти уворачивается от следующего удара ногой. Все же получив вскользь, перекатывается и отскакивает в сторону, чтобы успеть снова повернуться к противнику. Еще один раз он по крупному пропускает, секунд через пять, отлетев, бухается на пол рядом с канатами.

– Вот теперь все, – снимая перчатки, Редженс ногой толкает Лекса, и тот выкатывается с ринга под нижним канатом и плюхается на пол. Как раз в зале появляются первые пообедавшие курсанты. Сажусь на пол рядом с Лексом. Засмотревшись, я так сильно вдавила ногти в яблоко, что по рукам теперь течет сок, так что даже дотронуться до друга не могу. Лекс кладет голову мне на колени и начинает стягивать перчатки.

– А круто, да?

Ну да, даже побитый, он радуется, что сама драка активной была, и наверняка поучительной. Боюсь, Мин к своему проигрышу относится совсем по-другому. Куда он делся, кстати, я даже не заметила.

Лекс появляется в прачечной, когда я закидываю в машины последнюю на сегодня партию стирки. Вид у него сконфуженный, в руках его второй комплект формы.

– Я тогда ее завтра постираю, с остальной формой, – говорю я, принимая аккуратно сложенную одежду у него из рук.

– А починишь? – виновато спрашивает друг. Я раскладываю форму, чтобы оценить масштабы проблемы, но тут в принципе все не так уж плохо.

– А пуговицы где?

– Валяются где-то, – отвечает Лекс смущенно.

– Такое впечатление, что ее с тебя сорвали, – усмехаюсь я. – Ристика постаралась?

– Если бы, – Лекс садится на лавку и закрывает лицо руками. – Я дурак!

– Ну, иногда, – сажусь рядом. – Что случилось?

– Помнишь, Ристика захотела стать акбратом Кейна? – напоминает он, тяжело вздохнув.

– Да. Но я думала, что она передумала. И как бы перевела внимание на тебя...

– Это она меня так уламывала, чтобы я ей помог. Впустил в апартаменты Кейна.

– Это как-то...самоубийственно.

– Вот именно, черт, – Лекс самокритично бьет себя ладо-

нюю по лбу.

– То есть ты ее туда впустил?

– Да. Ты туда заходила?

Я отрицательно мотаю головой, хотя вообще-то было дело, но я признаться не решаюсь.

– И не ходи, у этого придурка там настоящая пыточная устроена! Цепи, кандалы, плетки. Какие-то бьющиеся током фиговины.

Ну да, что-то такое я успела в тот раз рассмотреть, но удивления, пожалуй, не испытала. Ведь, если подумать, а что там еще могло быть? У Кейна-то?

– И что дальше было?

– Ристика разделась и красиво разлеглась на...ну не знаю, как это назвать, типа широченного матраса, покрытого скользкой черной простыней. Там еще к столбикам кожаные ремни прикручены, наверное, чтобы руки-ноги привязывать.

– И ее это никак не смутило?!

– Нет, она перед этим ходила по комнате и, хихикая, хваталась за всякие странные штуки. У него там куча всяких непонятных штукovin! Ну, в общем, я решил, что если она сама нормально к этому относится, то мне-то чего возникать. Может, у них тут наверху так положено. Это у нас просто в уголке зажмутся и порядок. А у них тут может без всяких штукovin секс и не в радость. Как там наша Илона говорила? Пресыщенность удовольствиями? В общем, я решил, что все

нормально и пошел ждать снаружи, там на платформе качели стоят.

– Знаю, дальше.

– Вскоре пришел Кейн – мы же под его расписание специально подгадывали. А потом, буквально через минуту-две, снова вышел. Я удивился, у него ж там красивая женщина сама себя предлагает, а он явно не впечатлился никак.

– Пресыщенность?

– Нет, черт. Или да. Короче, схватил он меня и притащил в ту комнату. А там Ристика висит, подвешенная за руки к потолку. Меня он тоже рядом подвесил и высек обоим кнутом. Потом снял Ристику и заставил униженно умолять его заняться с ней любовью. Она ему даже ноги лизала. Что он с ней только не делал. Она и орала и плакала.

– Жуть!

– Не это самая жуть! – Лекс вскакивает с места. – Представь себе, сегодня она ко мне подходит и как ни в чем не бывало спрашивает, когда мы, черт возьми, все это повторим!

– Но почему?! – вырывается у меня.

– Чего-то я в этой жизни не понимаю, – качает головой Лекс. – А ты что-нибудь знаешь, про садистов и мазохистов?

– Я такие слова слышала.

– Но не читала? Ты ж кучу книг перерыла.

– В школьной библиотеке про это точно ничего не было.

– Может, это оно было? И чего теперь, мне снова нужно устроить им подобное свидание? Только на этот раз само-

му заниматься подальше. Может, это действительно ее шанс подняться наверх. Для нее это так же важно, как для Кейт.

– Нет! – отвечаю я, не успев толком подумать.

– Неохота мне в этом участвовать.

– И не надо, – скачущие мысли в голове наконец встают в ровную шеренгу. – Если у Ристики действительно есть шанс, и Кейн ей заинтересовался, то он уж как-нибудь сам обеспечит их дальнейшую...связь. Не надо ему помогать.

– Ну да, верно, – с радостью соглашается Лекс.

– А про все это можно попробовать поискать информацию в книжках здесь, – с энтузиазмом предлагаю я. – Ведь стражам приходится иметь дело с очень разными людьми, а тут литература на все случаи жизни, по-моему.

– Ага, – соглашается друг и нехотя идет со мной копаться в книжках. Вообще-то с чтением у него не сложилось, он до сих пор читает медленно по слогам, да и с усидчивостью у него проблемы. Зато на слух он все схватывает на лету.

Классы на данный момент почти все пусты. По большей части все курсанты в зале или на платформе, заняты кто чем. Я сразу иду к тем полкам, которые завалены не систематизированной литературой, и, повернув голову, начинаю читать корешки. Лекс стоит рядом с таким видом, будто водопад враждебных буковок вот-вот обрушится на него и погребет навеки.

– Что ищете? – раздается голос за спиной, когда я уже успела проглядеть с полсотни заинтересовавших меня источ-

ников информации. Уже порядком заколебалась и шея болит, а тут Редженс. Ну хоть не сам Кейн.

– Ищем книжку про твоего дружка-извращенца, – снова лезет на рожон Лекс. Я чуть не роняю на ногу тяжелый томик энциклопедии. Ну, вот что ему нейдет? Может это болезнь такая?

На лице Редженса не отражается никаких эмоций. Он спокойным и даже ленивым жестом хватает Лекса за загривок и резко впечатывает его в пыльные полки.

– Ты не знаешь, о чем говоришь. Если б ты впустил постороннего в мой дом, то так бы легко не отделался.

Сказав это Редженс уходит. Я так понимаю, Кейн сразу рассказал ему об их вчерашнем проникновении на его жилплощадь. Хотя уже подозреваю, что они общаются телепатически, если вспомнить, как слаженно они действуют, не говоря другу ни слова.

– Это он так намекнул, что он еще больший извращенец? – интересуется Лекс, отряхиваясь от пыли, которую Редженс вытер им с полок.

Ристика “находит” меня в прачечной после обеда.

– Так вот где ты! – восклицает она, залезая ко мне в закуток между машинами, где я сижу с книжкой за корзиной неглаженного белья. Хотя здесь меня действительно так сразу от входа не углядишь, так что ладно, может и вправду именно находит.

Выглядит Ристика так, как будто это ее только что вытащили из сушилки. Волосы торчат во все стороны, лицо кажется припухшим.

– Что ты делаешь с волосами? – спрашивает она сразу, уставившись на меня жутким немигающим взглядом.

– С какими волосами?! – офигиваю я. Нет, конечно, среди белья не так уж редко находятся всякие волоски, но я их не коллекционирую, если что. Выкидываю просто. Зачем они ей?!

– Со своими! Почему они у тебя так блестят?

– Э-э, – я кошусь на свои волосы, беру прядь побольше и рассматриваю ее в искусственном свете потолочных ламп. Ну, отсвечивает немного, а не должна разве?

Ристика бесцеремонно вцепляется мне в волосы.

– Такие мягкие! – Пошуровав в моих, она берется за свои. – А мои как солома! То есть, я не знаю, как на ощупь солома, но она наверняка как мои волосы! Без укладки они смотрятся паршиво, скажи? А Кейн любит чистые волосы!

Чертов Кейн! На самом деле они с приятелем просто любят вцепляться людям в волосы и дергать, что не так уж приятно, когда эти волосы густо сдобрены всякой химией, которую обожают женщины верхних уровней. Но эта химия помогает им изгаляться с прическами, самовыражаться так сказать. Может, все эти средства для укладки и подпортили Ристике волосы. Наверняка, нужно просто подождать, пока они восстановятся, но подруга требует, чтобы я доскональ-

но рассказала, как часто и чем я мою свои, обалдевает от сообщения про холодную воду и отбирает остатки того мыла, которое мадам закупила для нас на нулевом. На самом деле, это просто самое дешевое средство, что можно найти, но Ристика хочет проверить на себе.

Признаться, чужие прикосновения меня не радуют. Иногда они неприятны до отвращения. После того, как Ристика похватила мои волосы, у меня возникло жгучее желание их снова помыть. Ощущение, что они сальные и грязные.

Прежде чем выйти в зал, я снова нацепляю на голову платок, тщательно спрятав волосы под него. Это дает мне хоть какой-то психологический комфорт. Беру корзину со свежими полотенцами и иду их менять. Традиция сдавать грязные мне вместе с одеждой не прижилась.

Часть курсантов сейчас находится именно в зале, но они сгрудились вокруг ринга и все их внимание сконцентрировано на нем. Там две пары бойцов пытаются одолеть друг друга под ехидные замечания офицеров.

Я стараюсь думать только о своей работе, выживая грязные полотенца из самых разнообразных мест и оставляя чистые в изголовьях постелей, хотя ко второй комнате у меня возникает мысль распахнуть их соответствующим образом по укромным местечкам. Но раз уж я начала делать все аккуратно, то пока и продолжу. Может в следующий раз.

Выживая скомканное полотенце из рукава свисающей с

дверцы шкафа рубашки, не замечаю приближения Кейна, пока он не хватается меня за локоть, резко поворачивая лицом к себе. В принципе, этого стоило ожидать. Первых двух персонажей из неблагополучной троицы я сегодня уже имела честь последовательно лицезреть.

– Ты что, снова обкромсала себе волосы?! – нервно спрашивает он, сдирая с меня несчастный платок. Вот дались всем мои волосы!!

Схватившись за ближайшую к лицу прядку, Кейн вытягивает ее и оценивает длину. Результат его устраивает, и он успокаивается.

– Мне просто надоело, что все хватаются за них! – объясняю я сердито, выжывая свое имущество из его пальцев. Выражение на лице Кейна едва уловимо меняется.

– Даже если так? – интересуется он и снова запускает свою пятерню мне в волосы, только теперь его пальцы больше не сжимают их и не дергают, а с небольшим нажимом поглаживают кожу под ними. Это удивительно приятно. Хочется мурчать, как будто я образно не мышь, а какая-нибудь кошка. Удовольствие начинает волнами распространяться по телу. Кейн придвигается вплотную, его вторая рука обхватывает меня, а ладонь устремляется под пояс брюк. Его губы прихватывают мочку моего уха. Потом он прижимает меня к себе, и я утыкаюсь в него носом, туда, где распахнутый ворот оголяет кожу, запах его тела становится нестерпимым. От нахлынувшей неги голова идет кругом. Он вызывает во

мне чувства, которые не должен.

Разве такое может быть? Почему? Я никогда раньше не испытывала такого одурманивающего наслаждения, так что не могу понять причины. Почему Кейн может вызывать такие ощущения, как?

Один из офицеров зовет Кейна и тот резко отстраняется и уходит. Я опускаюсь на пол, потому что ноги отказываются держать меня, ощупываю голову сзади, пытаюсь найти там волшебную кнопочку.

– На, изучай, – Лекс плюхает передо мной толстый томик «Ядов». Я бросаю раскидывать одежду по стопкам и, схватившись за книжку, тут же понимаю, что она совсем не библиотечная.

– Фергюс дал тебе свою?

– Нет, – Лекс хмурится, – у него я даже спрашивать не стал. Пришел к нему в кабинет, поговорил о том о сем, посмотрел на фото на его столе, – многозначительно говорит он.

– И что?

– Да, ты права, тебе не показалось, это другое фото, хотя очень похожее. Фергюс сваял дурака. Другим мы этим правда ничего не докажем, но сами теперь будем знать под кого копать.

– Так откуда ты книгу спер? – меня по-прежнему волнует этот вопрос.

– У главнюка из кабинета, – ошарашивает меня Лекс. – Пришел, смотрю, обложка знакомая. А ради тебя уж расстался прочитать слово из трех букв, ценишь?

– Э, а ты не интересовался, куда все же пропал первый курьер и за что?

– Да не бойся! – Лекс хмыкает. – Ерунда. Главнюк этими книгами и не пользуется даже. Они там просто для антуража стоят.

– А что если он заметит дыру в своем антураже?!

– Так, – Лекс делает останавливающий жест, – ты ищи давай, чем там Стоува отравили. Будешь хорошей девочкой и все быстро найдешь, я верну книжку и никто ничего заметить не успеет. Ясно?

– Ясно, – скорчив обидевшуюся рожицу, быстренько начинаю просматривать оглавление. Более менее определившись с разделом, листаю страницы. В книге достаточно фотографий, но прочитать приходится все же много. Перехожу с книгой на кресло, а Лекс начинает страдать, мотаясь вокруг меня без дела.

Не знаю, сколько времени прошло, но я все же определяюсь с выбором. Все, что мне известно про симптомы отравления искомым ядом, наилучшим образом подходит яду лученога – редкого подземного монстра, которое напоминает ползучий кактус не очень больших размеров.

– Ну, чего, раз библиотекарь птенчиков добыл, то мог себе и это страшилище из подземелий выписать, – Лекс достает

свой планшет, – сейчас сфоткаю страницы на всякий и пойду книжку относить.

У курсантов сегодня очередной выходной, у меня, предположим, тоже. Хотя никто так и не удосужился мне объяснить, с какой периодичностью у меня могут быть свободные дни.

Кейт идет рядом со мной, недовольно поджав губы. Сейчас вокруг нас слишком людно, чтобы она могла спокойно высказать, что у нее в душе накипело, без опасения, что ее откровения услышат не те уши. А высказаться явно хочется, и ее мысли заняты этим настолько, что я до сих пор не знаю, куда мы, собственно, сейчас идем. В ожидании, когда она сама начнет разговор, пока просто глазею по сторонам.

Сегодня гильдии искусства и ремесла проводят красочное и масштабное мероприятие, приуроченное к их общему празднику – Дню кукол. Так что прямо с утра повсюду один за другим идут самые разные представления, ярмарки, мастерклассы, выставки и так далее. Стоит нам достаточно отойти от одних музыкантов, как уже начинаем слышать отголоски произведений следующих выступающих. Большинство из них пока что не слишком хороши, все же мы на нижних уровнях находимся, но все стараются. Кто запомнится и получит больше всего жетонов в выставленную для сбора шапку или кейс от инструментов – жетоны можно приобрести в автоматах – переедет выше, так что денек для них нерв-

ный.

Куклы повсюду, глиняные, пластиковые, тряпичные, с искусно нарисованными лицами и символически набросанными, с мигающими и светящимися глазами, поющие детские песенки и рассказывающие неприличные анекдоты. Самую жуть наводят поставленные на колеса роботы, презентованные научной гильдией, техниками, которые целенаправленно врезаются в прохожих и пробив возмущенное лицо по базе, приносят именные извинения и напоминают о неоплаченных штрафах и прочих прегрешениях. Народ разбегается от них в стороны или покупает продающиеся рядом (какое совпадение!) маски.

Кейт специально выбирает узкий темный ход вместо хорошо освещенной галереи чуть дальше, хотя из-за этого мы делаем крюк.

– Это не честно! – наконец слышу ее жалобу. – Я тружусь без продоху, все задания выполняю добросовестно, но все равно нахожусь по баллам в конце списка! Хуже меня только те, кому действительно среди стражей не место. А Мин со всеми своими косяками – уверенный середнячок! Вот как так может быть?! – спрашивает она, поворачиваясь ко мне на ходу.

Да понятно как, но что все это пережевывать по сотому разу! Конечно, я понимаю, что ей просто хочется выговориться, но решения ее проблемы все еще нет. Лекс с выяснением клички Кейна явно забуксовал, раз даже не заикается о том,

как с этим идут дела. Остается только продолжать работать в том же духе и надеяться на высшую справедливость (то есть, видимо, на Кирилла).

В общем вместо ободряющей речи мне удастся только что-то пискнуть невразумительное.

– К Мэй мы записаны на после обеда, да? – уточняет Кейт. – Мне сначала нужно выполнить одно задание, но это быстро. Потом пойдем в кафе на тридцать третьем – там и хорошо кормят и в стороне от всей этой суматохи.

– Что за задание? – быстренько интересуюсь я, пока мы снова не оказались среди толпы.

– Надо изъять телефон у одного торговца. Он типа краденный. – Поясняет Кейт. – Но это упражнение просто, торговец в курсе, ему приплатят за это. То есть нужно просто протокол правильно заполнить, ерунда.

– И тебе не нужно быть при этом в форме?

Просто на Кейт сейчас топик с блестками и одним голым плечом и серебристые легинсы. Выглядит этот комплект не слишком официально.

– Нет, у меня же удостоверение... – бодро начинает Кейт и начинает хлопывать себя по многочисленным карманам, которых на форме полно, а вот на сегодняшнем ее прикиде они напрочь отсутствуют. Я ловлю мечущуюся вокруг нее маленькую сумочку. Искусственный мех на ней делает ее похожей на шиншиллу, повесившуюся на собачьем поводке. Футляр с выданным наконец курсантам планшетом, тяжелее

и спокойно висит себе на ремне. – Точно, – Кейт хлопает себя по лбу. – Совсем уже свихнулась со всей этой нервозностью! Сюда!

Дешевые трубки продают прямо посреди галереи. Несколько тумб-витрин стоят квадратом вокруг продавца – скучающего щуплого паренька, который после короткого объяснения с Кейт сразу же вытаскивает нужный телефон. Она кладет его в пакет, запечатывает и оставив его рядом с собой начинает заполнять протокол на планшете.

Стоять рядом с ней, я стесняюсь, поэтому от нечего делать медленно прохожу дальше и рассматриваю все подряд. Метров через двадцать галерея утыкается в большой спортивный магазин, обходя его, вижу лестницу вниз и низко расположенное открытое окно в тоннель.

Возвращаясь, первым делом смотрю, что Кейт все еще занята своим протоколом. Медленно бреду в обратном направлении и взгляд сам утыкается в идущего навстречу молоденького паренька. Сразу же отвожу взгляд, смущаюсь, ругаю себя, напоминая, что нельзя пялиться на людей, и уже пройдя мимо магазинчика с телефонами и этого парня наверное, через пару секунд все же осознаю, что все-таки с этим парнем что-то не то. Может просто предчувствие.

Развернувшись, вижу как в замедленной съемке, как он, одетый почему-то в довольно пухлый жилет, похожий на куртку с отстегнутыми рукавами, огибает магазинчик, проходя очень близко от Кейт, практически скользя в сантимет-

ре от нее, и, схватив все еще лежащий поверх витрины телефон в пакете, моментально уносится прочь.

Взвизгнув, Кейт устремляется за вором. Планшет, только что лежавший поверх витрины, но привязанный к ней, вынуждено присоединяется к погоне.

Остальные люди, включая продавца телефонов, смотрят на все это довольно меланхолично. А я не замечаю, как тоже перехожу на бег, вижу только, что вся эта картина не удаляется от меня. Все вместе мы поворачиваем налево и вор исчезает из поля зрения.

– Где он?! – вопит Кейт. Она глянула в сторону следующей галереи и теперь смотрит вниз на пролет лестницы, но очевидно его там не видит.

Окно! – предполагаю я истеричным голосом. Кейт только сейчас замечает это несчастное окно и практически сразу, без колебаний выскакивает в него. Подбежав, я... не решаюсь. Там реально высоко и я помню, как в прошлый раз свалилась вот примерно с такой же высоты. Нога сразу же начинает ныть, напоминая о том, какая я неуклюжая. Кейт же прекрасно справилась и уже мчится дальше, вдалеке вижу и нашего вора.

Не думаю на самом деле, что я способна здесь хоть как-то помочь. Вот не растерялась бы сразу, остановилась бы вовремя, а не стала проходить дальше. Вот тогда бы у меня был бы шанс, хоть и малюсенький. В спортивных играх я полный ноль.

По лестнице я конечно все равно спускаюсь, а толку. Мне их уже не догнать никаким образом. Бегу в том направлении, недолго, потому что быстро выдохлась, и вспоминаю, что там впереди. Куда бы этот паренек мог побежать, куда свернуть. Где там двери, на которых можно потерять время, где возможно патрульные стоят. Еще есть отделение информационного центра, а там охрана, которую, теоретически можно привлечь... правда, если страж в легинсах, а не в форме... У меня появляется одно предположение, и решаю попробовать пробежаться другим путем, и если повезет, оказаться у вора прямо на пути. Если, конечно, он не выбрал какой-то другой из также возможных маршрутов.

С полной кашей в голове я на последнем издыхании бегу по коридорам – в некоторых из них выключен свет – и жду, когда ко мне придет второе дыхание. Но оно явно изменяет мне, пот льется градом, легкие пытаются разорваться. Свернув в закуток, в полутьме я сую свою карту в считыватель. В эту дверь вообще-то нельзя и я не знаю, что за ней, но по карте стражей сюда можно. Заскочив за тяжелую дверь, я бегу по лязгающей подо мной решетке между пятнами света от автоматически включающихся ламп. Подо мной вода и... на бегу я перескакиваю через что-то живое и дернувшееся, не знаю, второе дыхание появилось! Выскакиваю в обычный коридор, сбегая по лесенке, поднимаюсь по лесенке и выскакиваю наконец на платформу, если повезет впереди нашего вора.

Вокруг ходят люди. Недалеко площадка, где показывают оптические иллюзии. Совсем рядом палатки с перекусом, типа булочек и рогаликов. Пахнет кофе и шоколадом.

Я стою посреди людских потоков и вглядываюсь вдаль. Так вымоталась, что не до смущения. Надежда все еще остается, но мизерная.

Там, откуда вор мог бы бежать, его не видно, с противоположной стороны тоже. Я конечно еще подожду, но скорее всего, мы либо уже разминулись, либо я просто не угадала его маршрут.

Кое-как переведя дыхание, уже начинаю задумываться, что выгляжу глупо, топчась тут на месте в пропитавшейся потом футболке и прилипшими к коже волосами. С короткими кстати полегче. В очередной раз оборачиваюсь и не верю глазам своим. Воришка несется прямо на меня. Он как раз оглядывается назад, а когда снова посмотрит вперед едва ли сможет обойти меня. Шанс!

Все же делаю вид, что я тут как бы не причем, и когда он уже прямо рядом, встаю у него на пути, расставив руки, чтобы как следует уцепиться, когда он в меня врежется.

Кажется, что меня переехал поезд...

Падения вор явно не ожидает, но тут же начинает бороться за свою свободу, больно пихая меня ногами и руками. Мне едва удастся уцепиться за карман его жилета. Вишу на нем мертвым грузом, когда ему удастся подняться на ноги, но Кейт уже рядом. Я слышу ее крик, хотя с испугу, не пони-

маю, что именно она кричит. Но она близко. И тут чертов вор размахивается и кидает телефон в сторону. Далеко в сторону. Он летит по дуге и исчезает в бездне.

– Нет! – орет Кейт уже вполне членораздельно.

Мои пальцы не выдерживают, вор вырывается и убегает.

Кейт колотится в истерике на каменном полу. Я сижу рядом, сося палец как маленький ребенок. Во рту ощущается вкус крови, я порезала палец о заклепку на жилете.

– Может нам купить такой же телефон? – робко предлагаю я. – Ведь учебная задача состояла не в погоне за воров, а всего лишь в протоколе изъятия.

– Нет! – яростно мотает головой подруга. – У них же есть номер... – говорит она сквозь рыдания. – Я не уберегла... нужно было сразу спрятать...

Ясно. Рискну предположить, что случившееся только что – это очередная месть нулевым и попытка урезать Кейт баллы за задания. Наверняка, что офицерам стражей, что Мину, чьи родители стражи, ничего не стоило найти какого-нибудь воришку и подкупом или угрозами заставить его обокрасть Кейт вот таким вот мерзким образом. Такая дешевка, как этот телефон, сам по себе не мог никого заинтересовать.

– Слушайте, девушки, – тихонько говорит склонившийся над нами по всей видимости продавец из палатки рядом, – если там было что-то важное, то внизу растянута сеть.

– Что? – переспрашивает Кейт, не успев успокоиться.

– Внизу, на несколько уровней ниже растянута сеть, – шепотом поясняет парень. – Карманники в нее скидывают добычу. Так что если вы потеряли что-то важное, можете попробовать выкупить.

Мы растеряно смотрим на него.

– Спускайтесь, и сами поймете к кому обратиться надо. Только не требуйте ничего. Поплачьте, постройте глазки и все будет нормально, – советует он сочувственно.

Кейт сразу же вскакивает на ноги и подпрыгивает бежать.

– Спасибо, – пишу я, не так быстро поднимаясь. Ноги что-то не очень хорошо слушаются, но через некоторое время расходятся. Мы бежим по мосту на другую сторону бездны, где есть лестница вниз сразу через десяток уровней. Спускаемся ниже, ниже и вот уже действительно видим тонкую, плохо заметную сеть. Однако наверху, зацепившийся ручкой за штырь, оставшийся от какого-то крепления, висит себе пакет с телефоном.

– Кейт, стой! – кричу я вдогонку подруге, но она в пылу погони за своим счастьем ничего не замечает и бежит по лестнице еще ниже, на тот уровень, к которому прилажена сеть.

Боясь, оставлять его так, я подбегаю к краю платформы и, не имея других вариантов, встаю ногой на парапет. Держась за колонну, из которой и торчит штырь, тянусь вперед, рискуя свалиться в бездну. На самом деле парапет тут широкий и устойчивый, но сам факт того, что за ним неизмери-

мые глубины, вымораживает изнутри. Только подцепив пакет и вернувшись с ним на платформу, я снова чувствую себя в безопасности.

На нервно дрожащих ногах – хорошо, что они не начали дрожать за несколько секунд до этого – я спускаюсь вниз и бегу куда-то, откуда слышу гневный голос Кейт. Она явно не воспользовалась советом сочувствующего продавца.

Как всегда перед закрытой дверью я нерешительно остаиваюсь. Полагаю, она не заперта, и мне нужна всего минуточка, чтобы собраться с силами и открыть ее. Лучше часочек. Толкаю ее все же пораньше, поскольку в голове молнией проносится мысль, что Кейт может быть в беде.

И правда. В небольшой комнатке – перестроенном шлюзе – перед Кейт находятся пятеро рассерженных мужиков. И пятеро из пяти вооружены.

– Еще одна?! – злобно вопрошает самый неприятный из них.

– Нет, – сразу говорю я и, нашарив руку Кейт, резко тяну ее наружу. – Он у меня, – демонстрирую пакет, как только мы снова оказываемся на платформе. Мы снова переходим на бег, снова вниз по лестнице, ведь так проще. Отдохнуть останавливаемся в самом темном закутке, на уровне наверное двадцать первом, где дальше уже просто так спуститься нельзя.

– Вот, тьма, – выдыхает присмирившая Кейт, садясь прямо на пол. – Я же только что...

– Да, – соглашаюсь я кратко, хотя точно не знаю, что могло произойти, но явно это что-то было бы катастрофически нехорошим.

Свое задание Кейт сдает офицеру, которого находит на посту возле тематических баров. Похоже сегодня выходной только у курсантов, что в принципе понятно. Пакет он берет не глядя и кидает в машину. Потом мы идем в кафе, а позже к Мэй – проверяем, что хороший доктор после нашего прошлого визита не оставил ее. Не оставил. После этого, идем поправлять нервы в бар, и я в первый раз в жизни пью коктейль. Не помню как называется, но на вкус отвратительно. Возвращаемся в учебку поздно, до отбоя меньше часа.

По помещениям разносится негромкий гул, большинство курсантов и офицеров уже на месте и потихоньку готовятся к рабочим будням. За столом в зале, сидит компашка младших офицеров и дуется в карты. Я бы прошла мимо, потупив взгляд в пол, но Кейт застревает по пути, так что невольно останавливаюсь тоже и оглядываюсь на играющих.

Между Кейном и женщиной-офицером нахохлившись сидит Лекс с картами в руках. Все переглядываются, там явно напряженный момент. Мы с Кейт тоже залипаем конечно. Наконец, Лекс бросает карты на стол, и все пялятся на эти карты. Кто-то ударяет ладонью по столу, кто-то вскакивает. Офицерша улыбается, Кейн откидывается назад.

– Да! – восклицает Лекс. – Я выиграл! Теперь говори, что

у этого маразматика за кличка была! – обращается он к женщине.

– Да его сразу щенком стали называть, – говорит женщина, посмеиваясь, – потому что он имел наглость твякнуть на старшего офицера в первый же день. Даже баллы с него снять за это не смогли, не с чего было!

Офицеры радостно ржут, вспоминая приятный момент.

– Так просто, даже обидно, – обескуражено говорит Лекс.

– И главное, не сам же догадался, – вставая из-за стола,

Кейн опирается на его плечо, – так что все впустую.

– Ты же сам обещал, что если у нее выведаю...

Выведаешь, а не в карты выиграешь – это вообще не одно и то же! – они продолжают спорить, а Кейт разочарованно убегает к себе.

Мы с Лексом несколько часов искали сеть где-нибудь в горле шахты, найденной нами в белом секторе, хотя ее вполне могло бы и не быть. Но она все же есть. Это наша первая удача. Но теперь, карауля возле нее на полу в закутке лабиринта коридоров пятого уровня, впору усомниться, что нам будет так везти и дальше.

Итак, по нашим предположениям, библиотекарь, назначив Стоуву встречу в белом секторе выше, натравил там на него своих контрабандных монстров. Мы знаем, что у парня был второй дешевый телефон, оформленный на подставное лицо, а в нем, возможно, переписка с Фергюсом относительно их планов нелегальной добычи золотого сердца и его продажи девятой гильдии. Сотворив такое со Стоувом, библиотекарь теоретически мог отобрать этот телефон и сразу же избавиться от него сбросив в эту шахту. Хотя вполне вероятно он мог выкинуть его и где угодно еще. Если телефон все-таки упал на эту сеть, то его уже давно могли почистить и загнать и тогда уж точно мы его никогда не найдем. Так что, обобщая все это, может нам вообще так повезти, что мы вот сейчас найдем этот окаянный девайс и раскроем дело? Что-то как-то сомнительно.

В очередной раз обсудив это, мы с Лексом сидим в малюсенькой комнатке возле пролома в стене, за которым натя-

нута ловчая сеть, и грустим. В отличии от той большой сети, что обнаружили мы с Кейт между платформами, эта маленькая сетка не мониторится постоянно и в окрестных коридорах вообще ни души. Рядом находятся длинные ряды дверей в ячейки хранилища, которое было по какой-то причине заброшено, так что тут сейчас пусто, грязно и прохладно.

Мы сидим так уже довольно долго, когда наконец слышим легкие шаги за поворотом. Лекс привстает на одно колено, чуть выглядывая в коридор и спокойно опускается обратно. Вытянув руку в дверной проем, он машет ей, приглашая кого-то присоединиться к нам. Через несколько секунд появляется Кейт.

Ели нашла вас, – бурчит она раздраженно и двигает Лекса, чтобы самой сесть у выхода.

А зачем ты вообще заявила? – хмуро интересуется друг, освобождая ей место. Мы Кейт недавно все рассказали, но не ждали, что она присоединится к нам. – Как же занятия?

На время посмотри! Свободное время сейчас.

И?

Интонации у обоих отчего-то не слишком теплые.

Когда телефон найдется, как на счет того, чтобы оставить все лавры мне? – интересуется Кейт.

Да эти лавры Кейн тебе в глотку запихает и сверху кипяточком зальет, – предвосхищает развитие событий Лекс.

Плевать, мне сейчас позарез против них нужно хоть какой-то козырь заполучить, – сквозь зубы шипит Кейт. – Про

инцидент, произошедший во время изъятия все-таки стало известно, так что с баллами меня прокатили практически.

А за раскрытие неправильно закрытого преступления баллы дают? Типа факультативчик?

На раскрытие я не претендую, но важную улику притащу, – поясняет подруга. – А если придумаю, как сообщить про тело якобы суицидника, спрятанного в морге, дело точно снова откроют и моя находка будет очень кстати, так ведь?

Это если тело уже не обнаружили и не выкинули от скандала подальше.

Кейт злобно щурится. Какое-то время мы сидим в тишине, но задумавшись, никто из нас не ожидает прихода нового персонажа. Затюканного вида мужчина заваливается к нам в комнатку, которая тут же заполняется удушливой вонью сигарет. В нем я тут же узнаю того человека, который напал на меня тогда в наш первый и последний день во взрослом общепитии нулевого уровня. В тот раз я оставила его плакать над своей судьбой на заплеванном полу, теперь же у него дела явно чуть получше.

Чего вы забыли тут, малолетки тупые?! – удивляется он, обнаружив нас вокруг себя.

Тебя ждем, – честно сообщает Лекс, поднимаясь на ноги. – Это ведь ты за сеточкой следишь?

Ничего не знаю, я просто отлить зашел, – мужчина отступает назад.

Врешь, – наступает Лекс.

Да пошел ты! – мужчина с негодованием на лице озирается и видит Кейт в форме стражей, тут-то его и переклинивает. Он пытается пуститься на утек, но спотыкается об мою ногу. Не знаю как она у него на дороге оказалась. Лекс прыгает ему на спину и прижимает коленом к полу.

Да куда же ты?! Ты же нам еще ничего не рассказал! – напоминает он. – Нам просто нужно знать, куда вы добычу отсюда относите!

Ничего не скажу! – осипшим голосом не соглашается мужик и барахтаясь, пытается освободиться от Лекса. – Хоть режьте меня, молчать буду!

А резать это идея, – Лекс довольно спокойно управляется с более крупным чем он противником, – только грязная. Эй страж! Как у вас там допросы ведутся? С особым пристрастием. Пакет на голову и вперед! Давайте, приступайте, госпожа!

Кейт делает круглые глаза и отрицательно мотает головой. Лекс пытается ей что-то сказать одними губами, но она только интенсивнее отнекивается.

Нам нужен только телефон, – встречаю я, вставая на колени перед головой мужчины, – который упал сюда чуть больше месяца назад. Как вы тут бизнес ведете, никого вообще не волнует. Просто притащи его сюда или скажи, где его можно выкупить.

А он вам очень нужен? – с любопытством спрашивает мужчина, перестав трепыхаться.

Не очень, но пригодился бы, – мрачно отвечает Лекс.

Ну, ладно, посмотрю, что можно сделать, – совсем другим голосом соглашается наша жертва. Друг осторожно освобождает его, и тот встает и отряхивается.

Сразу бы и сказали, чего вам надо. Что меня было по полу то валять, – недовольно произносит мужчина.

Сразу и сказали, – ворчит Лекс. – Это ты решил утаить информацию во что бы то ни стало. Еще и предложения нам неприличные делал.

Я не предлагал меня резать, это просто фигура речи, – с достоинством говорит мужчина. – Ну я пошел?

Иди. Но через пол часа, чтоб вернулся с телефоном! – Лекс снова пытается казаться крутым и несносным. – Или мы тебя сами найдем.

Ага, – мужчина с подозрением косится на Кейт и уходит.

Лекс вздыхает и уже с улыбкой поворачивается к нам.

Ну что, я выглядел хоть сколько-нибудь угрожающе?

Меня ты напугал, – сердито соглашается Кейт. – Учти, я не собираюсь никого пытаться, никогда, даже ради баллов!

Да я же просто хотел, чтобы ты что-нибудь эдакое из себя изобразила, типа властную госпожу, помахивающую хлыстом.

Типа вот так, – Кейт выхватывает прилегающий к форме хлыст и стучит им по Лексу, гоняя его по коридору, пока тот не соглашается, что это действительно на деле не так прикольно, как ему казалось.

Все остальное время Кейт постепенно сходит с ума от нетерпения. Свободное время в учебке не резиновое, а то, что она пытается зубрить с планшета, ходя из угла в угол, в такой обстановке дается плохо.

Тьма тебя побери, ну наконец-то! – радостно встречает она нашего вернувшегося гонца. Но в руках у него ничего нет.

Я договорился. Семь сотен, – выпаливает он на подходе.

Сколько?! – восклицает Лекс. – За один покоцанный телефон?!

За семь покоцанных телефонов, – поправляет наш неожиданно ловкий торгаш. – С наших нескольких точек. Мы, знаете ли, не вешаем на паданцы ярлычки.

Так дайте нам на них посмотреть! Может среди них и нет того, что нам надо. Сколько времени то прошло! Вы может его уже двадцать раз загнать успели.

Нормально прошло, – дергает плечом мужчина. – Как раз, чтобы остыть успели. До сих пор мы эту партию и не думали в оборот пускать. Так что вы как раз вовремя, считай, пришли.

Лекс вздыхает и смотрит на нашу реакцию. Мы не против в принципе, но наскребем ли мы втроем семь сотен это вопрос.

Так вот сейчас, – решив, что вопрос решен, инструктирует наш новый знакомый, – выйдем на платформу к терминалу, вы платите и вам тут же скидывают пакет, ясно? Только вот

ты, – он обращается к Кейт, своей формой всех нервируешь. Сделай с этим что-нибудь.

Закатив глаза и недовольно цокнув языком, подруга снимает с себя форменную рубашку и, вывернув ее наизнанку, завязывает вокруг бедер.

Доволен?

А дальше? – с интересом смотрит на нее мужчина.

Что дальше?! – рывкает Кейт. – Стриптиз тебе станцевать?!

Можно, – соглашается тот. – Скидку сделаю.

Чуток подумав, Кейт стягивает с себя майку и выпятив грудь грозно уточняет:

Какую?!

В общем через десять минут Кейт уже без зазрения совести может говорить, что это именно она достала телефон. Карточки мы свои конечно почистили, но без ее усилий нам бы не хватило слишком много. Купив в складчину, судя по формальному назначению платежа, мультимедийный центр, мы таки получаем от проходящего мимо очень серьезного молодого человека в темных очках, бумажный пакет с семью трубками и возвращаемся в коридоры, чтобы в укромном месте их проверить.

Смотрите, они еще и заряжены, – отмечает Лекс, вывернув пакет на пол и взяв в руки один из телефонов. – Какой сервис!

Мы разбираем трубки, пытаюсь отыскать нужную. Это

удается мне, в первом же телефоне нахожу сообщение со знакомым адресом в подземелье.

Вот оно!

Спорим, это сообщение послал Стоуву библиотекарь! – радуется Лекс.

Только вот адрес отправителя не отображается, – возражаю я.

По фиг, техники восстановят.

Что там еще есть? – Кейт сгребает остальные телефоны обратно в пакет.

Ну так, – проглядев короткие сообщения, которые в общем-то можно интерпретировать в известном нам контексте, начинаю прослушивать запись звонка. Кейт нетерпеливо машет мне рукой, время у нее заканчивается. – Это голос Фергюса, они говорят о встрече, которую тот должен устроить для Стоува. Фергюсу не нравится, что Стоув ему сам позвонил.

Хорошо, – хмыкает Лекс.

Ладно, давай сюда, – Кейт выдирает телефон у меня из рук и запикивает его в застегивающийся карман на форменных брюках. – Это я тоже возьму на всякий случай, – хватает она с пола пакет.

Лекс включает планшет и спокойно смотрит на экран, читая сообщение.

Бе-ги-те, – он поднимает на нас непонимающий взгляд. – Пожелание с не отображающегося адреса. Бежать что ли?

А куда? – любопытствую я. Лекс снова смотрит на экран,

на следующее сообщение.

Вглубь. Это туда, – указывает он. Я пожимаю плечами и начинаю бежать вглубь внутренних помещений. Лекс за мной, на бегу передавая мне свой планшет и отстегивая его от своего ремня.

Что это за чушь? – возмущенно спрашивает Кейт, последовав за нами.

Ну, понимаешь, Вета вступила в секту, – поясняет Лекс. Я слежу за сообщениями и указываю дорогу. – Они говорят ей, что делать.

Вы что, чокнулись да?! – Кейт делает попытку остановиться, но Лекс тянет ее за собой.

Может быть, но это пока не ясно!

Согласно инструкциям, мы бежим вверх по лестнице. Лекс приостанавливается на одном из витков и заглядывает вниз.

Это тот мужик с пистолетом! – уведомляет он и понукает нас бежать еще быстрее.

На следующем уровне мы подбегаем как раз к открывшимся дверям лифта, что вроде кстати, но тут же приходит приказ поворачивать направо. Я увлекаю всех от лифта в темноту и врезаюсь в стену. Лекс залетает в узкую нишу вместе со мной и прижимает к себе Кейт, зажав ей рот.

Обернувшись я вижу, как Эбнер – тот мужчина с пистолетом, который встретил нас в белом секторе и проводил на встречу с девятой гильдией – проносится мимо буквально в

двух шагах от нас. Он явно думает, что мы вскочили в лифт, который как раз захлопнул двери перед его носом и поехал вниз, так что он вновь несется к лестнице.

Ну что, бесстрашная стражница, ты уже умеешь разоружать противника одним взмахом хлыста? – интересуется Лекс.

Не уверена, – с сомнением произносит Кейт, отдергивая от своего рта его ладонь.

Тогда побежали дальше, – предлагает друг.

Во что еще вы влипли? – всхлипнув, спрашивает подруга, но бежит за нами.

Полагаю, девятая гильдия тоже хочет заполучить этот телефон. Но нам он нужнее правда ведь? – мы мчимся дальше вверх. Я вот уже с трудом дышу, а Лекс с Кейт болтают на бегу как ни в чем не бывало.

Что еще за девятая гильдия?

Они эти, которые для вас стражей... забыл слово. Вета, не подскажешь?

Антагонисты, – единственное, что приходит мне в голову, когда я на последнем издыхании.

Нам практически удалось подловить Кирилла в одиночестве, но он в данный момент говорит по телефону, а мы скромно поджидаем, когда он закончит, прячась в тени. Кейт сжимает в руке нашу добычу – второй телефон Стоува в пакете. Она дополнительно держит его через салфетку, потому

что рука от волнения потеет.

– Не забудь рассказать и про труп в морге, – шепотом напоминает Лекс.

– Смотря, как разговор пойдет, – шипит на него Кейт, дергаясь каждый раз, когда ей кажется, что разговор закончен, – вы все-таки незаконно туда ворвались, поставили всех на уши, сделали вид, что украли тело.

– Кирилл наверняка придумает, как это разругать. – Лекс настроен оптимистично.

– Посмотрим сначала, как он отнесется к телефону. Может, он принципиально не захочет вмешиваться в уже закрытое дело. И вообще, почему вы решили, что он будет к нам настолько лоялен?!

Лекс похоже собирается возразить, но Кейт уже устремилась по коридору и вроде выбрала для этого правильный момент. Вот она заворачивает за угол и, мы слышим, как она обращается к офицеру. Дальше разобрать не получается, ну и отлично, раз мы отсюда не слышим, то и никто лишней не подслушает.

Пару минут мы стоим и напряженно ждем, надеясь, что никому другому Кирилл вот прямо сейчас не понадобится. Коридор тупиковый, так что на одиночество мы очень рассчитываем, однако Мин достает нас и здесь.

– И что же замышляют два самых бесполезных человека на всем уровне? – интересуется он, с брезгливой мордой подбираясь к нам.

– Как это два? – непонятливо уточняет Лекс. – У тебя завелся невидимый друг? Ну так и спроси у него, какие у вас с ним планы на сегодня, мы-то тут причем.

– А знаете, какая новость ходит с утра по учебке? – Мин гаденько так нам улыбается, скрестив руки на груди. – В следующем году никчемную должность запасного посыльного упразднят, так что кое-кто отправится обратно вниз, где ему и место. – Он переводит взгляд на меня, презрительно скривившись. – А кто-то и года здесь не продержится. Подстилки быстро выходят из строя. – Мин так мерзко облизывает нижнюю губу, что мне даже не хочется его снова треснуть. Он продолжает: – Мы даже завели тотализатор специально для тебя! Я поставил на то, что тебе осталось не больше дюжины дней. Уверен, что выиграю, ведь у меня что-то типа доступа, скажем так, к инсайдерской информации.

– Ах у тебя доступ! – говорит Лекс злобно. – Теперь хоть ясно для чего тебя тут держат и откуда берутся твои баллы.

– Мои баллы берутся за выполнения заданий! – рычит Мин. – И чтоб вы знали, вчерашняя практика вывела меня в первую десятку!

– Какая-то особенная практика, да? – усмехается Лекс.

– Обычная, как у всех, – проговаривает Мин, занервничав.

– А может, секретное задание от офицеров? – не успокаивается Лекс. – И не страшно? Забыл что подстилки быстро выходят из строя?

– Это тебя надо из строя вывести! – ярится Мин. Пока ругались, они незаметно сближались, так что теперь осталось одно движение, чтобы они снова вцепились друг в друга. Причем это в нескольких метрах от Кирилла, который нужен нам сейчас снисходительным и лояльным.

– Поздравляю с высокими баллами. Хочешь их потерять? – спрашиваю я, излишне быстро, так что, боюсь, все слова сливаются в одно. Но так как Лекс невольно косится в сторону закутка, где сейчас находится офицер, Мин все-таки просекает ситуацию, и недовольно пыхтя опускает сжатые кулаки.

– Короче вам недолго осталось, – шипит он, отходя назад. – Жду не дождусь.

Мин поворачивается к нам спиной, только отойдя на несколько метров. Развернувшись, сваливает из коридора чуть ли не бегом. Лекс раздраженно фыркает. Это прямо даже как-то оскорбительно.

Через минуту в коридоре появляется Кирилл, но по выражению его лица сложно что-то сказать. По крайней мере, он не злится, что уже хорошо. Мы дружно делаем вид, что просто так здесь стоим, по какому-то совершенно случайному совпадению, и даже знать не знали, что рядом кто-то есть. Проходя мимо, офицер делает какой-то знак рукой, вроде показывает себе за спину. А за ним бежит довольная Кейт и сходу обнимает нас обоих. Она радостно подпрыгивает, но объясняется только, когда Кирилл скрывается за поворотом.

– Он обещал разобраться и даже на счет трупа позвонит. И не будет вас вмешивать!

– Хорошо, – кивает Лекс.

– Только сказал, чтобы с этой минуты мы больше ничего не предпринимали, – предупреждает Кейт, все еще полная ликования.

– А мы и не собирались, – теперь уже Лекс обнимает Кейт и даже немного потрясывает ее от полноты чувств. – Только Фелис сходим навестить и все.

– Кто такая Фелис? Сестра? – хмурится Кейт.

– Подружка, – поправляет ее Лекс.

– Хочешь попросить у нее ту фотографию? – спрашиваю я.

– Какую фотографию? – не понимает Кейт.

– Которая тоже может стать доказательством, – поясняет Лекс, пялясь на сообщение на своем планшете. – Фелис такая многословная, все влюбленные девушки такие? – жалуется он, суя мне под нос экран.

– Фелис – это дочь предполагаемого убийцы, – у Кейт наконец получается разобраться в наших путанных пояснениях. – И вы хотите пойте к ней, сейчас, за пять минут до того, как ее отца арестуют?! – проясняет она ситуацию сердито.

– Ну на счет пяти минут – это ты оптимистично слишком на городскую бюрократию смотришь, на находишь? – усмеяется Лекс. – В телефоне, конечно, осталась переписка, и она проливает свет на случившееся с беднягой Стоувом, но

все же не совсем однозначно указывает на библиотекаря.

– Да куда уж однозначней?! – возмущается Кейт.

– Не переживай так! – Лекс удивляется ее горячности. – Просто потолкуем с девочкой, поговорим за жизнь, заодно может какие недостающие детали выясним.

– Пусть стражи с ней поговорят!

– Стражам она своего отца не сдаст, – отрезает Лекс. – Все, давай, топай на занятия, зарабатывай баллы и не переживая ни о чем, – улыбается он и подталкивает подругу вперед.

– Вот, чувствую, испортите вы все, – со вздохом резюмирует Кейт, удаляясь от нас по коридору.

– А может и испортим, – я отдаю обратно планшет. – Фелис предлагает встретиться в библиотеке, которая сегодня закрыта. Она пишет, что Фергюс уехал по делам и его весь день не будет.

– Надо же, как интересно! – восторгается Лекс. – А нам говорят не ходить.

Я снова надела старую длинную юбку и теперь недоумеваю, как могла носить ее пол сознательной жизни. Она же дико неудобная, так и норовит за что-нибудь зацепиться или застрять в движущихся частях лифтов и эскалаторов. Когда мы наконец добираемся до закрытых дверей в библиотеку, я даже радуюсь, что путь завершен, хотя нам и предстоит непростой разговор.

Мы будем говорить Фелис о своих подозрениях? – спрашиваю я, читая объявление, выведенное на экран на дверях.

Я даже не уверен будем ли мы вообще говорить с Фелис, – пожимает плечами Лекс. – А как нам предполагается попасть внутрь? – он пару раз безрезультатно нажимает на панель открытия. В прошлый раз мы вламывались через внутренние помещения ночью с помощью пустой карты, да и то благодаря тому, что Фелис заранее перепрограммировала замыкающее устройство. В этот раз вокруг нас слишкомлюдно, чтобы проворачивать такой финт. Боюсь мы и так уже выглядим подозрительно.

Двери распахиваются перед нами, как только Лекс, осматриваясь, поднимает голову. Видимо все из-за того, что на нем кепка с козырьком, до поры скрывавшим от камеры его лицо. На мое лицо реакции не было.

Мы быстро проходим через шлюз и сразу выходим в пер-

вый большой зал. Только здесь горит свет и то, приглушенно. На втором ярусе все лампы также выключены. Тишина стоит не полная, мы слышим возню из ближайшей комнаты.

Фелис! – зовет девушку Лекс.

После небольшой паузы из-за стеллажей выходит Фергюс.

Ее здесь нет, – уведомляет он кратко. Что ж, мы подозревали, что так будет, и не удивлены. – Я просил вас остановиться? Предупреждал, что обо всем узнаю? – патетически вопрошает он. Повернувшись на голос, мы теперь с опаской смотрим на него и на дверь рядом с ним.

На первый взгляд библиотекарь кажется действительно расстроенным нашим неповиновением и сложившейся из-за этого ситуацией, однако он явно твердо настроен разрешить ее тем же или похожим образом, что и раньше. Причем не брезгует воспользоваться для этого помещениями библиотеки, что странно, хотя может просто решил, что ни в какое другое место нас заманить не удастся.

Предупреждали, – признает Лекс, – но после таких предупреждений сойти с дистанции уже просто невозможно. Вы так нас раззадорили своими речами!

То есть, чтобы я не делал, я все равно виноват, – с обидой произносит Фергюс. – Так раз от меня все равно ничего не зависит, то и переживать не стоит, верно?

А вы что переживали?! Действительно?! – с издевкой интересуется Лекс. – Смотрели, как ваши монстры уродуют Стоува, и переживали за него, да? Приговаривали: «ой из-

вини, жаль что так получилось, но ты сам виноват, я же предупреждал».

Скривившись, словно от боли, Фергюс молчит.

Только, одно не понятно, – не дождавшись ответной реплики, продолжает мой друг, – почему вы его не доби́ли? Ведь так просто было скинуть его в бездну? Та тетка из психушки, которая поместила его к себе под чужим именем, чтобы не проверили его ДНК и не сравнили с базой пропавших, она вам кто? Любовница, должница? Как вы ее уговорили? Может вы оставили его для опытов? Вы не хотели его просто убить, хотели долго измываться, пока его силы не кончатся? – Лекс не спеша задает один вопрос за другим, но библиотекарь молчит, хотя видно, как эти предположения подогревают его изнутри. Мы ждем, что он вот-вот взорвется, и так и хочется отойти подальше. – Вам не нравилось, что он слишком упрям. Хотели увидеть, как он сломается? Хотели навещать его время от времени и смотреть как человек, соперник за вашу дочь превращается в ничто?

Не вмешивай сюда Фелис! – теряет контроль Фергюс. Он кричит, краснеет и кажется готов заплакать. – Я не убил его, потому что не смог! Ясно вам?! Вы – глупая зашоренная молодежь – насмотрелись иномирских фильмов и думаете, что это так просто?! Лишить человека жизни?! Намеренно! Даже если из жалости... для этого сначала нужно убить что-то в себе самом, что-то очень важное... А Фелис... – библиотекарь морщится и с неистовством трет лоб и глаза. – Я не

убил это, но оно само умерло...

Фергюс вдруг рвется к двери, за которой раньше мы слышали возню и распаивает ее, затем, резко развернувшись, он убегает обратно за стеллажи и, судя по всему, поспешно запирается в какой-то другой комнате.

Сразу переварить услышанное как-то не выходит, благо что все записано на диктофон. Будем надеяться, что качество достойное. В данный же момент нужно позаботиться о библиотечных монстрах, которые, как я понимаю, должны появиться из-за открытой двери, но они медлят. Было бы забавно, если б наспех распаханная дверь, сейчас точно также запахнулась бы обратно.

Но нет. Монстры, похожие на двух огромных птенцов, выходят в зал, сначала высовываются из-за порога оба, потом набирают скорость и несутся к нам, угрожающе поднимая те два орудия, что у них вместо развивающихся крыльев. В этот раз птенчики кажутся крупнее, и вся неуклюжесть у них как будто пропала. Кроме того у них явно нет сомнений по поводу того, что нужно с нами сделать. Я уже наполовину чувствую себя фаршем, когда Лекс наконец-то включает припасенную для такого случая запись.

Динамики у его планшета очень плохие, так что мы позаимствовали со склада учебки отдельный динамик, приоттавил его скотчем к моей ноге под юбкой. Но на максимальной мощности мы его не опробовали и тем более не пробовали на этой записи, так что то, что стало разноситься по залу ста-

ло сюрпризом и для нас.

Лекс не стал мелочиться и выбрал не просто какую-нибудь тяжелую музыку, он не поленился, нашел ту актрису, которая играла невменяемую дебоширку на тренировке курсантов, и записал ее так сказать сольное выступление. В итоге из динамика на максимуме начали раздаваться такие дикие вопли, что мы от ужаса сами забылись и забыли о несущейся на нас опасности. Не знаю, что почувствовали несчастные боящиеся громких звуков монстры, но лично мне показалось, что вопли разрывают меня на куски. Я падаю на пол и инстинктивно пытаюсь избавиться от динамика, словно ко мне привязана бомба, готовящаяся взорваться через секунду. Оторвав липкую ленту я откидываю адское устройство в сторону, и тут Лексу наконец удается его выключить. Видимо также от полноты эмоций просто провести по экрану пальцем оказалось сложной задачей.

Возможно снова установилась тишина, но в ушах все равно гудит. Снова вспомнив о монстрах, мы оглядываемся, но их и след простыл. То ли убежали обратно в комнату, то ли спрятались где-то еще, то ли распались на молекулы, во что после такого ужаса я уже тоже готова поверить. Спешно подобрав динамик, я трясущимися руками чуть уменьшаю мощность на будущее.

Вот тьма, ты меня слышишь? – на пробу произносит Лекс. Да, слух остался с нами, хотя и шокированный таким предательством собственных интересов. – Пора нам отсюда сва-

ливать.

Дверь на выход естественно заблокирована, но мы конечно же предусмотрели себе вариант отхода через техническую шахту, как всегда. Не тратя времени идем к уже известному нам месту, где находится экран, прикрывающий вход туда. На этот раз отворачиванием винтиков занимаюсь я, с трудом в чертовой юбке забравшись на стеллаж. К счастью к одной моей ноге больше не привернут динамик, а к другой пистолет. Последний сейчас в руках у Лекса и он стоит на стреме, поскольку мы не знаем, чем после звуковой атаки займется библиотекарь. Есть ли у него план Б? А может он вообще в ближайшее время не найдет в себе силы покинуть безопасное место, тем более он не знает, что именно произошло.

И винтики и экран падают вниз. Мы поспешно забираемся внутрь технической шахты, и Лекс передает мне свой более мощный фонарик. Я иду первая, с каждым шагом успокаиваясь все больше. Я не ожидала, что наша авантюра закончится так удачно. Впрочем она еще не закончилась.

Ой, – говорю забравшись в тупик.

Что значит ой? – тут же интересуется Лекс, и я повторно для него обвожу лучом света препятствие перед нами. Трубы то конечно идут дальше, но все остальное пространство заложено блоками. Нам эту стену не расколупать и за месяц, а значит придется поворачивать обратно. – Такого я не предусмотрел, – мрачно говорит друг. При всей его безбашенности, он вроде как старается быть организованным и

предусмотрительным, и то, что у него это не получается, его несколько выбивает из колеи.

Обратно первым идет Лекс. По шахте мы проходим быстро, а вылезаем из нее уже с осторожностью. Свет теперь выключен совсем, что конечно тревожит, но нам, в общем, нужно найти другой вход в технические помещения – только и всего. Передавая друг другу несчастный динамик, мы слезаем по стеллажу обратно вниз.

Тщательно прислушиваясь, мы проходим по рядам стеллажей, жестами договариваясь куда двигаться дальше. Хорошо бы библиотекарь решил, что мы уже удрали, обнаружив открытую шахту, испугался и свалил отсюда сам. Хуже, если он знает, что выбраться из той шахты невозможно и засел где-нибудь с оружием. Тогда нам туго придется. Он и место лучше знает, да и пистолет у нас тренировочный.

Осторожно передвигаясь по темным помещениям, мы проходим мимо нескольких раздвижных дверей с электронными замками, но все они заперты. Еще остается надежда на дверь с механическим замком в хранилище, где также есть выход в шахту. Впрочем нет никакой гарантии, что она так же на каком-то участке не заложена камнем.

Однако, когда добираемся до этой двери, медлим даже подойти к ней. Луч фонаря падает на висящий на разомкнутой дужке дополнительный навесной замок. Сама дверь чуть приоткрыта внутрь и словно приглашает войти. Лекс хмурится.

Войдем сюда или где-нибудь еще заглянем? Не сможет же он держать библиотеку закрытой вечно.

Верно, не сможет, – соглашаюсь я, однако ясно, что просто ждать мы не будем. Встаем по обеим сторонам от двери, и Лекс, протянув руку, распахивает ее сильнее.

Снова ничего не происходит, так что мы, выставив фонарики, заглядываем внутрь. Нервно подрагивая, лучи обшаривают комнатку, но ничего нового мы в ней не видим. Стеллажи с книгами, тоже нагромождение старой мебели – вроде все как было. Только в стороне за отодвинутым столом видим еще один выход в шахту.

Ловушки? – едва слышно предполагает Лекс. Внимательно оглядывая пол перед собой он заходит в комнатку, я за ним, предварительно сняв с двери замочек. Так, чтобы кому-нибудь не вздумалось запереть нас здесь.

Осмотрев помещенье сверху донизу, причем гораздо тщательнее, чем оно того заслуживает, Лекс садится на пол перед экраном.

Что ж, попытка номер два, – бурчит он, вытаскивая из кармана мультитул. – Подожди что ль дверь стулом для порядка.

Беру стул и спинкой блокирую ручку той двери, через которую мы сюда вошли. Со второй дверью в противоположном стороне комнатки так не сделаешь, хотя целых стульев все равно не осталось.

Отвернув все винты, Лекс отставляет тяжелый экран в

сторону и приставляет к стене. Мы в последний раз оборачиваемся на дверь, но новых попыток нас убить никто по-прежнему не делает, что как-то даже тревожно.

Может, он ждет нас с другой стороны с дробовиком? – предполагает друг, залезая в шахту.

Это бы объяснило тишину.

В какую сторону ползти по шахте определяем просто, с одной стороны сразу тупик. С другой все же есть несколько метров пространства, но дальше очередная стена, правда с огромной неровной дырой. Камни расколоты и выброшены наружу блестящими черными венами, такими же как мы видели в белом секторе. Они змеями выползают в шахту и струятся по стенам и полу лишь немного не достигая люка, сквозь который мы сюда забрались.

Интереса ради все же дотрагиваюсь до одной из этих “вен”. На ощупь она как хорошо надутый шарик только теплый. Теплее меня. Можно об нее руки погреть.

На вид эта штука вполне безопасна, так что мы перегибаемся через края отверстия и заглядываем в вертикальную шахту за ним. В отличии от той, на которую мы напали в белом секторе, эта не пуста. К ее стенкам крепится металлическая винтовая лестница с редкими ступенями. Она кажется очень старой, проржавевшей и ненадежной. Черные вены карабкаются по ней, обвивают ее перила словно лианы. Ступени сохранились хуже всего, некоторые прогнувшиеся, дырявые с торчащими прутьями поврежденных решеток, неко-

торых можно сказать и нет совсем. Центральный столб практический исчез под сетью черных сосудов и похож на ствол дерева.

Мне все больше кажется, что сектанты правы в своих убеждениях, – бормочу я. – Надо будет все-таки дочитать их книгу.

Если эта фигня разумная, как они считают, мне очень не хочется по ней лезть вниз, – говорит Лекс, – даже не смотря на то, что там есть выход.

Где?

Посмотри отсюда, – он пускает меня на свое место, и я действительно вижу глубоко внизу свет, словно в шахте есть выход и выход не в еще одну шахту, а в обычное помещение.

Интересно, куда мы таким образом попадем.

На тот свет, – предполагает Лекс, дотянувшись до лестницы. Душераздирающим лязгом она протестует против такого обращения, а в руках у друга оказывается ее не очень по-видимому нужная ей теперь часть.

Боюсь, вариант сорваться вниз и погибнуть вполне реален.

Ну что, еще вариантов поищем? – Лекс отступает назад. – Не думал, когда мы сюда шли, что у нас будут такие проблемы, – говорит он недовольно. – Мы как мыши в лабиринте – тыркаемся туда, сюда. Никаких монстров и никакого сыра.

Монстров мы сразу разогнали.

Это было нашей первой ошибкой! Никто теперь не скра-

сит наших бесконечных блужданий среди книг. Черт возьми, вот как выглядит мой личный ад! – приходит к нему в голову страшная догадка.

Мне не так страшно, я книги люблю, но все же эти блуждания в темноте также выедают мне мозг.

Пробираясь назад, замечаем какую-то странную штуковину, прислоненную к стенке. Лекс поднимает ее и вертит в руках. Это обыкновенный экран, которыми повсюду закрывают люки в технические шахты, но эта порядком искорежена и в ней видны множество рытвин от ударов. Ну да ладно.

Выбираемся из шахты также осторожно, но в комнатке по-прежнему все спокойно. На пробу Лекс нажимает на панель открытия второй двери и она отъезжает в сторону. За нею также темно. Мы заходим, обшаривая фонариками вытянутую комнату побольше первой с узкими затемненными окнами под потолком. Видим пустые стеллажи и стол в центре с пустым аквариумом на нем.

Уже привыкшие к одиночеству мы оба дергаемся, заметив, что в дальнем конце комнаты кто-то есть. Кто-то жмурится и закрывает глаза ладонью. В комнате зажигается свет.

Фелис! – выдыхает Лекс, опуская и фонарик, и пистолет. – Ты чего тут делаешь? Еще и в темноте.

Ваш жду, – спокойно отвечает девушка. – Мы же договаривались о встрече, – напоминает она.

А, точно, как жизнь?

Прекрасно, – пожимает она плечами. Мы подходим бли-

же, ее инвалидное кресло стоит у самой стены. Она и вправду неплохо выглядит, и от нее крепко, даже слишком, пахнет духами.

Тебя твой отец сюда отправил? – спрашивает Лекс.

Он не знает, что я здесь, – Фелис загадочно улыбается, глядя на нас, а мы что-то растерялись.

Покажешь нам, как отсюда можно выйти?

Не волнуйтесь об этом, – еще более загадочно усмехается Фелис. – Вы кому-нибудь говорили, что пойдете сюда? – Мы молчим. – Я так и думала, – говорит она, не дождавшись ответа.

Ты помогла убить Стоува? – чтобы не ходить вокруг да около, в лоб спрашивает Лекс.

Он умер от яда, – отрицательно качает головой девушка.

Да, но это вы с отцом его отравили? Всего лишь ради золотого сердца?

Конечно нет, как вы могли такое подумать?! – с обидой в голосе произносит Фелис, но у нее все равно сейчас вид заправского маньяка. Она смотрит на нас, как гурман на блюдо в дорогом ресторане.

Мы выяснили, что это был яд лученога, – встречаю я, так как Фелис молчит и явно не собирается нам все рассказывать. – Уж не из этого ли аквариума он? – Я киваю на стеклянную коробку посреди комнаты.

Нет, – снова не соглашается Фелис, но при этом добавляет: – Этот был ему на вырост.

Хоть что-то сказала, но такая запись на признание не тянет.

И что, этот лученог теперь там ползает по белому сектору, – начинает раздражаться Лекс. – Кстати знаешь, что он убил там по меньшей мере еще одного человека?

Жаль, очень жаль, – реагирует Фелис. – Жаль, что я этого не видела. Он очень страдал? Насколько яд его обезобразил? Глаза у него вытекли?

Вот дрянь! – сердится Лекс, нервно сжимая в руке пистолет.

Спокойней, – радуется Фелис. – Ты же не будешь стрелять в инвалида, правда? Вот и убери эту штуку. Она вам не поможет, сразу говорю.

То есть ты для этого заманила его в белый сектор? – делает еще одно предположение Лекс. – Чтобы посмотреть, как твои монстры будут расправляться с твоим дружкой? Понравилось зрелище?

На самом деле да! – наконец утвердительно отвечает девушка. – Хотя я не думала, что так будет. Когда я раньше кормила своих детишек, то всегда отворачивалась или даже выходила из комнаты, полагая что увижу что-то ужасное, что не даст мне потом спокойно спать по ночам. Но зря! На самом деле, смерть, особенно мучительная, отвратительная и грязная, дает такой выброс эмоций, что уже не важно, какой они окраски. Смерть, лишение жизни – самая могучая из страстей, – со сладострастием в голосе объясняет Фелис. – Жал-

кая любовь не идет с ней ни в какое сравнение. А я ведь любила Стоува. Интересно, что я почувствую, когда убью вас? Вы для меня никто, но зато вас... двое.

Ничего себе заявочка! Но если к ее креслу не прикручен пулемет, то я не представляю, как она собирается нас убить. Этот вопрос кажется особенно важным сейчас, однако есть и другой.

Так если не ради удовольствия и не ради добытого им золотого сердца, зачем все-таки умер Стоув?

Он хотел забрать меня вниз! – отвечает Фелис с таким выражением, как будто удивлена, что ей приходится объяснять очевидное.

Ты же могла просто отказаться! – Лекс достает из крепления свой планшет, убрав пистолет и фонарик, значит думает, что она опять напустит на нас своих птенчиков. За ее спиной еще одна дверь и полагаю, она вполне сможет ее открыть с компьютера на своем кресле.

Отказаться?! Когда он уже так много сделал ради нашего общего будущего?! Да я выглядела бы последней стервой! Или трусливой девкой, побоявшейся сложностей.

Все ясно, она чокнутая. Лекс думает точно так же, но выражает свою мысль вслух и другими словами. Эти слова ясно задевают ее за живое.

Птенчики! – зовет она стальным голосом, нажав на что-то на экране своего компьютера, – защитите мамочку, ее обижают.

В распахнувшуюся дверь вбегают эти двое большеглазых и огромноклювых, сначала спешат к своей хозяйке, но на ходу разворачиваются и с неприятным уху бульканием и шипением несутся на нас. Лекс включает вопли и динамик разражается жуткими звуками, не такими убийственными как в прошлый раз, но и этого хватает. Птенчики начинают сходиться с ума. Подняв клешни и клювы они носятся вокруг, не разбирая дороги, так что мы запрыгиваем на стол, чтобы случайно в нас не врезались.

Мы смотрим, как они бесятся вокруг, видим так и стоящую раскрытой дверь и безучастное лицо маньячки Фелис. По-видимому, программа предназначенных для нас мероприятий еще не закончена.

Как Оно появляется в комнате мы не видим, а из-за продолжающихся воплей и не слышим. Вдруг оно резко встает с пола, вздымается ввысь метра на три прямо возле стола. Длинное сегментированное тело с парами ног на каждом сегменте делает его похожим на громадную многоножку. Две пары, скажем, челюстей на голове намекают на то, что оно нас сейчас сожрет. Правда в первые несколько секунд оно осматривается и потом обрушивается сверху на стоящий на столе рядом с нами надрывающийся динамик. Удар столь силен, что вместе с динамиком погибает и массивный стол, а следом и аквариум. Мы разлетаемся в стороны.

После смерти динамика кажется, что наступила тишина. Мы лежим на полу в осколках и щепках, и с такого ракурса

вновь выпрямившаяся машина выглядит непомерно огромной. Стоит ей только еще раз сложиться, обрушив очередной удар массивной головы, и одному из нас придет неприятный конец. Конец приходит одному из так и не утомившихся птенчиков. Длинный монстр складывается в одно мгновение, подхватывает его и ногами, и челюстями буквально разрывает его на несколько частей и раскидывает их в стороны словно фонтан. Кровь и кости с ошметками плоти разлетаются вокруг.

Лекс, частично покрытый каплями крови, частично куском стола, делает знак замереть. Второй птенчик в ужасе от происходящего несется к «мамочке», и машина разворачивается за ним. Оно подхватывает птенчика всего в метре от подножия ее кресла, поднимает выдирающееся и истошно вопящее тельце и, выпрямившись, делает еще один фонтан из крови и мяса. Фелис закрывает лицо, когда ее окатывает кровью ее питомца.

В очередной раз сложившись – на сей раз голова несется уже к самой Фелис – монстр резко останавливается и откидывается назад. То ли признал хозяйку, разглядев вблизи, то ли ему не понравились ее резкие духи.

Так или иначе, но монстр разворачивается обратно к нам. Лекс уже стоит на ногах с пистолетом в руках. Конечно, вряд ли этой игрушкой можно утихомирить такое чудовище, остается только попав в единственный глаз – если это он там на верхушке – ослепить его. Прицелившись, Лекс стреля-

ет в повернувшуюся к нему голову. Стреляет несколько раз и монстр каждый раз дергается, взмахивает своими жуткими ножками, раздваивающимися на концах. Особого ущерба это ему кажется не приносит.

Облом, – резюмирует Лекс.

В этот момент у Фелис все же не выдерживают нервы. Оттолкнув прилаженный к ручке компьютер, она вскакивает из инвалидного кресла и вылетает за дверь, которая закрывается за нею.

А вот это неожиданно! – говорит Лекс, заметив ее маневр.

Он продолжает стрелять, отступая назад. Монстр медленно, но упрямо идет за ним, а я раскрываю вторую дверь, ту через которую мы сюда вошли. Схватив его за рубашку, я тягиваю его в комнатку с книгами, и дверь захлопывается. Вокруг нас снова тьма.

Надеюсь, он не умеет ее открывать! – Лекс возвращает пистолет в крепление и достает фонарик.

Думаю, не стоит надеяться, – я откидываю стул с дороги и пытаюсь открыть следующую дверь, но у меня не выходит. Нас заперли! И это не смотря на то, что я заботливо ukrала навесной замок. Надо полагать, у библиотекаря нашелся запасной. Ну или он просто запер тот, что встроен в дверь. Впрочем копаться в нем, боюсь, у нас просто нет времени.

Не стоило мне жаловаться на отсутствие монстров в этой локации, да? – винится Лекс.

Угу, – немножко паникую я.

А прочти-ка ты, что умные книжки об этой заразе говорят, – предлагает друг под звуки ударов головой монстра об дверь. Он быстро находит приметную обложку энциклопедии и кидает мне в руки.

Надо полагать, простукивая дверь, монстр вполне может случайно нажать на панель открытия и наведаться к нам в гости, так что мы забираемся в шахту. Лекс прикрывает люк в нее изнутри искореженным экраном и, сев на пол и упираясь спиной в стену, прижимает его ногами.

Удобно? – Я сажусь на пол рядом с ним и начинаю листать книгу.

Вполне, авось он нас здесь вообще не найдет.

С сомнением посмотрев на старый искореженный экран, валяющийся рядом с нами, я начинаю поспешно искать для начала подходящий раздел, а потом просто ищу похожую картинку.

Адская многоножка? Никакой фантазии в названиях!

Первый удар об экран происходит без какого-либо предупреждения! Мы не слышали, как адский монстр проник в комнату и подобрался к нам. Предосторожности Лекса на этот раз оказались совершенно не лишними. Не смотря на то, что он не ожидал удара, он выдержал его, а вот второй, третий и так далее все сильнее вжимают его в стенку.

В тексте много всякой не нужной мне сейчас ерунды. Стараюсь читать по диагонали. По ходу эта тварь не агрессивна – ага! – людьми и мясом вообще не питается, но если ее

сильно разозлить будет работать на уничтожение до конца. Чьего конца?!

Прекрасно, теперь я знаю, каким оружием его можно уничтожить, но у нас нет ничего похожего. В глаз стрелять из нашего недопистолетика тоже бесполезно! Зато его отпугивает запах мускуса и очевидно духов Фелис. То есть ей в принципе ничего не угрожало. Ясно.

Придется прыгать в шахту!

Лекс кивает, но выбраться ему сейчас очень затруднительно. Монстр практически пробрался в шахту, зажав его между стеной и экраном. Все эти челюсти и ножи буквально повсюду и мне жаль, что у меня самой нет зубов повнушительней, чтобы я могла его укусить что ли. За неимением лучшего бью его с размаху энциклопедией по маковке. От удара глаз на верхушке плющится и напор монстра на мгновение ослабевает, так что я тащу Лекса на себя за шиворот. Он помогает, вылезая, отбивается ножом. Пара ножек вцепляется мне в руку, раздвоенные концы сжимаются. Они не острые, но кажется, что они вот-вот переломят мне кость. Лекс бьет по одной из этих ножек ножом, но тот застревает в ней.

С перепугу рвусь назад, хотя я, пожалуй, как никогда близка к тому, чтобы остаться без руки. Но вдруг хватка монстра ослабевает, ножки приходят в неистовое движение, как будто это монстр отбивается от нас, а не наоборот. Отбившись, он всасывается обратно в люк. Чувствую сильный запах мускуса.

Не понял, откуда это? – Лекс подбирает фонарик и осматривается. – Ты случайно разбила скляночку духов?

Это дерево! – Я почти прижимаюсь носом к стене, на которой пульсирует черная вена. – Это оно испускает этот аромат!

Видимо, эта хрень страшучая дереву тоже не нравится. Как бы нам это использовать? Если подольше тут простоим, провоняем как следует?

Возможно, – я поднимаю книгу с пола, но снова заняться чтением не судьба. Снаружи мы слышим крики:

Стража Муравейника! Все на пол!

А потом начинается такая стрельба, что мы, сидя в шахте, невольно падаем на пол.

Из нашего монстра сейчас сделают решето! – вроде бы говорит Лекс, но его не слышно. Мы бежим к вертикальной шахте и вызывающей серьезные опасения лестнице.

Секунду мы переглядываемся, решая, а стоит ли нам убежать от стражи, учитывая насколько ненадежен такой выход из ситуации. Но вспоминаем про одолженный из учебки пистолет и настоятельную просьбу Кирилла больше в дело не вмешиваться и решаем, что стоит.

Я первая!

Может наоборот? – не спешит согласиться Лекс. – Кто тебя будет ловить, если что?

Я в юбке, мне не удобно, чтоб ты снизу лез.

Ой, да ладно.

Но, завязав юбку узлом, чтобы не так мешалась, я первая соскальзываю в шахту. На лестницу, не надеюсь, хватаюсь сразу за теплые побеги. Моя социофобия и усиленное ею нежелание общаться со стражей сильно помогают мне в ускоренном темпе спускаться вниз. С большой книгой, которую я привязала к себе кофтой, это очень неудобно, но все же.

Добравшись до светлого окошка, вы вылезаете в тупиковую часть обычного коридора. Похоже, выше эту часть присоединили к библиотеке, а на этом уровне вход в комнатку со старыми автоматами.

Представляешь, если б мы сразу решились так сделать, мы ничего б про Фелис не узнали, – дергает меня Лекс, вполне себе довольный приключением.

Действительно, удачно получилось, – не могу не согласиться я.

Потап сидит в сушилке и читает книгу про монстров. В машинке рядом стирается форма Лекса. Вчера он притащился в ней в учебку, сходил вернул пистолет на место, а потом на ужин, и никто не заметил на ней множества пятен крови. Кирилла мы поймали только сегодня утром и честно выложили все. Теперь он думает, что мы совсем тупые.

Оказалось, что вчера на шестидесятом уровне был странный вызов. Прохожие слышали дикие вопли, доносящиеся из закрытой на учет библиотеки, решили, что там происхо-

дит массовое убийство, и вызвали стражу. Прибывшим стражам никто не открыл, они воспользовались правом доступа по обстоятельствам и в закрытой части библиотечных помещений обнаружили монстра глубин, запрещенного к содержанию на надповерхностных уровнях. Монстр был немедленно уничтожен (а торчащий из него нож был изъят), но при дальнейшем обыске были обнаружены следы пребывания и нескольких других монстров. Управляющий библиотекой и его акрбрат (его дочь) были арестованы.

Наши записи разговоров с Фелис и ее отцом Кирилл скопировал, но положительно не оценил, сказав, что стража вполне может выбить из подозреваемых всю необходимую информацию и без помощи двух глупых подростков. А за то что мы ослушались его рекомендаций ни во что больше не вмешиваться, причем сразу же после того как они были даны, он решил с нами расквитаться по крупному. Теперь Лексу придется выучить (и предварительно самому прочитать) весь процессуальный кодекс. А меня он со всей непомерной жестокостью записал в театральные кружки, где мне придется поучаствовать хотя бы в одной пьесе. Я даже не знала, что такое может быть! Оказывается, в Муравейнике есть не мало любительских театральных кружков для людей, не состоящих в гильдии искусств. Интересно, много ли народу ходят на такие любительские представления? Мне пришлось сходить в такой кружок в обеденное время. Я надеялась на роль какого-нибудь дерева, но оказалось, что в пьесе ничего

подобного нет, и мне досталась роль принцессы. Этот образ просто преследует меня! Самая последняя надежда была на Кейна, разрешение которого мне надо было получить. Но он обрадовался и сказал, что там меня научат новым словам и строить сложные предложения!

В общем со всеми этими выяснениями отношений я подпустила работу, так что теперь наконец занимаюсь делом, пытаюсь выкинуть все из головы. Когда достигалась очередная порция белья, достаю ее из машинки и практически ныряю туда внутрь из-за зловредного толчка в спину. Выкарабкавшись, вижу выбегающего из комнаты Мина.

Вот нейдет ему! Все, на этот раз я его точно убью!

Подхватив наугад из кучи несколько мокрых снарядов, я выбегаю за ним на склад. Он там зачем-то остановился и, получив поддых мокрым свертком из маек, еще и начинает возмущаться.

Совсем психованная что ли?! Я тебе еще это, – он указывает на свой подбитый глаз, – не простил!

Да пошел ты! – я отбиваю полетевший в меня обратно мой же снаряд, он распадается на части, так что я начинаю закидывать его этими частями, пока он пятится и выбегает за дверь. Последняя майка вылетает уже в зал, и Редженс ловит ее на лету.

Сгинь, – емко говорит он, бросив ее обратно в меня, а сам замирает в положении, в котором стражи строятся.

Удивленно затормозив у двери, вижу, что курсанты в за-

ле уже выстроились ровными рядочками, а Мин поспешно также занимает среди них свое место. Видимо, в учебке внезапно началось некое официально мероприятие. Судя по происходящему дальше, заключаю, что неожиданно с проверкой прибыл какой-то старший чин.

Мне конечно любопытно, так что следующие минут пятнадцать стою у двери, прячась за стеночкой, и подслушиваю, но сначала ничего интересного не происходит. Звучат короткие команды, потом скучный отчет. Я даже не вижу, кто именно прибыл. С моего места видно только Редженса и часть курсантов. После последней команды, они немного расслабляются.

На самом деле я прибыл посмотреть на отличившуюся курсантку, – говорит незнакомый мужской голос уже неофициальным тоном. – Ей удалось значительно поспособствовать раскрытию запутанного дела об исчезновении человека, которое ее более опытные коллеги посчитали всего лишь самоубийством.

Курсант Кейт, выйти из строя! – командует один из старших офицеров.

Я в восторге, так что высовываюсь чуть сильнее, пытаюсь увидеть, что будет происходить дальше. Вижу Кейт, других офицеров замерших во внимании, и пожилого мужчину в белоснежной форме стражей.

Поскольку в это дело были вовлечены незаконно поднятые монстры глубин, – продолжает этот мужчина, – то оно

получило повышенный приоритет, и оказалось практически раскрыто новичком в нашем деле.

Чувствую на себе злобный взгляд, и повернув голову замечаю, что оба, и Кейн, и Редженс, смотрят на меня крайне недобро.

Причем она провела свое расследование без отрыва от учебы. Помнится, во время нашей учебы мы были настолько загружены, что даже в выходные у нас и мысли не было заняться чем-то еще.

Начинаю догадываться, какая картинка сейчас складывается у наших офицеров в голове. Они не все время на меня пялятся, но бросают такие взгляды, что у меня ноги подгибаются.

Так что такой ценный кадр, – заканчивает командующий, вкратце описав дело и версию его раскрытия Кейт, которую мы придумали, – заслуживает принятия в группу криминальных расследований в не зависимости от набранных баллов. Кто руководит группой в вашем потоке?

Я, – с кажущимся спокойствием произносит Редженс.

Примите к сведению. А кто руководит группой внутреннего контроля?

Я, – с еще большим кажущимся спокойствием говорит Кирилл.

Проследите.

Редженс бросает на меня еще один убийственный взгляд, и я отступаю назад под прикрытия склада. Похоже, я все-та-

ки поеду обратно вниз, как и напроорочествовал Мин. Стараюсь думать, что все же таким образом отомстила Редженсу, бегу упаковывать в свою сумку Потапа и книгу, потому что боюсь мне на сборы и времени то не дадут. Обстановочка накалилась. Не знаю как из всего этого собирается выплыть Кейт, а мне повезет, если меня просто отправят назад, а не со злости выкинут в бездну!